ISSN 0868-698 x

СТОЛИЦА

апрель N14(20)
1991г.1руб.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

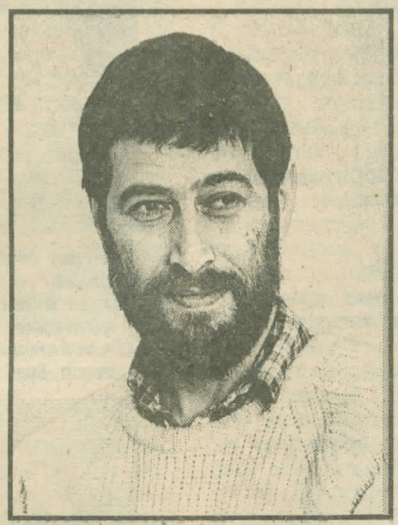
«Ex Libris»

Издательство
Советско-Британского
совместного предприятия
СЛОВО/SLOVO

121433, Москва,
ул. Большая Филевская,
дом 37, корп. 1

Тел. 144-68-18, 144-05-62
Факс. 144-05-58
Телекс 114299 СЕЗАП

СОЦИАЛИЗМ—ЭТО САМОУБИЙСТВО НАРОДА



Борис Семенович ПИНСКЕР, родился в 1947 году, окончил МИНХиГП им. А.Губкина, по образованию инженер-экономист нефтяной промышленности. Профессиональная биография довольно пестрая: подземный забойщик, слесарь-инструментальщик, занимался социологией, организовывал кооператив по преподаванию языкового перевода, один из инициаторов создания фонда «Референдум», который издает монографии и учебники по экономике. В последнее время Пинскер занимается издательским бизнесом.

Лариса Ивановна ПИЯШЕВА, окончила МИНХ им. Г.Плеханова, работает в Институте международного рабочего движения АН СССР, кандидат экономических наук. Лариса Пияшева в числе первых ученых ввела в обиход общественного сознания понятие экономического либерализма.

— Лариса Ивановна, в прошлом году в разгар предвыборной кампании вы выступали со статьей, содержащей критику экономических планов демократических сил. С тех пор последовательно отстаиваете свое право на особое мнение. Стоит ли наносить удары по своим соратникам, ведь вы — тоже в лагере демократов?

Л.П. — Я убеждена, что нельзя было из-за идеи единства, не основанного ни на какой цельной платформе, молчать о том, что многие демократы на выборах выступали с абсолютно неграмотной экономической программой. Я обязана была сказать правду, и меня, кстати, поддержали такие крупнейшие экономисты, как Н.Шмелев и Г.Лисичкин. Другое дело, что демократы не захотели меня слушать, они боролись за власть, а не за идею.

— В стане демократов немало ведущих экономистов страны. Почему же до сих пор не выработана единая экономическая платформа?

Л.П. — Единства между нами нет, поскольку мы стоим на разных позициях — политических, социально-экономических, нравственных. В этом отношении очень четко разделяются коммунисты, социал-демократы и либералы.

Г.Х.Попов не лукавит, когда заявляет, что в душе он социалист. Это действительно так. Основное же кредо социалистов — распределять, они стремятся защитить народ методом справедливого распределения. Коммунисты говорят: «Мы планируем и управляем, и делаем это хорошо». В этой парадигме они ведут между собой споры, как хорошо планировать и управлять. Социал-демократы считают, что коммунисты это делали плохо, а они будут делать лучше и в интересах народа. А экономисты либеральной школы — их у нас очень мало, из тех, кто печатается и участвует в формировании общественного сознания, это В.Селюнин, Н.Шмелев, В.Нейшуль — видят главную задачу в защите бизнеса, предпринимательства, создании условий для тех, кто производит продукт.

Поэтому мы не можем договориться, к примеру, с Л.Абалкиным не по

СТОЛИЦА

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник Моссовета

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40
Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Econews, Швейцария
Fax: 41.21–311.45.11
Tel.: 41.21–311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст–2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Подписку за рубежом осуществляет агентство Econews: box 535 Lausanne 1001 Switserland
Номер подписан в печать 9.04.1991

Тираж 200000. Цена 1 р.
© "Столица", 1991
Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 635

№ 14
1991

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

1 Социализм — это самоубийство народа
(Л.Пияшева, Б.Пинскер)

ПОДОПЛЕКА

6 Стачка
(В.Янкулин)

МЫ

12 Пропала вера в КПСС. Нашедшего просят не беспокоиться
(Б.Дубин)

ИСПОВЕДЬ

13 "Партийцы сделали меня сумасшедшим за то, что я не хотел воровать вместе с ними"
(Д.Семеник)

ЗОНА

19 Они сделали солдат оккупантами в собственной стране
(Д.Мурадян)

ГОРОД

25 Не дай Бог дожить до старости
(Е.Аверина)

АРХИВ

31 Глеб Максимилианович Кржижановский рассказывает о Ленине

БЫЛЬ

35 Живее всех живых

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

50 Москва моего отрочества
(Б.Филиппов)

28 "У нас нет сексотов. Есть люди, добровольно и бескорыстно помогающие милиции", — смахивая слезу умиления, твердили мне милицейские начальники так долго, что я готова была им поверить.

52 ...И когда последняя крыса скрылась под водой, он вернулся в город за обещанной наградой. Но бургомистр и знать захлопнули перед ним двери ратуши и закричали в стрельчатые окна: "Нету, нету денег! Не до тебя!" А наутро, проснувшись в странной тишине, гаммельянцы стали звать своих детей, — но маленькие следы вели прочь из неблагодарного города и терялись в дальних лугах, откуда уже не долетал ни свист дудочки-манка, ни смех...

61 Даниил Хармс (1905—1942) начинал, как и многие, с поэзии, со стихов, но очень скоро стал писать и прозу, и пьесы, и эти три жанра оставались для него постоянными все пятнадцать лет его литературной жизни, из которых еще надлежит вычесть время, прошедшее в тюрьмах и в ссылке.

каким-то личным причинам, а просто мы мыслим в разных категориях. Он считает, что надо продолжать строительство социализма и медленно, постепенно меняться в сторону рынка, капитализма. Либеральное же мышление не приемлет никаких концепций рыночного социализма. Рынок — это свободное ценообразование, свободная конкуренция, частная собственность на средства производства. Все, ничего другого быть не должно. Ни о какой программе пятидесятилетнего строительства рыночной экономики для меня речи быть не может. Если мы переходим к рынку, то делается это в течение недели. Как в свое время мы перешли к гласности, без всяких программ, допустим, трехлетнего перехода или 500-дневного. Так и здесь — принимается декларация об экономических свободах, и дальше все проблемы решает уже не Госплан, а рынок. Государство осуществляет социальную защиту, помогает людям выжить, подкармливает их.

Наши же многотомные программы — просто форма какой-то игры, далекой от реальной экономики. Точно такой же, как та игра в планирование, в которую мы играли семьдесят с лишним лет.

Б.П. — Конфликт между разными группами экономистов и политиков, с моей точки зрения, в значительной степени — конфликт культуры поколений. Социализм, кроме всего прочего, есть патриархальная семья, в которой всегда присутствует грубое владычество старшего, относящегося к младшим не иначе как к недоумкам, которых надо учить. Либеральное мироощущение совершенно иное — никто ни над кем прав не имеет, все равны как человеческие существа. Если же кто-то избрал неверный способ жизни, он волен сломать себе шею — это его личное дело. Никто не имеет права вмешиваться, если, конечно, человек не нарушает уголовный кодекс. В той же степени сказанное имеет отношение и к поведению человеческих коллективов. А у нас вздумали учить народы!

— Начать говорить, шуметь, действительно, можно было в одночасье, а как мгновенно осуществить переход к рынку?

Б.П. — Понимаете, мы о многих вещах говорим неправильным языком. Возьмем переход к рынку. Строго говоря, такого быть не может, ведь на самом деле никто никогда и никуда из рынка не уходил. На свете нет такой формы организации жизни, будь то даже сталинские или полпотовские лагеря, в которой бы в той или иной степени не присутствовал рынок. Почитайте любые мемуары о лагерях, и вы увидите, что красивая женщина — там товар такой же, как и в любой столице мира, возможность освободиться от работы так же на что-то обменивается и т.д. То же самое происходит в армии. Словом, всюду между людьми существуют возмездные отношения, а они и составляют сущность рынка.

Кстати, более продажную, более базарную жизнь, чем та, что создала советская власть, трудно себе представить. Мы жили и живем на базаре, грубом, пронизанном жестокостью и насилием. Наша задача — цивилизовать свое гражданское общество, свой быт и свой рынок. Из торга должно быть выведено насилие, сделка должна быть защищена от угрозы доноса, тюрьмы, политического преследования.

Чем еще плох и омерзителен наш административный рынок, так это абсолютной непредсказуемостью. Социализм лишает человека надежности жизни, собственной воли, он сам не может ничего запланировать ни на день, ни на десять лет вперед. Ему остается только мелкое сиюминутное хапужничество, которое разрушает жизнь в большей степени, чем что-либо другое.

— Как вы оцениваете деятельность союзного правительства?

Б.П. — Наше правительство, к сожалению, никогда не имело мужества сообщать народу о мотивах своих действий. Этим оно напоминает нашкодившего ребенка. Впечатление такое, что больше всего люди в нашей стране боятся услышать правду. Правительство боиться самое себя увидеть в реальности, а народ доволен, когда ему «лапшу на уши вешают».

Л.П. — Все, что делалось и продолжает делаться нашим правительством, я называю «игрой в куличики». Введен пятипроцентный президентский налог, а мог быть и пятнадцатипроцентный, произведен обмен одних купюр, а мог быть и других и т.д. К реальности это отношения не имеет. Почему? До сих пор нам с вами в виде заработной платы выдают строго ограниченную, никак экономически не обоснованную сумму денег, а все остальное изымается априори — на общественные фонды потребления, на военные расходы. Говорят, у нас самые низкие налоги, самая низкая квартплата. Да, но мы с вами все сполна оплатили еще до того, как нам выдали наш прожиточный минимум в качестве платы за труд. Поэтому все это шебуршение вокруг пятипроцентного налога мне кажется очередной игрой в перераспределение и мельтешением вокруг несуществующих экономических величин. Нужна в принципе иная система оплаты труда. Зарплата должна устанавливаться рынком, и, когда человек будет получать свою истинную зарплату, только тогда можно серьезно говорить, какие налоги и на что следует устанавливать.

— А что вы сможете сказать о денежной компенсации в связи с повышением цен?

Л.П. — Новая игра. Если поднимают цены и дают стопроцентную (что совершенно нереально!) компенсацию, то проблема никак не решается. Ведь этой акцией пытались стабилизировать рынок, на самом деле он лишь дестабилизируется. Для раздачи надбавок нужно было напечатать новые бумажки, а как только их напечатали, сразу обесценилась та товарная масса, которая у нас имелась. По существу, от этой надбавки мы стали беднее, хотя выглядит это наоборот.

Б.П. — При этом повышение цен отнюдь не означает их стабилизацию, так как цены по-прежнему устанавливаются сверху, были на одном уровне, поднялись на другой. Это же принцип мерной линейки. Представьте себе, цены выросли в 10 раз, зарплата тоже. Что изменилось? А ничего. Товары от этого не появятся.

— Заметно возрастает тенденция обвинять демократов в ухудшении экономического положения. Есть ли в этом доля истины? Может быть, рано они пришли к власти?

Л.П. — Нет, то, что Ельцин, Собчак, Попов победили и заняли ведущие посты, совершенно правильно. Другое дело, что им был дан исторический шанс, но они его за это время, к сожалению, упустили. Что я имею в виду? Попытаюсь объяснить на примере Москвы. С чего начал свою деятельность Попов? С введения продажи товаров по паспортам, визиткам, талонам, т.е. с разных форм перераспределения. А что можно и нужно было сделать? Превратить Москву в свободный торговый город. Если бы я была мэром Москвы...

— Но Попов еще не мэр города...

Л.П. — Пускай председатель Моссовета, это тоже немало. Так вот, я бы своим декретом установила в Москве беспошлинную рыночную торговлю. Приезжай из любого места, становись на любой площади и торгуй. Единственное, что потребовалось бы, — деньги на уборку площадей. Вместо этого Москва была отрезана от страны паспортной системой в торговле.

Б.П. — Начинать, по-моему, надо было с того, чтобы ликвидировать сам механизм прописки вообще. Это вполне в силах Моссовета. Сделав

Москву открытым торговым городом, мы имели бы возможность возглавить движение по всему Союзу, потому что Москва с принципом свободной торговли вынудила бы другие области перейти на такой же режим. В противном случае весь товар стал бы уходить из них в столицу, как сейчас уходит в Прибалтику или в Грузию.

— Но известно, что действия Моссовета встречают сильное сопротивление, его решения блокируются...

Б.П. — Значит, если вы настоящие политики, то обратитесь к жителям города за поддержкой, назовите, кто конкретно и в чем вам мешает. Когда-то, отвечая на мой вопрос, почему не предпринимаются некоторые шаги, С.Станкевич сказал, что иначе Министерство торговли лишит Москву фондов на сахар, табак и т.д. Но раз министерство смеет морить голодом многомиллионную столицу, сообщите имена этих чиновников ее жителям, пусть тысячная толпа соберется у здания министерства, чтобы они поняли: так поступать с народом нельзя, расплата неминуема, и она может быть жестокой. Наши же народные избранники позволили чиновникам себя шантажировать.

Помимо того, Моссовет мог и обязан был пойти на приватизацию всей московской торговли. Была для этого возможность? Да, российский парламент принял соответствующий закон еще в сентябре.

Л.П. — Карточки и коммерческие магазины — вот к чему пришли демократы. Идея вроде такая — минимум по карточке, остальное — по дорогой цене в магазине. Но история показывает, что карточный минимум мгновенно превращается в максимум. В магазинах остаются лишь валютные товары. Учитывая, что Павлов постоянно подпечатывает новые банкноты, все больше обесценивая рубль, цена на эти товары устанавливается из расчета один к тридцати пяти.

— Сейчас наше демократическое движение объединяется в основном прессой, митингами. Прикройте их завтра, что останется? Как по-вашему, создание Демократической партии России — выход из положения?

Л.П. — Эта партия создана как антикоммунистическая. А ведь история уже доказала, что на «анти» никуда не прийти. Я рассматриваю это как продолжение все того же большевизма.

Б.П. — По-моему, наша демократическая сила — не в митинговости и прессе, а в никудышной производительности государственной собственности. Угроза голода, угроза катастрофы — вот что не дает заглохнуть демократическому движению. Что тут может добавить мощная антикоммунистическая партия? Как я понимаю, Н.Травкин организовал партию по привычной социал-демократической схеме со множеством рабочих ячеек, быстрой мобилизацией и т.д. Видимо, склонность к такого рода организации людей в духе нашей страны, впрочем, как и у немцев. Обратите внимание, что ни в Англии, ни в Америке «партии нового типа» просто не привились. Не так, наверное, устроена голова у этих англосаксов, не могут они представить себя членами ячейки. А в Германии и России — давних тоталитарных империях дело пошло хорошо. Потому и травкинская идея легко ложится на народное сознание и эмоции.

Л.П. — Давайте теперь экстраполируем ситуацию: положим, победила, именно, Травкин, что маловероятно, стал во главе страны, сможет он что-то изменить с точки зрения экономики?

Б.П. — Травкин представляется мне человеком, который честно хочет того, о чем говорит. Он сторонник последовательной приватизации, и мне кажется, что от политика больше ничего не надо — защитить частную собственность. Я взрослый, отвечающий за себя человек, мне нравится мой маленький издательский бизнес, я чувствую, что мое дело необходимо. Если он меня защитит, я буду доволен. Думаю, что таких людей, как я, миллионы.

— Ваши прогнозы на будущее?

Б.П. — Наша монструозная государственная экономика уже рухнула, и больше никогда не возродится. При неверном поведении правительства процесс утверждения нового, а все новое обязательно станет зарождаться как частное, продлится долго. Я бы сравнил его с затяжной весной с длинными заморозками, уничтожающими появляющиеся ростки. Скорее всего, это игра на ближайшие два десятилетия.

— Прогноз оптимизма не внушает...

Б.П. — Я сказал еще не все, есть вещи более жесткие. Я опасаюсь, что нас ждет возврат к принудительному труду. Создалось очень тяжелое положение в сырьевых отраслях: получают люди немного, купить там, где они работают и живут, нечего, вот и уезжают они пытать счастья на юг или в центр. Тамошние края запустевают, рабочих рук не хватает. Если не будет найдено экономическое решение проблемы, то административное ведь лежит на поверхности — лагерное решение. Третьего не дано. А сырье нам жизненно необходимо.

Давайте разберемся, что происходило в нашей экономике за последние шесть лет. Сначала задумали некий инвестиционный рывок, из которого ничего не получилось. Но при этом стремительно падали экспортные доходы и соответственно возможности импорта. Как мне представляется, основное содержание нашей экономической жизни свелось к борьбе за распределение этого импорта. Пустота, с которой мы сталкиваемся в магазинах, аптеках, — результат того, что в этой борьбе проиграл потребительский рынок. Скудеющие валютные ресурсы направляются исключительно в оборонную промышленность. Это предопределяет и выбор политический — блок с армией, военно-промышленным комплексом; изобретение нынешней угрозы, которая оправдала бы все эти действия; «охота на ведьм» внутри страны, депортация людей, слишком заметных, чтобы с ними расправиться на месте...

Л.П. — Меня очень занимал вопрос: до какого предела в гласности дойдет Горбачев? И я, надо сказать, долго играла, в основном, на повышение. Когда в его команде оказались С.Шаталин и Н.Петраков, я обрадовалась, и если я критиковала программу «500 дней», то с позиции некоторой ее недостаточности, считая, что стоит только избавиться от нескольких заложенных в ней неправильностей, то дальше начнется нормальное либеральное движение вперед. Но как раз здесь и проходила граница горбачевской гласности, шлагбаум был опущен. Президент отказался от команды либералов. Он остановился на распределительном социализме, а мы, в свою очередь, отказались от Президента. На сегодняшний день перспективы решить проблему мирным, конституционным путем я не вижу.

Б.П. — Согласен, нам необходимо добиться ухода и Горбачева и правительства, чтобы создать прецедент демократического выхода из кризиса. В конце концов основное содержание демократии — это возможности мирной, бескровной смены правительства. Если наше нынешнее правительство, абсолютно не пригодное и не способное, сумеет сейчас уцелеть, это может означать, что подписали смертный приговор, и не свободе, а всем нам, всем народам страны. Мы просто вымрем. Это последний раунд борьбы, его надо выиграть.

Беседу вел А.НИКОЛАЕВ

« УХОДИТЕ, ВАШЕ ВРЕМЯ ИСТЕКЛО ! »

Ни один митинг в последнее время не обходится без призывов к отставке. В отставку призывают уйти министров, премьер-министра, президента... Вот только странно: призывают уйти одних, а уходят — другие. В отставку уходят люди с понятием чести. Остаются — судорожно цепляющиеся за власть.

Откройте четырехтомный академический Словарь русского языка. Последнее издание. Посмотрите значение слова «отставка».

«ОТСТАВКА. Окончательный уход с **военной** службы, а также (до революции) окончательный уход, увольнение с гражданской государственной службы».

Спасибо ученым из Академии наук и члену-корреспонденту С.Г.Бархударову. Теперь мы знаем: в отставку с государственной службы возможно уйти только **до революции.** Сейчас — никак невозможно. Пусть полмиллиона или миллион сограждан вопят на Манежной площади: «Президента — в отставку!» Пусть себе вопят — он все равно не уйдет.

Вспомните, что началось, когда Ельцин призвал Горбачева уйти в отставку. Призвал, опираясь не только на собственное мнение, но и на мнение своих избирателей (достаточно взглянуть на результаты любого опроса общественного мнения, чтобы понять, что большинство советских людей отставку Горбачева только поприветствуют). Ничего экстраординарного Ельцин не сказал. На Западе, где парламентская демократия, не в пример нашей, давно окрепла и даже имеет некоторые традиции, призывы к отставке руководителей страны — обычное дело. Часто и призывы не требуются: уходят сами, знают, когда уйти. Ну, не справляется человек с возложенными на него обязанностями или оказался причастен к каким-то не совсем чистым делишкам — уходит не пикнув. А если не уходит, если чист как стеклышко, а все же находится кто-то, кто продолжает твердить: «В отставку!» — что ж гневаться? Высказаться имеет право каждый, и нечего ради того, чтобы подтвердить

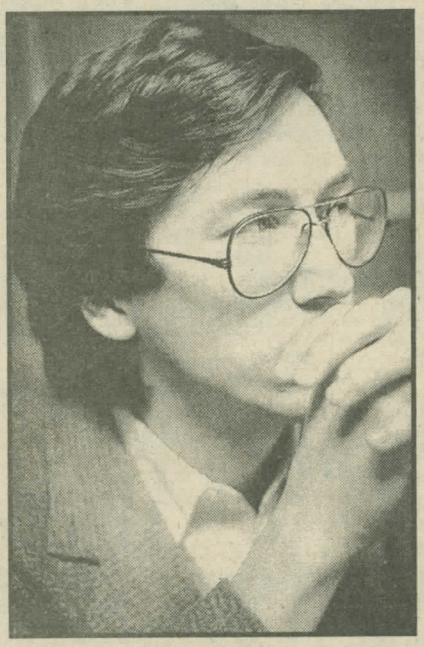


Фото Э.Кудрявицкого

эту истину, тревожить Комитет конституционного надзора. У него и без этого дел по горло: практически каждый президентский указ вызывает поток рекламаций в этот самый комитет.

Вот в Верховном Совете России обнаружили подслушивающие устройства под кабинетом председателя, установили их хозяина — КГБ СССР. Ладно Горбачев, но председатель КГБ должен был после этого уйти в отставку? (Вспомним, что сделал президент Никсон после уотергейтского скандала.) Что же делает Крючков? Переходит в контрнаступление, пытается доказать недоказуемое: мол, хотя в стенах кабинета Ельцина и были приемные антенны, но принимали они нечто другое; хотя и находился в секретной комнате магнитофон, но и он записывал нечто иное. А параллельно запускается колоссальная интрига с подсаженным иностранным авантюристом. В результате в отставку уходит вовсе не Крючков, а Фильшин. Спрашивается: если авантюрист был у вас под колпаком, что же вы российское правительство не предупредили, не остерегли?

У Юлия Кима есть замечательная песенка. В ней рефреном повторяется просьба: «Уходите, ваше время истекло». Обращается он в этой совсем не шутливой песенке к представителям правящей коммунистической партии. Уйдите, не мешайте жить, не мешайте делать дело. Вот о чем песня.

Как они умеют **уходить,** мы видели в Литве и Латвии. Эстонию уберег от дальнейшего развития событий прибывший туда Ельцин. За это его клянут. За это принуждают уйти в отставку. Единственного человека, которому еще верят люди, — в отставку. А куда тогда руководителей давно севшей в лужу партии?

Очень не хочется, чтобы Горбачев, когда ему все-таки придется уходить, сделал это по рецептам Чаушеску. Пусть лучше берет пример с Никсона или со своей подруги Тэтчер. Дорого бы я дал, чтобы узнать, что он для нас всех на этот случай приготовил...

Волна отставок накрыла в последнее время даже такую малозаметную в перестроечные годы организацию, как Союз писателей. Не выдержав критики, ушел на пленуме этого Союза его руководитель Владимир Карпов. Да вот интересная подробность: какое-то время после отставки он замечательно отправлялся в зарубежные поездки во главе писательских делегаций именно как первый секретарь правления СП СССР.

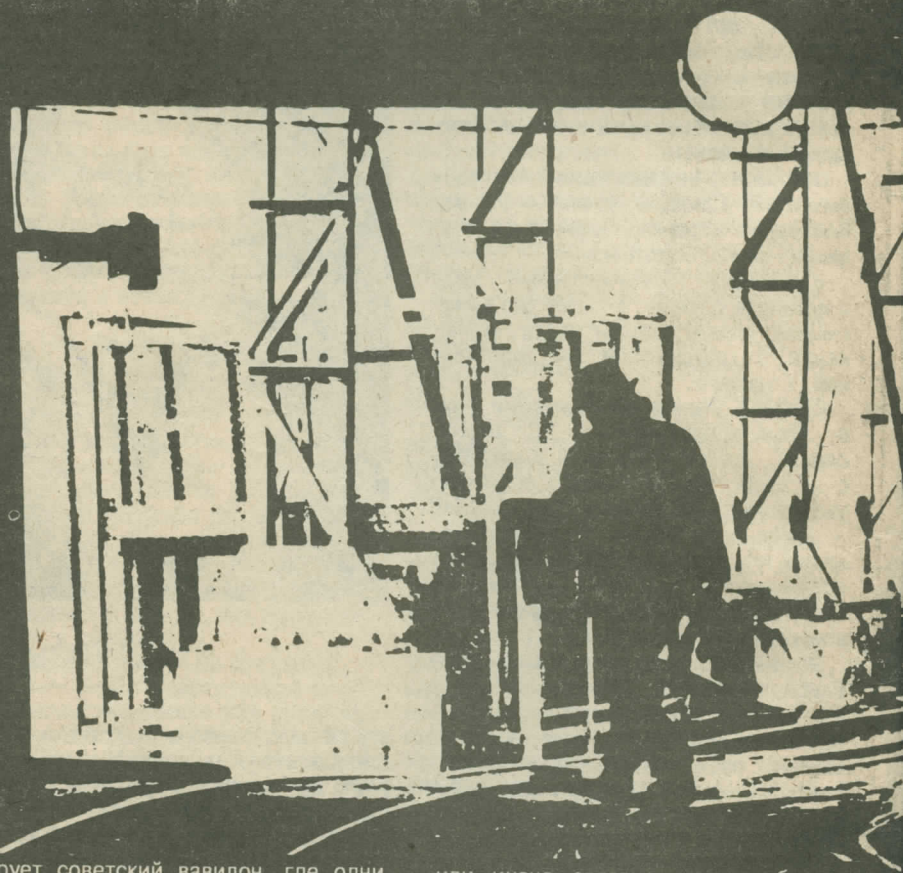
А ведь это замечательная идея! Как бы так сделать (может, и в Конституции закрепить?), чтобы и Михаил Сергеевич внутри страны вроде как числился бы в отставке, а выезжая за границу — вновь становился бы президентом. Вернулся в страну — отставник, снова поехал — президент. Президент Горби.

Вы знаете, мне кажется, на такую отставку он бы согласился.

Андрей МАЛЬГИН

Владислав ЯНКУЛИН

СТАЧКА



— Ну, как забастовка? — спросил я у таксиста, сойдя с поезда в Макеевке.

— А разве сейчас забастовка? Мы этого не чувствуем. Вот про первую знали все. Сменами приходили на площадь перед «Белым домом» (так здесь именуют здание городских властей. — **В.Я.**). Жены приносили мужьям еду. Было ощущение какого-то праздника, единства. А сейчас? Не знаю. Вот с бензином стало в городе лучше. Говорят, специально к нам гонят все возможные товары, чтобы жены требовали от мужей деньги. А когда купить нечего — можно и бастовать...

Про магазины Донбасса скажу сразу: они не сильно отличаются от общеизвестной ситуации. Но полки пусты все же фигурально, а не буквально, как у нас в столице. Во всяком случае, без особой очереди можно купить и молоко, и колбасу, и конфеты, как принято говорить, в ассортименте, которого давно не видал в московских кондитерских. Да и на рынке цены на мясо не так строги — от 7 до 12 рублей. Не случайно многие местные жители отправляют сидоры с пропитанием для своих столичных родственников и друзей. Правда, все, что пользуется «повышенным» спросом, продают по купонам — аналог «московских денег», которые давно собираются вводить. Но, поверьте, и без купонов с голоду здесь не умрешь.

Из бесед выстроилась картина сегодняшнего Донбасса, похожая на всю нашу запутавшуюся жизнь и непохожая ни на что. Как всякий регион с богатой историей, смесью укладов, смешением наций, Донбасс демонстрирует советский вавилон, где одни покупают на рынке жигулевскую «девятку» за 100 тысяч, а другие едва перебиваются от зарплаты до зарплаты. И все же некие определяющие моменты выделить можно.

Прежде всего, довольно четко прослеживаемая монокультура промышленности: уголь — металл — химия. Есть, конечно, не только угольные шахты, но и соляные, не только металлургические заводы, но и керамические (скажем, жива давняя кузнецовская традиция в Славянске). Однако примерно 70 процентов трудоспособного населения так или иначе связано с угледобывающей промышленностью. Говорят, нет ни одной семьи, где бы кто-то из родственников не работал на шахте.

Специфичность Донбасса и в том, что, будучи неоспариваемой землей Украины, он остается русскоязычной территорией, даже «Донецкий вестник» «Руха» издается на русском языке. Да и на митингах, которых в преддверии референдума проводили и местные власти, и «Рух», звучала в основном русская речь.

Отличает Донбасс и то, как уверяли меня многие его жители, что здесь не отменена еще 6-я статья Конститу-

ции СССР. И по-прежнему здесь единственная партия и единственная правящая сила — КПСС. Многие искренне уверены, что даже забастовками руководит партия коммунистов:

когда ей надо, открывает клапан для возмущений и требований, когда не надо — наводит дисциплину железной рукой. И потому, наверное, спорадически возникающие в регионе забастовки непоследовательны, разобщены и несут обычно весьма умеренные экономические требования. Сейчас, когда в Кузбассе, где и более голодно и более радикально настроенные шахтеры осознали, что корень всех бед именно в незыблемости политических основ сегодняшнего руководства страны, это различие особенно наглядно.

В Макеевке для меня все расположилось на одной площади: и власти, и гостиница, и производственное объединение «Макеевуголь». И после всего уже поведанного я ничуть не удивился, когда на вопрос, где располагается местный стачком, гостиничный администратор ответила: «Да где же ему располагаться? В горкоме, конечно!»

Сто шагов от гостиницы — и я в здании горкома. Но уже первая партийная дама, а их трудно с кем-либо спутать, потому что ни одна женщина из других сфер не бывает окутана таким лоском высокомерия, снисходительно заметила: «Да нет, здесь **такого** быть не может. Это во-о-он в тот дом». И, сделав еще те же сто шагов, я вошел в здание ПО «Макеевуголь».

Вообще-то из общелогических представлений странно, что стачком, по сути противостоящий администрации, располагается с ней в одном здании, точнее — даже на ее территории. Но люди, встроенные в систему, ее противоречий не видят. Ну что ж, говорят они, стачком находится в помещении, отведенном теркому профсоюза угольщиков. А ему сам бог велел располагаться здесь. И потому, что «школа коммунизма» должна быть всегда под рукой у начальства, и потому, что руководство объединения — тоже члены профсоюза угольщиков и также имеют право решать — бастовать или не бастовать.

Больше того, в соответствии с Законом о порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов), который чаще именуется «Законом о забастовках», права администрации весьма значительны. Дело в том, что решение о забастовке должно принять собрание, на котором присутствует 75 процентов работающих в коллективе или тех, кому он доверил право принимать решение. А из 75 процентов больше 66 (то есть почти девять десятых!) должны проголосовать «за», чтобы забастовка была правомочной.

Ситуация осложняется тем, что шахтеров собрать воедино трудно: круглосуточная посменная работа, график скользящих отпусков, высокая заболеваемость и травматизм. Административный аппарат шахтоуправлений, а также те, кто работает во вспомогательных производственных службах, в столовых, профилакториях, детских садах, короче, те, кто не спускается каждый день под землю, также входят в профсоюз угольщиков и, как мне сказали, составляют не менее четверти его состава.

Надо сказать, что в свое время из-за благоглупостей нашей финансовой системы включение работников детского сада в состав «производственников» играл положительную роль: только так удавалось поднять зарплату воспитателям, нянечкам и медсестрам. И польза была налицо: меньше болели дети, родители перестали отсиживать с ними на больничных листах. Но, пытаясь снивелировать дефект системы, а не саму ее, мы всегда бумерангом получаем очередную глупость: теперь уже нянечки детских садов решают, бастовать или не бастовать отцам чад, которых они пасут.

Для иллюстрации приведу статистику конференции трудового коллектива одной из шахт. От более чем трех тысяч работающих делегатами

на эту конференцию были избраны 170 человек, присутствовали 127 из них (необходимый кворум набран был условно — не хватало полчеловека). Из них примерно 100 человек были шахтеры, остальные представляли аппарат управления. Для решения, скажем, о проведении забастовки «за» должно было проголосовать как минимум 113 человек из 127. Понятно, насколько это нереально.

Кстати, личные потери администрации и тех, кто работать «хотел, но не мог», застрахованы. «Работникам, не принимавшим участия в забастовке, — говорится в Законе, — но в связи с ней не имевшим возможности выполнять свою работу, предприятие, учреждение, организация обязаны сохранить заработную плату... как за простой не по вине работника».

Все эти обстоятельства служат причиной постоянных распрей и в Горкоме профсоюза угольщиков и в самом стачкоме. Они же привели к созданию Независимого профсоюза горняков, который предполагает объединять только тех, кто трудится непосредственно под землей.

Почему именно эти люди должны определять требования шахтерских коллективов? В чем эти требования и насколько они выполнимы?

Несмотря на все, что мы слышали про тяжелый шахтерский труд, мало кто себе представляет, насколько это ужасно в реальности. Сегодня забойщик идет к месту своей работы 1,5—2 часа. Причем «идет» — не более чем образ. Он ползет по штреку высотой в 40—50 сантимеров, волоча за собой отбойный молоток и традиционный тормозок с едой. Два часа до места работы, два часа обратно. Прибавьте это к сокращенной 6-часовой смене шахтера. Ему ведь еще надо отмыться, добраться домой и выспаться. Жизнь на уровне физиологии.

Член стачкома Макеевки проходчик известной шахты имени Бажанова Виктор Медянцев показал мне полученную им накануне в бухгалтерии распечатку кассового аппарата. За 18 дней его заработок составил 266 рублей 52 копейки. Из них около 25 рублей вычли на налоги. Наверное, не надо объяснять, что профессия проходчика одна из самых тяжелых. Именно среди них наибольший процент заболеваемости силикозом, даже до льготной пенсии редко кто доживает в забое.

Поэтому необходимость резкого — в 2-2,5 раза — повышения заработной платы шахтеров бесспорна. А вот разговоры Щадова, Павлова и других кириенков о том, что отрасль находится на дотации и деньги взять неоткуда, — более чем сомнительны вообще, а в условиях рыночной экономики просто бессмысленны.

Если уголь нужен, а об этом идет трезвон по всей стране, то он должен оплачиваться по цене, адекватной затратам на его производство. Правительство недавно подняло закупочную цену на уголь, и сейчас, скажем, для «Макеевугля» она составляет по одним сведениям 94, по другим — 114 рублей за тонну — в 2,4 раза выше прежней цены. Однако это повышение, по словам руководителей отрасли, едва компенсирует удорожание комбайнов, стругов, конвейеров, металлической крепи, взрывчатых веществ и всего остального, за что платит угледобывающее предприятие. На прибавку к зарплате тем, чьим каторжным трудом уголь подымается из земли, денег снова нет.

Но дело ведь не в том, чтобы поднять цену в 2 или в 4 раза. Цена должна быть объективным показателем не только затрат, не только рыночной конъюнктуры, но и неким барометром целесообразности производства — его объемов, интенсификации, рентабельности. Наиболее объективным критерием для цен сегодня

признаны все-таки цены мирового рынка. А там цена аналогичного угля составляет 120—140 долларов за тонну. Сравните: 114 рублей и 120 долларов — сопоставимо ли это?

Теперь о трудозатратах. «Подсчитывал ли кто, сколько мы теряем от того, что почти на каждом участке числятся проходчиками, горнорабочими «писари»? — вопрошает в газете «Макеевский рабочий» В.Кудрявцев, горнорабочий шахты имени Поченкова. Он говорит о множестве случаев бесхозяйственности и непрофессионализма, из-за которых на участках неделями простаивают шахтеры и механизмы. А расценок, говорится в этой же публикации, за выполнение работы практически никто не знает. И вот рабочий предлагает то, что никак не доступно пониманию ни министра, ни премьер-министра: надо отменить все фикции на всех уровнях — коэффициенты стимулирования, дотации и прочее. «Надо просто установить реальную цену тонны угля, погонному метру проходки — и вперед!»

Конечно, нам скажут, чего захотели. А представляете, как ваш уголь при такой цене поднимет стоимость металла, а с ним автомобилей и прочего, как подорожают продукты коксохимии? Честно скажу, не представляю. Потому что стоимость сегодняшнего автомобиля (по госцене!) завышена как минимум вчетверо. И если при новой цене на уголь (и не только на него) государство будет зарабатывать только 100 процентов от себестоимости изделия, ничего страшного не случится.

«Шахты скоро объявят банкротами», — вещает скрипучим голосом по ЦТ Щадов. А я вспоминаю умное лицо Валерия Блищика, машиниста горновырубочной машины и члена стачкома Макеевки, который толково объяснил мне, что они требуют пересмотреть налоги — не с шахтеров, а с предприятий. Если отрасль такая убыточная, если она требует дотаций, почему бы, действительно, в качестве первой меры не умерить налоги? (Так, кстати, поступают во всех странах, где это диктуется экономической или социальной необходимостью.)

Но здесь проблема упирается в самые простые наши истины. Правительству Павлова, как и его предшественникам, важно собрать как можно больше со всех, а потом перераспределять. Захотят — облагодетельствуют, не захотят — поставят на колени. А уж сколько со всего этого потратят на свои нужды, да на КГБ, на ЦК КПСС и т.д. — это, увы, проверить еще никому не удавалось.

Тот же Блищик, который у себя на шахте возглавляет СТК, говорил, что никак не может получить расчета рентабельности. И уж если шахта нерентабельна, это должно означать прежде всего, что *не нужно* стране столько угля, столько металла. Надо понять, что это и есть тот самый затратный механизм, когда одно производится, чтобы производить другое, другое — чтобы третье, а третье — экономически нецелесообразно. И только потому в развитых странах пластики давно заменили металл в целом ряде изделий, что металл производить стало невыгодно! Кстати, сами шахтеры это понимают и говорят: невыгодно добывать уголь — закрывайте шахты. Однако решите проблему нашей занятости: переучивайте, создавайте новые рабочие места.

...В Донбасс я приехал в канун референдума. О нем постоянно напоминали жидковатые митинги, омоновцы, почему-то базировавшиеся в макеевской гостинице, армейские КАМАЗы с громкоговорителями, через которые хорошо поставленный голос стращал всех распадом Союза... Забастовка не интересовала никого. И, глядя на искусственный бум вокруг неудачной попытки доказать недоказуемое, на вялотекущую забастовку, объяснимую и эмоциональной усталостью шахтеров и беспросветным тупиком власти, я с содроганием вспомнил единственное, что поразило на этом фоне, — знакомый до боли лозунг в местной партийной газете: кто не с нами, тот против нас.

Донецк — Макеевка

Москва — Нижний Новгород:

НЕ ДАЮТ ПОКОЯ СНИМКИ ИЗ «ПЛЕЙБОЯ»

Нижегородец Дмитрий Богачев печально известен и в столице, и на родине погромом, который он учинил в столичном ДК «Меридиан» на выставке эротического искусства. Был безобразный скандал, пять суток в следственном изоляторе, заметки в центральной прессе. Бывший член всевозможных политических партий и движений — Демократического Союза, Народного фронта, РХДД, НТС — был назван в «Комсомольской правде» вдобавок еще и членом нижегородского «Крестьянского патриотического союза». По словам самого Богачева, в отделении милиции он сообщил лишь, что является истинным христианским патриотом. «Христианский» превратилось в «крестьянский», а «патриот» — в «патриотический союз». Так «Комсомолка» дала жизнь новой политической партии.

Несмотря на возбуждение уголовного дела Черемушкинской районной прокуратурой города Москвы по статье 206 часть 2 (хулиганство), Богачев все же надеется провести независимую экспертизу экспонатов выставки на предмет признания ее преступной, направленной против нравственности. В беседе с одним из нижегородских репортеров Дмитрий все же обещал впредь вести борьбу с порнографией исключительно мирными средствами, рассказал о своем желании создать ассоциацию духовного возрождения.

В Нижнем проходит эротическая выставка, аналогичная разгромленной в Москве, но Богачев слово свое держит. Жертв и разрушений нет.

Олег КАПИТАНОВ

Люберцы:

ВООРУЖАЮТСЯ

Подмосковный город Люберцы, похоже, опять становится притчей во языцех. Год назад жители города были ошарашены известием о десятках пневматических винтовок, неизвестно куда исчезнувших со складов районного отделения ДОСААФ. А несколько месяцев назад на заводе имени Ухтомского были найдены в разобранном виде огнеметы.

Остается только догадываться, против кого должно было быть направлено все это оружие.

Александр ДМИТРИЕВ

Челябинск:

КОММУНИСТЫ НА ТРОПЕ КОММЕРЦИИ

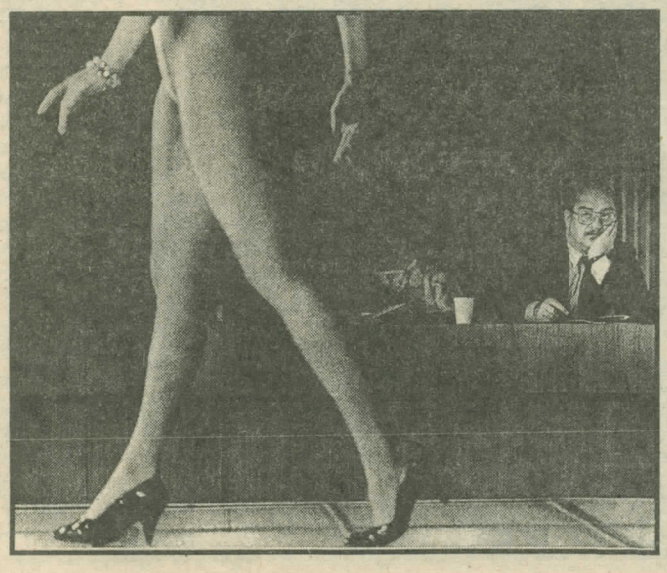
КПСС сейчас трудно. Меньше стали платить взносов, нет дотаций из центра. А жить как-то надо. И штаты сокращать не хочется.

Стоит ли удивляться, что многие партийные комитеты решили забыть на время о принципах и прибегнуть к коммерции.

Например, при Металлургическом РК КПСС Челябинска был создан общественно-политический центр. В обязанности этого центра вменено в числе прочих и установление контактов с кооперативными и иными коммерческими организациями. Сделка состоялась. Коммерсантов привлекли льготные налоги, а райком — возможность урвать лакомый кусочек от их прибылей. Действительно: пока в российском парламенте мечут громы и молнии по поводу незаконных налоговых льгот КПСС, почему бы не половить рыбку в мутной воде?

Один из кооперативов, который числится при РК КПСС, занимается изготовлением намордников и ошейников для собак. Что ж — с небольшими поправками на текущий момент, — дело привычное.

Александр ПОДОПРИГОРА



Москва:

«ВЕЖЛИВАЯ» РАСПРАВА — СНОВА В МОДЕ

Незавидная участь постигла академика Инжерной академии СССР, члена Европейской ассоциации химиков Германа Евсеевича Кричевского. В Московском текстильном институте им. А.Н.Косыгина он заведовал кафедрой химической технологии волокнистых материалов. Неприятности у профессора начались сразу же после того, как он дерзнул заявить о своем выходе из КПСС и стал депутатом Октябрьского райсовета, значительно опередив на выборах официальных кандидатов — выдвиженцев института. Обо всем этом шла речь в опубликованной в «Столице» (N 5, 1990 г.) корреспонденции «Профессор-смутьян».

Но прежде чем этот номер поступил в газетные киоски, стало известно, что мятежный профессор освобожден от занимаемой должности.

Внешне это выглядело так: на заседании Ученого совета института кандидатура Г.Е.Кричевского была забаллотирована. По меньшей мере половину членов совета, сказавшего «нет», составляют «ученые» кафедр общественных дисциплин, представители парткома, профкома, работники бухгалтерии, а также сотрудники научно-исследовательской части института, за реорганизацию которой ратовал Г.Е.Кричевский.

Проигнорировано мнение коллектива кафедры, которую возглавлял профессор. На ее заседании 23 человека высказались в поддержку Г.Е.Кричевского и только трое воздержались.

Анатолий ПРИХОДИН

Киев — Красноярск:

КРЕСТЬЯНСТВО ГАЗЕТЧИКОВ БАЛУЕТ...

160-килограммовую свиную тушу с риском для жизни и репутации везли из Баштанского района Николаевской области в Киев председатель колхоза «Украина» В.В.Ященко и главный бухгалтер А.М.Василенко. По пути их не раз останавливала строгая милиция: куда, мол, везете достояние республики? Приходилось то и дело предъявлять лауреатский диплом...

Все дело в том, что в начале нынешнего года новая газета — орган Верховного Совета УССР «Голос Украины» — сообщила: правление колхоза обещает наградить авторов двух лучших январских публикаций. Слова колхозников настолько не разошлись с делом, что среднерыночная цена приза составила около 2000 рублей.

Не остался внакладе и колхоз, оплативший рекламу в новой республиканской газете с помощью своеобразного «бартера».

Почин нашел достойное продолжение. И вот уже правление другого колхоза — имени Ильича — обещает отметить таланты второго квартала «в гусях».

Вот так растет популярность газеты, по крайней мере в колхозных и журналистских кругах. Обойденные вниманием и питанием сотрудники других изданий задумываются: не подложить ли свинью, не усилить ли агитацию за роспуск колхозов? Ведь в случае успеха и потенциальных спонсоров — фермеров — появится больше, и в магазинах, даже при отсутствии таланта, можно будет хоть что-то купить...

Сергей СЕРГЕЕВ

...А ПРОЛЕТАРИАТ — КОНТРОЛИРУЕТ

Русскому человеку без отеческой руки мудрого цензора — никуда. Подумаешь, Закон о печати! На всякую старуху найдется какая-никакая проруха. Роль третейского судьи может взять на себя и рабочий класс.

В Красноярске, например, это уже становится традицией. 7 ноября прошлого года труженики типографии «Красноярский рабочий» отказались печатать праздничный номер газеты «Красноярский комсомолец». Повод — подборка анекдотов, высмеивающих некоторые наши идеологические догмы («Алло, это Смольный? — Смольный. — Пиво есть?» и т.д.). Редколлегия молодежки на требование печатников снять крамольный материал ответила отказом — и подписчики оказались без любимого издания.

Прошло четыре месяца. И снова — роковая семерка. На этот раз типография бойкотировала номер, посвященный Международному женскому дню: «Не понравилась» статья народного депутата Виктора Гитина о разделе собственности КПСС, частью которой, кстати, является и типография «Красноярский рабочий».

Интересно, каким боком печатники заинтересованы в том, чтоб КПСС сохранила свои богатства, что они с этого будут иметь? А может, просто не хотелось трудиться в предпраздничный день?

«СВОЙ ГОЛОС»

Киев:

А ЗАВТРА — МИНИСТР ВО ГЛАВЕ ПАТРУЛЯ?

Есть повод для радости у киевлян.

К патрулированию улиц столицы Украины после длительного перерыва вновь приступили сотрудники аппарата самого Министерства внутренних дел УССР.

Можно, конечно, позавидовать Печерскому району, на улицах которого будут нести службу отнюдь не сержанты, можно побороться за то, чтоб каждому району — по министерству...

А можно вспомнить осенние «милицейские» баталии в Совете Министров и Верховном Совете Украины. Тогда звучали требования дать возможность каждому работнику органов МВД заниматься непосредственно служебными обязанностями, а не использовать всех в роли «старших куда пошлют»: в патрулях, «милицейских цепочках», в качестве постовых. Отшумели споры...

На одном из киевских митингов (далеко, кстати, не многолюдном) роль стража порядка привычно нес совсем не рядовой полковник УБХСС МВД УССР. И это при том, что в его управлении нераскрытых дел, как никогда, — выше головы.

Виктор ОЛЕНЧУК

«Осколки» собирали Кирилл РЫБАК Александр МЕШКОВ Наш телефон 921-52-78

ПРОПАЛА ВЕРА В КПСС. НАШЕДШЕГО ПРОСЯТ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ

17 МАРТА СТРАНА СКАЗАЛА «ДА» «ОБНОВЛЕННОМУ СОЮЗУ». ХИТРОУМНЫЕ ПРАВИТЕЛИ, СПРЕССОВАВШИЕ ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА В ОДИН, ДОБИЛИСЬ-ТАКИ ВСЕНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЫБОРА ПРЕДКОВ» И СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ. РУКОВОДСТВО ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ ТЕПЕРЬ ВЕЩАЕТ СО ВСЕХ ТРИБУН О СВОЕМ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ НА ВЛАСТЬ, О ТОМ, ЧТО КОМПАРТИИ, ДЕСКАТЬ, ПОКА НЕТ АЛЬТЕРНАТИВЫ. МОЖНО НЕ СОМНЕВАТЬСЯ: ИЗОЩРЕННЫЕ ИДЕОЛОГИ ВЫЖМУТ ИЗ ПЕРВОГО НАШЕГО СВОБОДНОГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ВСЕ, ЧТО СМОГУТ.

МЕЖДУ ТЕМ, ЕСЛИ БЫ ВОПРОСЫ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ВЫБОРЕ И О ВЕРХОВЕНСТВЕ КПСС БЫЛИ ПРЕДЛОЖЕНЫ ЛЮДЯМ ПО ОТДЕЛЬНОСТИ, РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫЛИЛИСЬ БЫ В КАТАСТРОФУ ДЛЯ НЕДАВНЕЙ «РУКОВОДЯЩЕЙ И НАПРАВЛЯЮЩЕЙ СИЛЫ». ПОДТВЕРЖДЕНИЕМ ТОМУ МОГУТ СЛУЖИТЬ ДАННЫЕ, ПОЛУЧЕННЫЕ В ХОДЕ ОПРОСОВ ВСЕСОЮЗНЫМ ЦЕНТРОМ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (ВЦИОМ).

Отдел общественно-политической жизни

Исследовательский коллектив регулярно повторял опросы населения страны каждый декабрь в течение трех лет. Кроме того, на протяжении всего прошлого года мы каждый месяц повторяли вопрос о доверии к КПСС. Данные по всесоюзной выборке объемом в разные месяцы от 1850 до 2950 человек, представляющих основные социально-демографические группы, показывают: число тех, кто полностью доверяет партии, снизилось с 24 процентов в декабре 1989 года до 7 процентов в декабре 1990 г. Доля же целиком не доверяющих поднялась за это время с 24 процентов до пятидесяти (а во второй декаде января — до пятидесяти двух). Сохранившие доверие к «уму, чести и совести» чаще встречаются среди пожилых, обладающих низким статусом и потому более зависимых от власти людей, жителей сел и небольших городов. Положение правящей верхушки еще хуже: во второй половине февраля только 7 процентов признались, что их доверие к руководству КПСС за последние месяцы так или иначе выросло, тогда как 74 процента — что оно упало.

В ходе опроса по итогам 1990 года мы смоделировали для 4600 наших респондентов пробное голосование по многопартийному принципу.

За кандидата от КПСС проголосовали бы 11 процентов, а за представителя другой партии — 27 процентов (трое из пяти пока затрудняются с выбором либо партийный принцип для них безразличен). Опять-таки среди приверженцев компартии можно чаще встретить людей старше 55 лет, пенсионеров, подписчиков «Правды» и «Советской России», тогда как среди их оппонентов преобладает молодежь до 29 лет, подписчики «Московских новостей», «Московского комсомольца», «Огонька» и «Нового мира». Среди людей, считающих истекший год тяжелее предыдущего, 44 процента находят, что лучше всего живется сегодня партийным и государственным деятелям, а 65 процентов — что мошенникам и спекулянтам.

Третьим — после вывода войск из Восточной Европы и расширения гласности — радующим общественным процессом прошлого года для людей стала «утрата КПСС монополии на власть» (таково мнение 21%). Примерно каждый шестой назвал главным событием года отмену 6-й статьи Конституции. При этом, по мнению каждого пятого, для решительных перемен к лучшему в экономике необходимо как можно скорее преодолеть сопротивление реформам со стороны партийного и административного аппарата, а каждый третий считает: главный тормоз процессов демократического обновления в стране — стремление аппарата удержать власть любыми средствами. Надежду же на КПСС и восстановление роли партийного руководства продолжают питать 4 процента опрошенных (в 1989 г. их было 9,5 процента).

Не приходится уповать и на силу идей. Основную причину нынешних трудностей видят в отходе от принципов социализма 5% (в 1989 г. их было 18%). 6 процентов огорчены утратой веры в коммунистические идеалы (каждый девятый, напротив, обрадован укрепляющимся разумно-критическим отношением к этим идеалам). Каждый седьмой считает устаревшими, исчерпавшими себя лозунги перестройки, а примерно каждый шестой видит в них камуфляж, прикрывающий борьбу в верхах за власть. Куда меньше доля тех, кто расценивает эти лозунги всерьез: 7 процентов понимают их как «революционное преобразование советского общества», а 4%, напротив, как «отход от социалистических завоеваний».

Если главным героем 1988 г. был генеральный секретарь КПСС, а четвертым по значимости событием — XIX партконференция, то в списке лидеров 1990 г. Горбачев, чья популярность резко снизилась, идет вторым после Ельцина (их вписали в графу соответственно 18 и 32%), XXVIII съезд КПСС причислили к событиям года 3%, учредительный же съезд КП РСФСР — 1%. Включенные нами в специальный список лидеров «второго ряда» И.Полозков и Ю.Прокофьев собрали соответственно 1,4 и 0,4 % голосов, тогда как возглавил список Анатолий Собчак, получивший 23% голосов.

Членами других партий и политических организаций на конец 1990 г. состоят 3% опрошенных. 38% опрошенных полагают, что в будущем году рост влияния партий и движений, оппозиционных КПСС, вполне вероятен (21% — что он маловероятен).

Борис ДУБИН,
сотрудник ВЦИОМ

«ПАРТИЙЦЫ СДЕЛАЛИ МЕНЯ СУМАСШЕДШИМ ЗА ТО, ЧТО Я НЕ ХОТЕЛ ВОРОВАТЬ ВМЕСТЕ С НИМИ»

После Великой Отечественной войны у Василия Андреевича Гончаря началась другая битва. За 34 года он сменил 82 места работы.

— Я родился в 1921 году в станице Абинской на Кубани в семье потомственных казаков. Все мои 180 дядей — двоюродные, троюродные — были царскими офицерами, и я воспитывался на их рассказах о военных походах. Эта земля стала нашей только в 1839 году, и казакам часто приходилось отражать набеги турок, черкесов.

Сначала большевики у нас сделали коммуну. Туда вся беднота пошла. На собрания ходили все, потому что там кормили. А вот работать не хотели. Поэтому пахать и убирать всю станицу выгоняли насильно.

В 1933 году мать, сестра и братья померли. Вымели у нас все подчистую. Последнюю пачку табаку, кислицу сушеную, что на чердаке была спрятана, — и ту позабирали. Чтобы голодом принудить идти в колхоз.

Я тогда ходил в лагеря стоявшей неподалеку воинской части. Солдат неплохо кормили, перепадало и мне, поэтому и выжил.

В 12 лет я остался один. Пешком пошел в Новороссийск к дяде. У дяди семья была очень большая, и я сразу начал работать на заводе учеником штукатура.

В 19 лет призвали в армию мотористом. Экстерном окончил авиационное училище по специальности «инженер-механик».

Началась война. Вступил в партию. Я был механиком, но стрелков не хватало, и мне приходилось летать. 23 февраля 1942 года самолет загорелся после бомбардировки немецких позиций под Севастополем. Пришлось прыгать, и парашют не раскрылся. Высота была 3 км, меня понесло «бабочкой». Упал в глубокий снег на косогоре, пролетел под сугробом около 50 метров и вылетел на лед у самого моря. Порвал живот, руку. Но смог перебраться через фронт. Потаскали меня потом по особым отделам, отстранили от секретной работы. Служил до конца войны, уже будучи инвалидом.

После победы работал на хозяйственных должностях. Сначала — начальником лесосек артуправления ВМС. И сразу столкнулся с воровством. В 50-м году получился у меня излишек — 100 кубов леса, и по неопытности я написал письмо начальству с просьбой оприходовать этот лес. А начальство взяло и построило из него себе дачи. Мне надо было бы поспокойнее отнестись к этому, а я в лицо назвал их ворами. В ответ начполитотдела влепил мне выговор по партийной линии, а начштаба написал такую аттестацию, что только держись. Я написал Сталину. Сталину верил до конца. Какой бы он ни был плохой, при нем был порядок. Любой вопрос можно было решить за два месяца, если правильно жалуешься. А сейчас? 35 лет добиваюсь, чтобы мне по закону, как инвалиду войны, дали квартиру. Если бы воровал вместе с коммунистами, то уже давно бы получил ее.

Через две недели после письма приехал полковник Нарожный из артуправления ВМС, начальничьи дачи оприходовал. «А тебе, — говорит, — здесь делать нечего, они тебя съедят». Перевели на должность начальника АХУ Ленинградского порта.

В 54-м году присвоили капитана. Ожидал майорского звания и «Красную Звезду». Но в 56-м году один матрос написал мне жалобу, я проверил — черт меня дернул — и убедился, что, действительно, не хватает 600 тонн горючего. И узнал, что начальник склада обменял это топливо на 600 тонн капусты. Капусту начсклада, начтыла и начфин оформили как купленную за наличные и собирались получить за нее 3 миллиона рублей. И я поднял этот вопрос. Они предложили мне 300 тысяч, но я отказался и доложил прокурору. В результате эту троицу демобилизовали. Но так как в этих 3 миллионах были заинтересованы не только они, а и более высокое начальство, меня демобилизовали тоже, как раненого.

Потом в гражданских организациях я горя хватил! 14 лет жил по частным квартирам в Новороссийске, работал вначале в Кабардинке завторгом. В моем ведении находились все 52 торговые точки Кабардинки — магазины, рестораны, буфеты.

Воровали сильно. Каждая буфетчица имела навару за выходные дни до трех тысяч — в основном на спекуляции водкой. Но буфетчиц объедали те, кто устраивал их на работу, то есть все новороссийское начальство. Все лето начальники бесплатно пили коньяк, ели шашлык.

Меня принуждали списания делать — машинами апельсины налево шли. Но все-таки я сопротивлялся, так что в 66-м году меня вызвала секретарь горкома Черноморова и сказала: «Не мешайте нам жить». Предложила принять любой магазин и работать так, как меня учили в институте. Я в ответ написал, что в такой парторганизации, где сплошное воровство, не могу работать, запечатал партбилет и отправил по почте.

Работал директором магазина в Кабардинке, потом в Геленджике. Но, видно, натура у меня дурная, все равно же я видел, что всякие злоупотребления творятся, и иногда писал в Москву. Приезжали комиссии. Остановятся в санатории «Жемчужина моря», кушают в ресторане «Южный», уезжая, вызовут меня: «Василий Андреевич, факты все подтвердились, но они же живые люди — ошибаются». А начальство нервничало. Комиссии же надо платить. Это ведь дорого стоит — заглушить какое-нибудь дело. И меня в ответ долбают на каждом собрании — работа такая, что всегда можно найти, за что долбать.

В Новороссийске где только не работал. И везде у меня были стычки с этим воровством. Работая экспедитором на электростанции, я отказывался выписывать фальшивые счета, поэтому пришлось уйти в объедине-

ние «Металлоизделия» старшим инженером-снабженцем.

Ни в «Металлоизделиях», ни на шиферном заводе не прижился — все из-за своей дурацкой принципиальности.

Потом я работал на винзаводе. Грузили в вагоны вино. Все честь по чести — в присутствии депутата. Только депутат ушел, кладовщик командует: открывайте двери, выставляйте 10 ящиков! Ну, я об этом и доложил в ОБХСС. А они вместо того, чтобы скрытно провести проверку, звонят директору, спрашивают: правда или не правда?

По должности меня заставили учиться в Университете марксизма-ленинизма, и я добросовестно учился. Дали дипломную тему: «КПСС — направляющая и организующая сила Советского Союза». Первый раздел — из 80 листов — я написал, как в книжках про партию писали. А второй раздел — из 20 листов — начал так: «А теперь я хочу высказать свой взгляд на партию, как она есть». Там я написал, что довоенных коммунистов я очень уважал. И мы, коммунисты военного времени, в бою всегда были впереди. А после войны партия засорилась случайными людьми, карьеристами. Многие пошли по линии взяточничества, воровства. И дальше примеры. Написал о том, что у меня на родине председатель колхоза «Имени XXII партсъезда» Романов незаконно выписывал для партийных работников колхозные продукты по себестоимости. Рассказал о воровстве в Кабардинке, в Геленджике...

В рецензии мне написали: первый раздел засчитываем, второй просим изъять. Тогда я послал свой реферат в ЦК. Оттуда мне ответили, что работа засчитывается с отличием, факты подтвердились. Не знаю, реферат мой подействовал или что другое, только в Геленджике начался шум, аресты. Начальника общепита расстреляли, начальник торговой базы сам застрелился, а один работник горкома исчез.

В 1-й городской больнице начальником снабжения я проработал 2 дня. В первый день выписал 400 одеял по 40 руб. из верблюжьей шерсти. А на второй день обнаружил, что привезенные одеяла — хлопчатобумажные по 20 руб. А во дворе старшая сестра наделяла начальство горздравотдела верблюжьими одеялами — по 3—5 штук в руки. Я вызвал ОБХСС — и уволился.

17 ноября 1977 года меня забрала милиция и отвезла в крайпсихбольницу. Психиатр Добровольский сказал мне, что на него давит райком партии: «Я должен из вас «дурака» сделать». Он помог мне найти в краснодарском госпитале инвалидов войны потерянные документы. Инвалидность оформил и «дурака» оформил («церебральный склероз»), сказал: «Через год приедешь, я тебя восстановлю». Через год я приехал и узнал, что его за взятки посадили на 10 лет.

24 февраля 77-го года суд признал меня недееспособным, а 1 марта я был уволен по болезни. Сколько я ни ходил, в Новороссийске на работу меня нигде не взяли.

Мало того, вечером приходит домой милиция, под бока надают и — в камеру. И всю ночь стоишь, потому что камера маленькая, а набивали туда человек по 10 — пьяницы, и наркоманы, и жулье. Раз десять так забирали. А потом я одного милиционера спросил по-хорошему: «Да за что меня забирают?» А он говорит: «Горком и горисполком не хотят, чтобы здесь были свидетели, выписывайтесь из города». И я выписался из своей квартиры.

Так живу уже больше 10 лет. Летом в горах — в будке лесничего, в сараях, в конюшнях, под навесами для тракторов. Заготавливаю травы, сушу их на чердаках, потом упаковываю и рассылаю заказчикам. А зимой беру несколько курортных карт и еду в санаторий — в Минеральные Воды, или в Железноводск, или Пятигорск, или Ессентуки, или Кисловодск.

Семье сказали, что я очень больной психически, приду домой — их всех поубиваю. Жена ушла. И невестка испугалась, сбежала.

В августе 1990 года я прошел стационарное обследование в институте Сербского и получил заключение о том, что здоров.

Теперь хочу, чтобы мне вернули дееспособность, сняли опекунство, зачли прогул и дали квартиру.

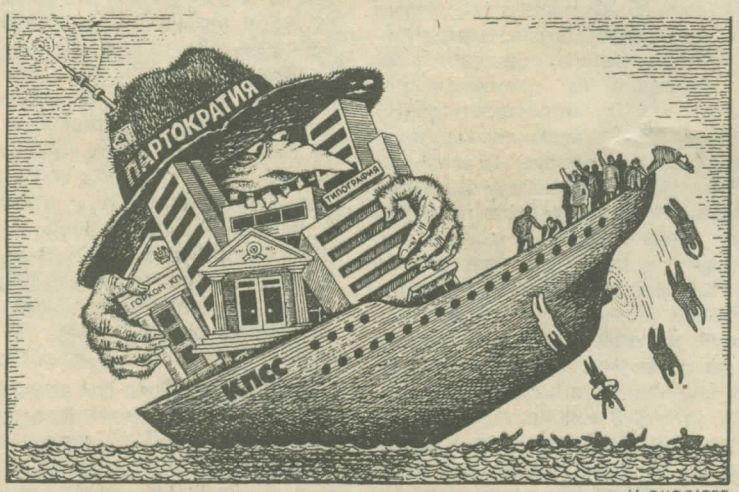
Все мои родственники жили долго. Дед — полковник, артиллерист — прожил 137 лет. И то досрочно умер. Пасху святил в 1927 году, а комсомольцы обляпали пасху дегтем, ордена поотрывали (у него много было наград за 101 год службы в царской армии) — так он разнервничался, упал и умер. Я думаю, тоже проживу еще лет десять, хотя мне и 70 лет. Теперь работать, скандалить ни с кем не буду. И будь они неладны.

* * *

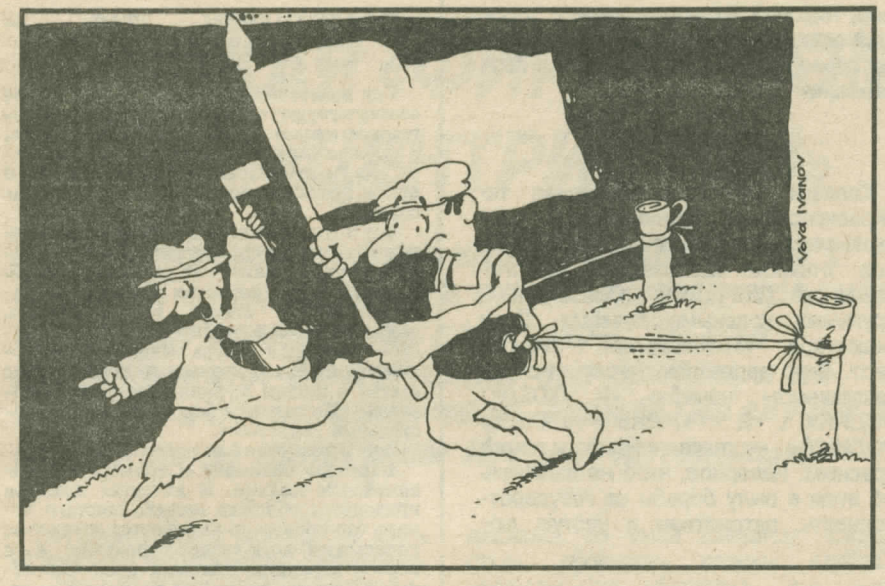
В этих простодушных воспоминаниях ярко разворачивается панорама эпохи. Сквозь дым и цементную пыль нашего времени всеобщего развала мы легко можем вспомнить, что и застойный период не был стройным замком порядка и законности. Экономика наша начала уходить в мир теней, а чиновники превращаться в воров — задолго до перестройки.

Понятно отношение хозяев жизни к чужаку, каким всегда являлся в нашем обществе честный человек — исповедовал ли он искренне его догмы или боролся против них. Надо радоваться, что автор этой простой и правдивой истории остался жив и даже здоров. Дай Бог, чтобы дальше все было так, как он хочет, хотя ситуацию все еще контролирует не столько Бог, сколько все те же «хозяева жизни».

Записал Дмитрий СЕМЕНИК



И. СЛЮСАРЕВ



ЗАЧЕМ НУЖНА КОММУНИСТАМ НЕЗАВИСИМАЯ ПРЕССА

В киосках Красноярска появилось новое издание — «общественно-политическая и художественно-публицистическая «Красноярская газета». Сам по себе факт довольно обычный: газеты рождаются сейчас по городам и весям почти ежедневно. Почему же «Столица» обратила внимание на это издание, тем более, что его прокоммунистическая и воинственно-патриотическая направленность нам чужда? Рождение «Красноярской газеты», на наш взгляд, свидетельствует о новом качестве партийной мимикрии. Идеология правящей партии скомпрометировала себя в глазах населения, тираж ее газет и журналов катастрофически падает. Чтобы не отпугивать читателя, парткомы прячутся с первой полосы на последнюю, из разряда хозяев переходят в разряд учредителей или соучредителей.

КПСС сделала очередную уступку. Хотите читать независимые издания — мы их для вас организуем, благо позволяют финансы и освобождаются мощности партийных издательств. На прилавки «Союзпечати» выплескивается девятым валом волна «независимой» периодики «Made in КПСС»: от примитивно-развлекательной газетки «Голос Вселенной» до угарно-шовинистического «Домостроя».

Главный редактор «Красноярской газеты», соучредителями которой являются горком и крайком КПСС, не скрывает своих убеждений. Олег Анатольевич Пащенко — литератор, автор книг «Родичи», «Спасательный круг». На родине он известен еще и статьей в № 44 «Литературной России» за 1990 год «Все покроется любовью» (основной вывод статьи: «власть, плохая ли, больная, но она — наша с вами...»).

Не будем комментировать интервью. Читатель, надеемся, сам разберется что к чему. Отметим лишь, что и независимость сегодня имеет разные оттенки. Впрочем, что мешает нынешней компартии быть независимой от своего прошлого?

Отдел общественно-политической жизни

— Олег Анатольевич, статья в «Литературной России» — это ваша программа?

— Можно сказать и так. Я ведь после апреля 1985-го был яростным перестройщиком, отчаянным горбачевцем. Затмение продолжалось где-то до 1987-го. Потом начал ходить на митинги, увидел, КТО там заправляет, ЧТО за «демократы» по нашим головам скачут к власти... Раздумья вылились в статью, наделавшую много шума: в Красноярске я прогремел «консерватором». Но многие все-таки поддержали. Римма Казакова, например, прислала хорошее письмо: дескать, полюбила вас за эту статью... После выступления в «Литературной России» меня выдвинули в горком КПСС.

— Как же литератор стал партийным журналистом?

— Для меня это дело не новое — до 1983 года был ответственным секретарем «Красноярского комсомольца», а уж потом ушел «на вольные хлеба». Так что нулевой номер вылился как песня — шесть полос смакетировал за полдня. Вообще газету мы создавали вчетвером: я, поэты Анатолий Третьяков и Николай Еремин, прозаик Эдуард Русаков. В трудное время писатели должны включаться в общественную жизнь. Для горкома КПСС наш приход, конечно, был подарком, к горкому присоединился крайком. С коммунистами нас объединяет сейчас стремление к стабильности, порядку, к восстановлению нравственных устоев общества. Компартия переходит в наступление, и мы ей помогаем. Еще года два-три будет продолжаться смута, потом наступят мир и спокойствие. Как только КПСС вернет себе власть, мы снова уйдем в оппозицию...

— Насколько сильно ваше издание ощущает давление горкома и крайкома КПСС?

— Ни в малейшей степени. Никто из партийных руководителей не прочел ни строчки в заглавном номере до того, как типография его отпечатала. Видимо, верили моей статье в «Литературной России». Зависимость от компартии будет сохраняться до тех пор, пока «Красноярская газета» убыточна. Они дали бумагу, типографию, деньги, но редколлегия намерена делать то, что сочтет нужным. Лучше сразу взять от учредителя все, чем постоянно быть на коротком поводке. Чтоб существовать абсолютно автономно, нам нужен тираж в 120 тысяч экземпляров. Думаю, достигнуть этого скоро удастся.

— Какой же вы хотели бы видеть свою независимую газету?

— Идеальный вариант — «Советская Россия» плюс «Литературная Россия». Это будет нечто новое, притом как раз то, что нужно красноярцам. У нас ведь большинство — свободные консерваторы, до всяких там митингов не особенно падки. На политику времени нет — слишком много работы. Зато пресса наша — сплошь нигилистическая, даже «Красноярский рабочий» и «Вечерний Красноярск». А ведь стоило бы в той же «Вечерке» двоих-троих уволить — не русские они люди, злые очень, — и была бы совсем другая газета... Народ непременно потянется к нам. Уже сейчас многие звонят, благодарят за правду. Ведь в сущности мы совершили подвиг — выпустили по-хорошему ЗАСТОЙНУЮ газету. Вдумайтесь, что значит этот заголовок на первой полосе: «Государственность и патриотизм», что значит сегодня публиковать хороший рассказ о простой, чистой любви, как мы это сделали... Будем агитировать в том же духе: за Родину, за государство. Давайте, товарищи, работать, давайте любить. Не нужно тратить времени на пустяки.

— «Красноярская газета» готова к конкуренции?

— Готова. И победит. Я никого из журналистов к себе не зову — сами просятся. Как говорится, «пришед в себя»... Да многие никуда и не «уходили», вынуждены были хаять КПСС, обливать помоями армию, наше государство, социализм. Выбор у меня есть, могу принимать на работу самых умных ребят, самых толковых*. Начнем выпускать еженедельное приложение для семейного чтения, пригласим художников, архитекторов: каждому творческому союзу — по полосе. При этом на комиксы разменяваться не будем. А через пару месяцев еще одна красноярская газета — не буду пока говорить какая — перейдет на нашу сторону. Уж вдвоем-то мы повоюем!

— Планируете вести полемику с «нигилистической» прессой?

— Предметную полемику — нет. Вызов — это наше издание в целом. «Красноярская газета» будет иметь твердые позиции, никакого там плюрализма. Я ведь по натуре диктатор, принятых решений никогда не меняю, привык требовать от подчиненных абсолютной исполнительности. Дед мой служил в ЧОН ВЧК, отец в Отечественную воевал, я сам — старший лейтенант запаса... Хотя если, например, Николай Травкин принесет хороший очерк о патриотизме или о Родине слово свежее да хорошее — обязательно напечатаем.

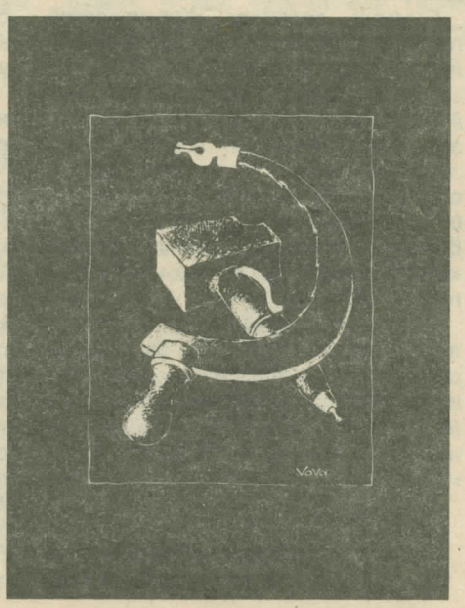
* * *

Коллеги Олега Анатольевича по «Красноярскому комсомольцу» рассказывают, что на его рабочем столе под стеклом красовалась шпаргалочка: «А ГДЕ ТВОЯ СОВЕСТЬ?» — крупными красными буквами. Стол редактора «Красноярской газеты» чист. Зато через всю первую полосу «заглавного» номера: «Я ЛЮБЛЮ РОДИНУ. Я ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ РОДИНУ!» — тоже крупно и тоже красным. Наверное, чтоб не забывать об этом в пылу борьбы за государственность, патриотизм и чистую любовь.

Кирилл РЫБАК

---

* По сведениям «Столицы», О.А.Пащенко все-таки зазывает к себе журналистов, в том числе и антикоммунистических взглядов, соблазняя высокой зарплатой и гонорарами.



ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС — СОВРАМШИ!

Как известно, названия у нас не всегда соответствуют сути. В магазине «Вологодское масло» никогда не бывает масла, в райсовет никто не приходит советоваться, а в газете «Правда» печатается нечто прямо противоположное — ложь и подтасовки.

Вот и мы, прочитав 2 апреля на страницах этой газеты специальную статью о нашем журнале, ничуть не удивились, не обнаружив в ней ни слова правды.

Называется статья «Как живешь, Москва?». Вполне нейтрально. За это спасибо. Младшая сестра «Правды», «Московская правда», назвала свои громадные статьи о нашем журнале следующим образом: «По законам большой лжи» и «Застольные выдумки».

Вот о выдумках и поговорим.

«Правда» обвиняет «Столицу» в антиармейском пафосе. В качестве примера приводится обложка нашего шестого номера (он почему-то называется «свежим», апрельским, хотя вышел в феврале): «... с первой страницы обложки боец Советской Армии с пистолетом целится в читателей, в нас с вами». На самом деле, и это трудно не заметить, на обложке красуется не «боец Советской Армии», а боец ОМОНа — отряда милиции особого назначения, и это к нему, а не к представителю доблестных Вооруженных Сил у журнала есть некоторые претензии.

«Правда» заявляет, что «журнал Моссовета... с обложки грозит нам оружием». На самом деле, приходится повторять, грозит не журнал и не Моссовет, а омоновец, охотно позирующий с пистолетом в вытянутой руке. И не вам, дорогие правдисты, а нам он грозит.

«Правда» утверждает, что мы в «Столице» «нетерпимы к инакомыслящим», публикуем выступления лишь деятелей, скажем так, левого фланга. На самом деле именно в обозреваемом «Правдой» шестом номере напечатана беседа с полковником В.Алкснисом, коего мы в ряду своих единомышленников не числим.

«Правда» полагает, что статья в «Столице» о преступнике, зверски убившем безо всякого повода девушку, написана «с умилением». На самом деле она написана с прямо противоположным пафосом, и доказывать это мы не будем — достаточно статью прочитать.

«Правда» надеется, что наш журнал «войдет в непростую нашу жизнь как журнал всей гигантской многоликой столицы, а не одного лишь движения или группы...» На самом деле «группа», интересы которой мы представляем, насчитывает, если судить по митингу, состоявшемуся незадолго до выступления «Правды», не менее миллиона человек. Как говорят в программе «Время», «нашлись и такие».

Журнал и в дальнейшем не намерен следовать советам правдивейшей из правдивейших газет. Тем более что внимание читателей к нему растет, а внимание к правдивейшей, напротив, падает.

А пока что: поздравляем вас — совраМши!

«СТОЛИЦА»

КАКАЯ «ФИРМА» ПОМОГАЕТ «ЦЕНТРИСТАМ»

Летом прошлого года инженер ЖЭКа, где я работал, отозвав меня в сторону, предупредил: если буду заниматься политикой, то мне несдобровать. Может быть, его словам я не придал бы особого значения, если бы не случай с одним моим приятелем Игорем Антоновым.

Он имел диплом юриста, но из-за участия в деятельности Демократического союза нигде не мог найти работу по специальности и устроился в нашем ЖЭКе. Его тоже предупреждали, но он не внял «советам». И вот однажды неизвестные затащили его в подвал, избили до полусмерти. Игорь с трудом дополз до своего дома, а на третий день умер. Преступников, как и следовало ожидать, не нашли.

Короче, решил я не испытывать в опасном месте судьбу и подал заявление об уходе. Стал искать работу. Вдруг в «Вечерке» увидел объявление такого содержания: «Правление «Российского народного фронта» объявляет конкурс на должности работников аппарата. Зарплата от 150 до 500 рублей».

Позвонил по указанному телефону. Мне ответил секретарь РНФ Валерий Скурлатов. Он задал три вопроса: выступаю ли я

1) за то, чтобы наше государство походило на США;

2) за частную собственность;

3) за равноправие наций.

На все вопросы я дал утвердительный ответ.

Валерию Ивановичу это понравилось:

«Вы нам подходите. Сохраняйте свои убеждения при себе. Приходите».

Мне были поручены типография, дела и связь со средствами массовой информации.

Но чем больше я включался в работу, тем больше возникало недоуменных вопросов.

Что это за организация — «Российский народный фронт»? Собственно, как таковой никакой организации нет, штатный работник РНФ поделилась со мной секретом: когда стала проверять списки членов «фронта», то убедилась, что они сплошная «липа». Правда — одно название. Раз в неделю в 16-м подъезде ЦК КПСС встречаются четыре апостола — руководитель и с десяток молчаливых прихожан.

Последние тоже иногда говорят. Ну, например, «да», «нет», «понял». Бывает, даже вопросы задают. Но, не дай бог, если кто-то из прихожан (это обычно те, кто получает зарплату, и два-три человека, желающих устроиться на работу!) вздумает что-то посоветовать. Его тут же обрывает молодой апостол Сергей Горбачев (однофамилец). Причем делает это грубо, резко: «Помолчите. Ваше дело — делать то, что мы вам прикажем. Не надо нам ваших советов. У нас есть советчики».

Однажды автор этих строк (было это, помнится, 10 декабря 1990 г. на заседании «правления РНФ») все же дерзнул высказать свое мнение. Благо С.Горбачев в это время вышел, и я мог надеяться, что меня не прервут... Перед этим секретарь РНФ Валерий Скурлатов говорил, что до союзного съезда народных депутатов «фронту» надо наладить контакты с русским населением в Прибалтике, а также заняться его «защитой» и «вооружением». Валерий Иванович счел возможным «лично» взять на себя» эти вопросы.

Я тогда сказал, что такие действия можно квалифицировать, мягко говоря, как незаконные. Один из присутствующих поддержал меня. «Я вообще не понимаю, что здесь происходит!» — сказал этот человек и направился к выходу.

Как ни странно, но после этого случая со мной не расстались. Видимо, надеялись все-таки обратить в свою веру. Особенно преуспел в этих попытках В.И.Скурлатов. Человек этот имеет довольно-таки экзотическую политическую биографию. В 1965 году был исключен из КПСС за профашистские взгляды. Дело в том, что Валерий Иванович написал в то время «Устав нравов», который показался чрезмерным даже приверженцам Ленинско-Сталинской методики воспитания. Этот, с позволения сказать, «устав» предусматривал введение военизированных молодежных организаций, телесных наказаний, стерилизацию проституток. Впрочем, вскоре после исключения из партии

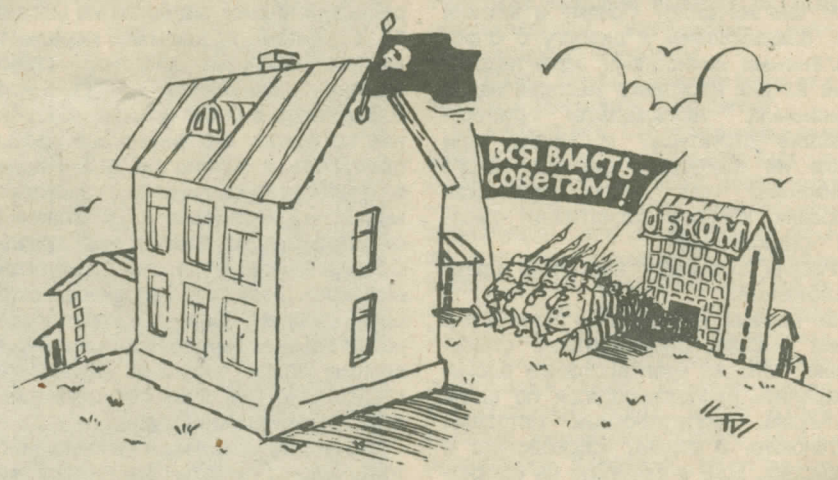


Рис. А. Казачкова

В.Скурлатов опять вступил в нее. Затем вышел во второй раз — в 1990 году. К этому времени он уже два года представлял организацию, именуемую «Российским народным фронтом», которая объявила себя наследницей столыпинских традиций. Но со временем на В.Скурлатова раскрылись глаза даже у ближайших его соратников. 1 апреля 1990 года чрезвычайная конференция РНФ исключила его из своих рядов за то, что он «...18.03.90 г. в кафе «Алиса», выпив, рассказал, как он был когда-то рэкетиром КГБ и собирал дань с цеховиков в азиатских республиках». Решение конференции Валерий Иванович не признал и сохранил за горсткой своих сторонников старое название.

Именно этой группе принадлежала инициатива в разработке «Программы действий-90», которая взбудоражила страну и, будучи представленной как планы демократов по захвату власти, вызвала небезызвестные публикации в «Правде» и высадку десанта в Подмосковье. Эта программа призывала явочным порядком занимать помещения, «ликвидировать» колхозы и совхозы, создавать отряды «скваттеров», которые будут захватывать землю. Были там и другие перлы. «Программа» была оглашена В.Скурлатовым 31 июля 1990 года от имени «Российского демократического форума» (кроме упомянутого документа более никаких признаков этой организации обнаружить не удалось).

Все это, однако, не помешало В.Скурлатову вместе с другими лидерами центристского блока встретиться с А.Лукьяновым, а позже с Н.Рыжковым, В.Крючковым и даже, как заявил один из «центристов» — В.Воронин, — с М.Горбачевым!

В чем же дело? Почему в Кремле так благосклонны к диалогу с определенными личностями, хотя некоторые из них несколько месяцев назад призывали «взламывать» существующие структуры? И почему при этом не замечают, скажем, такого движения, как «Демократическая Россия», которое насчитывает тысячи сторонников?

Рискну высказать несколько предположений.

Во-первых, не может не ласкать ухо иных высших руководителей стремление того же «центристского блока» сохранить расползающуюся по швам империю, диктаторскими методами установить в стране «спокойствие и порядок». Еще в сентябре на организованном В.Скурлатовым немногочисленном митинге РНФ у входа в ЦПКиО им.Горького приветствовались «представители славного украинского «Руха». А сейчас совсем иные речи звучат из уст «секретаря РНФ». Я записал некоторые его высказывания: «Чтобы навести в стране порядок, нужна хунта!», «Да здравствует демократическая империя!», «Пусть прольется кровь, но слово «суверенитет» надо искоренить».

Впрочем, было бы полбеды, если бы дело ограничилось только словами. 10 декабря на заседании «правления РНФ» один из его «секретарей» — Владимир Иванович Кондауров (бывший офицер КГБ, заведовал затем кафедрой научного коммунизма в Московском институте культуры, потом стал «рыночником» по Алкснису и изменил название кафедры) проинформировал, что «центристы» создали «комитет национального спасения». И заключил: теперь задача — создать такие комитеты в республиках.

Какие события последовали затем в Прибалтике — известно... Когда я пытался было составить от имени РНФ заявление с осуждением тамошних самозваных комитетов, мне дали понять, что эти комитеты «мы создавали». Видимо, мои «воспитатели» поняли, что зря тратили время, и мне сообщили, что в моих услугах «более не нуждаются». При этом заметили: «Все твои телефонные разговоры нам известны».

Я вспомнил об этих словах спустя пару дней, когда по телефону дал согласие на интервью об истинной сущности РНФ и «центристов». Несколько дней подряд раздавались телефонные звонки: угрожали оставить меня «без головы», оскорбляли...

Конечно, я понимал, что иду на определенный риск, но более не мог себя связывать с людьми, моральная нечистоплотность которых становилась очевидной. Тот же В.Скурлатов в ответ на мое недоумение по поводу его униженных просьб пропустить в здание ЦК для участия в очередной «дискуссии», растолковывал, что «политика — это грязь» и он «вынужден валяться в этой грязи». Обещал меня «сделать» депутатом Моссовета, как и С.Горбачева, которому «помогла фирма». Кстати, именно С.Горбачев был едва ли не единственным среди депутатов Моссовета, кто ратовал за армейско-милицейское патрулирование улиц.

Что это за «фирма», я конечно, могу только предполагать. Замечу все же, что о КГБ лидеры РНФ говорят с каким-то особым почитанием. В.Кондратьев, например, любит порассуждать о том, что более надо бояться не этой организации, а ЦРУ, которое со страшной силой плетет заговоры против нашей страны.

...Меня не покидает ощущение, что наши «центристы» — всего лишь пешки в большой игре, хотя им, наверное, кажется, что играют с ними на равных и вес их настолько значителен, что власти предержащие вынуждены вести с ними переговоры, вступать в коалицию. Они спят и видят себя у руля государственной власти, надеются, что нынешние правители поделятся с ними своими постами. А потом, мол, и всю власть можно будет прибрать к рукам.

В.Скурлатов, который в «комитете национального спасения СССР» отвечает за национальные вопросы, не один раз объявлял мне, что нет ничего слаще власти. Валерий Иванович всерьез полагает, что еще придет его черед и он получит место в составе правящей хунты сроком лет на пятнадцать. На это время В.Скурлатов намерен запретить все политические партии, выкинуть из лексикона слово «суверенитет» и заняться только экономикой. Эдакие отечественные пиночеты, железной рукой загоняющие народ в невиданную до сих пор «рыночную империю».

Для властей никогда не было секретом, что так называемый «центристский умеренно-радикальный блок политических партий и организаций» никого не представляет, кроме самих себя, что они лопнут, как только их перестанут приглашать в ЦК, писать про них в газетах и показывать по телевидению. Их используют в политической игре, а потом выбросят, как выжатый лимон за ненадобностью...

Когда «пятая колонна» сыграет отведенную ей роль в разгроме демократического движения, номенклатура установит одну известную ей диктатуру — Коммунистическую.

Политика становится грязной не сама по себе. Делают ее такой вполне определенные люди.

Валентин ДИВИН,
бывший сотрудник аппарата «Российского народного фронта»

Александр Енчин,
бывший рядовой внутренних войск

ОНИ СДЕЛАЛИ СОЛДАТ ОККУПАНТАМИ В СОБСТВЕННОЙ СТРАНЕ

Наверное, многих, как и меня, мучает мысль — как становятся жестокими 18 — 19-летние парни, солдаты с автоматами, направленными против мирных людей, своих же сограждан? Задают ли они сами себе вопрос — против кого направляют оружие?

И вот известие — в Степанакерте (областном центре Нагорного Карабаха) доведенная до крайности группа курсантов объявила голодовку. Так они выразили свой протест против пребывания в Арцахе (Нагорный Карабах) против действий, противоречащих их совести. И тогда, на следующий же день, без промедления их вывели из области, дабы их протест не перекинулся и в другие подразделения.

Вообще любое воинское подразделение, любая воинская часть дислоцируется в Карабахе очень недолго, чтобы солдаты не успели разобраться в ситуации и сделать из нее собственные выводы. И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что армия в Арцахе используется не для поддержания мира, а для угнетения и порабощения армянского населения Арцаха (конечно, с ведома центральных властей), за что и получают военные повышения в чинах, наподобие Сафонова и Поляничко, имеющих за спиной богатый афганский опыт подавления и расправ.

И поэтому через каждые два-три месяца состав военнослужащих в Нагорном Карабахе, частично или полностью, меняется.

Иначе не удалось бы три года подряд держать в неведении весь советский народ, всю страну, искажать события, накладывать табу на любое правдивое слово об этом регионе.

И как мне хотелось увидеть собственными глазами хотя бы одного солдата, решившегося восстать против навязанной ему жестокости, чтобы проверить — еще не все потеряно, что еще можно спасти честь советского воина.

И вот меня знакомят с девятнадцатилетним юношей, бывшим рядовым подразделения внутренних войск Александром Енчиным.

— Саша, где вы служили и как оказались в Нагорном Карабахе?

— Я украинец. С Украины был направлен в Вильнюс. Вильнюс был местом нашей постоянной дислокации — оперативных войск специального назначения. Эти оперативные отряды созданы для подавления массовых беспорядков и демонстраций. Для наведения так называемого порядка. Таково их специальное назначение.

Моя первая командировка из Вильнюса была в Ханлар. (Ханлар — армянонаселенный город, центр одноименного армянонаселенного района равнинного Карабаха, включенного в состав Азербайджанской ССР.) В

Фото В. Суворова

Ханларе мы оставались с января по март. Оттуда нас перебросили в армянское село Камо. Когда мы туда приехали — меня поразила картина увиденного. Как такое возможно? Деревня как будто вымерла, в деревне не было ни одного жителя.

Как нам объяснили — мы заменяли какой-то полк, который уехал на отдых в место своей постоянной дислокации. Когда на смену отбывшим приехали мы, армян в селе уже не было. Дома стояли пустые, темные...

— Где же были жители этого армянского села?

— Этого мы не знали, нам сказали только, что их вывезли. А куда и почему — не объяснили. Меня сильно удивило то, что мне довелось увидеть. Впечатление было такое, будто здесь прошла эпидемия. Все вещи оставались на местах, а жителей не было. Вскоре в село стали приезжать азербайджанцы и заселяться в армянские дома, которые даром им предоставляли офицеры. Подкупая офицеров, они вывозили из армянских домов ценные вещи: холодильники, телевизоры, мебель и т.д. Офицеры им разрешали все. А вот армян пропустить в родную деревню мы не имели права.

— А как военные власти объясняли происходящее?

— Нам вообще ничего не объясняли, кроме того, что имеется приказ — азербайджанцев пропускать, а армян нет.

В марте из Камо на самолете нас опять доставили в Вильнюс, где мы несли охрану атомной станции. В июле нас перебросили в Степанакерт.

Как только мы приехали в Степанакерт — сразу начались антиармянская пропаганда и инструктаж. Нам говорили: армяне — сплошные уголовники, террористы, поголовные наркоманы и прочее. Каждый день до нас доводили ложную информацию о том, что армяне напали на тот или иной пост, бомбили тот или иной объект. Они всячески убеждали нас, старались вбить нам в голову свои россказни. И наоборот, вопреки реальности в течение всего времени моего пребывания в Степанакерте, с июля до ноября, не было ни одного случая, чтобы нас информировали о нападениях, совершаемых азербайджанцами. Вся пропаганда была строго направлена против армян. Там я понял, что мы призваны только для того, чтобы охранять комендатуру особого района и прилегающие к ней здания.

— А кто должен был охранять мирных жителей? Ведь, судя по официальным сообщениям, именно для этого вы прибыли в Нагорный Карабах?

— Обеспечивать покой мирного населения у нас приказа не было. Не давали нам такого приказа. Но в Степанакерте я встретился со многими удивительными явлениями. Например, когда мы стояли на улицах — армяне давали нам сигареты, виноград, хлеб, за которым сами стояли часами в очереди. Они делились с нами последней порцией своих детей, когда им самим нечего было есть. Ведь фактически там третий год идет война. А нам даже разговаривать с ними не разрешалось.

Все увиденное поразило меня. Надо быть последним человеком, чтобы после такого доброжелательного отношения армян к нам оставаться по отношению к ним теми, кем мы были. Войсковые подразделения были якобы введены в область для пресечения межнациональных столкновений. А на самом деле мы стояли с оружием в руках у комендатуры и всячески старались подчинить армян руководству Азербайджана, а также охранять комендатуру особого района от нападений так называемых армянских экстремистов. Фактически наша армия выступает в Нагорном Карабахе в качестве армии оккупантской, а мы — в роли оккупантов.

По моему мнению, армия там вообще не нужна, совсем ни к чему. Наоборот, она еще больше накаляет страсти. Народ сам должен решать свои проблемы. Что войска там совсем не нужны — не только мое мнение. Когда мы стояли охраной у комендатуры особого района, слышали, как даже некоторые офицеры говорили об этом же между собой. Я сам слышал. Говорили, что войска тут абсолютно не нужны. Но, к сожалению, это — единичные случаи.

— Вседозволенность и безнаказанность солдат, по вашему мнению, санкционировалась свыше или они действовали по собственному почину?

— В моем сознании не укладывается — как можно варварски нападать на армянские семьи и под предлогом комендантского часа и проверки паспортов приносить людям столько несчастий, по своей доброй воле бить женщин и даже стариков? Ведь у всех нас есть матери. Не понимаю, как можно жарким летом в 9—10 часов вечера, когда на улицах еще совсем светло, не разрешать людям выходить из дому? Даже детям не разрешалось играть во дворе. Я думаю, как это может быть: например, я в своем родном городе не буду иметь права выйти на улицу?

Все это так, но ведь солдаты связаны присягой, в случае невыполнения приказа им грозит дисциплинарный батальон. И еще одно обстоятельство. Дело в том, что в операциях против армянского населения, в обысках, задержаниях и т.д. кроме внутренних войск участвовали еще роты специального назначения и наемники. Наемники — это отряды милиции особого назначения, которые служат по контракту и за это получают деньги. В Степанакерте вместе с нами стоял и рижский ОМОН. Они приехали из Риги, но отряд состоял из людей разных национальностей. Ими руководит комендатура особого района в Степанакерте, и все свои операции они проводят по указу комендатуры.

— А вы когда-нибудь пытались поделиться своими мыслями с солдатами? Не задавали себе и им вопроса — против кого же и за что в конце концов вы воюете?

— В головах солдат, наверное, часто появлялись такие мысли. Но дело в том, что, если бы эти мысли дошли или были доведены до руководства, — неизвестно, что с нами бы стало. По головке бы нас не погладили. Конечно, боялись доноса. Кроме того, у нас и контингент в полку, да и не только у нас, на 70 процентов состоял из мусульман. А когда мы выезжали из Вильнюса "в командировку", армян-солдат специально не взяли. Их оставили в Вильнюсе.

— Скажите, что заставило вас после 1,5 года службы пойти на такой крайний шаг и фактически стать дезертиром?

— В Степанакерте я находился с июля до ноября 1990 года. Я видел всю эту несправедливость, видел, что говорят одно, а делают другое. Я ведь тоже человек, совесть мне не позволила дальше оставаться в той роли, которую я выполнял в НКАО. Я не хочу, чтобы мои дети плюнули на мою могилу и сказали, что я — оккупант. Ведь мне всего 19 лет, и вся жизнь еще впереди. Хочу честно смотреть в глаза своим детям. Я абсолютно сознательно пошел на этот крайний шаг. Ведь теперь я могу попасть в дисбат.

Что со мной будет и как сложится моя дальнейшая судьба — не знаю. Но против человека больше никогда не пойду. Это уж я точно знаю. Хотел бы, чтобы и другие последовали моему примеру...

Беседу вела Джемма МУРАДЯН

ЗАПРЕЩЕННЫЙ ХУДОЖНИК ПЕРЕСТРОЙКИ

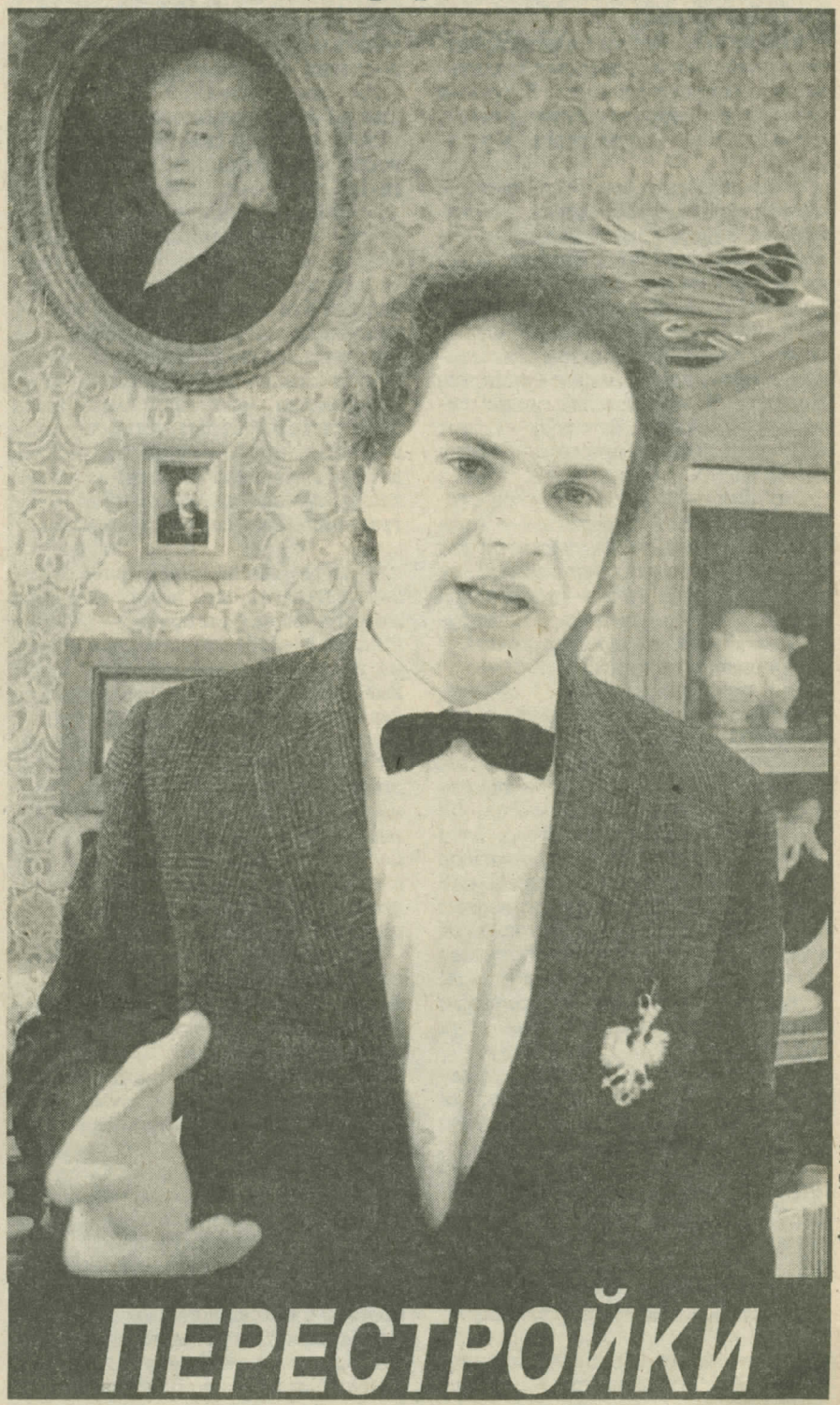


Фото Ю.Штукина

Мы сидим с Михаилом в комнатушке на Рязанке, стены которой увешаны старинными фотографиями и причудливыми картинами.

— Я не люблю роскоши, — поясняет Михаил. — Вещи закрепощают человека.

У меня даже нет дома, нет определенного постоянного места жительства. Путешествую по свету. По нескольку месяцев живу в Америке. Там я зарабатываю деньги продажей своих картин. Недавно чуть подзаработал и приехал в Москву. Хочу создать в своем родном городе Институт благородных девиц.

Трудно понять то, что понимать не приходилось. Казалось бы, что Михаил Сморчевский-Бутерброд должен затаить обиду на нашу жизнь. Отец и мать Миши погибли в загадочной автомобильной катастрофе, когда мальчику было два года. И он оказался в сиротском приюте.

Самое страшное в сиротстве — это вечный мучительный поиск своего происхождения. Покуда человек не восстановит для себя прерванную связь поколений, он не избавится от горького чувства своей неполноценности. Мише повезло значительно больше других советских сирот. Ему удалось восстановить свою родословную.

Историю рода Сморчевских он открыл для себя в записках императорского археологического общества. Оказывается, его предки почти тысячу лет имели отношение к английскому королевскому двору, потом были французскими князьями, польской шляхтой. А вот с русским императором Сморчевские не ладили. Прадед Михаила участвовал в польском восстании 1863 года, за что был сослан в Иркутск. Интересно, что вместе с ним в ссылке находился и мелкопоместный польский дворянин Ярузельский — дед последнего коммунистического правителя Войцеха Ярузельского.

Дед Михаила служил в царской армии. В 1905-м он отказался стрелять в безоружных рабочих, за что был уволен из армии. И при Ленине, и при Сталине деда арестовывали. Лишь в 80-х годах Михаил добился его реабилитации Уголовной коллегией Вер-

ховного суда РСФСР.

Сиротский приют находился напротив Суриковского института. И он, взрослеющий мальчишка, бегал к начинающим художникам поглазеть на натурщиц.

Там он впервые почувствовал в себе потребность рисовать. Живопись стала его жизнью.

Всякие попытки выставиться, заявить о себе как о художнике заканчивались обычно в милиции. В лучшем случае у него просто отбирали картины, в худшем — он подвергался насилию.

Когда в Москве был реставрирован старый Арбат, туда вышли непризнанные художники. Многие до сих пор помнят Михаила. Правда, не по фамилии, а по псевдониму — Бутерброд. Он выставлял и продавал на Арбате свои картины, вешая их одновременно на груди и на спине. Так и ходил с ними вдоль уличной галереи. Необычный типаж приглянулся режиссеру Эльдару Рязанову. И тот снял его в фильме «Забытая мелодия для флейты».

Ему было неизвестно, что его картины уже знают за границей и пока радовался тому, что в очередной раз ему удалось выменять у иностранца свою картину на какую-нибудь вещь. Потом вещь продавалась. На вырученные деньги он покупал краски и писал новые картины.

Так продолжалось до 1988 года, точнее, до картины «Живая вода перестройки», на которой в собственном видении изобразил Горбачева. Тогда еще не было закона о защите чести и достоинства Президента. Да и самого Президента не было. Зато было беззаконие. И этот произвол охранял достоинство Генерального секретаря ЦК КПСС лучше любого закона. Михаил был арестован. И вполне мог разделить участь своего деда и прадеда. Выручила гласность. В защиту художника «Московские новости» опубликовали статью «Суд над картиной».

А в это время в Голландии готовилась первая выставка его работ. Он уехал. Хотя гражданство не поменял. И менять не собирается.

Выставки принесли ему баснословные по нашим представлениям доходы. За несколько месяцев он заработал в Америке столько, сколько не заработал бы в СССР за всю жизнь.

Обида, считает Михаил, — это месть слабых, возмездие сильных — прощение. Первое, что он сделал, когда появилась «лишняя» валюта, передал ее в фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении. Новая идея Михаила — создать, точнее, возродить в нашей столице Институт благородных девиц. Сначала в нем будут воспитываться 120 девочек, отцы которых погибли в Афганистане. Со временем институт постарается взять на себя заботу о всех осиротевших дочерях советских солдат и офицеров, погибших при выполнении воинского долга.

До насильственной большевизации в России существовали глубокие и древние традиции уважения к воинству. Понимая, что ратный труд связан с риском для жизни, гражданское общество вплоть до 1917 года всегда считало моральным долгом благодарно помогать и поддерживать родителей, жен, детей погибших воинов. Кто помнит, что в Москве существовал знаменитый вдовий дом с бесплатными квартирками, где до сих пор не стыдно работать сановникам всесоюзного масштаба? А сколько было тогда в России Институтов благородных девиц, где воспитывались дочери погибших за отечество воинов?! Большевики уничтожили и эти традиции. И что же они дали взамен?

— Общество не имеет права забывать детей тех, кто погиб, защищая государство на поле брани, — говорит Михаил. — Это нравственная аксиома для любой цивилизованной страны. Причем такие учебные заведения будут пансионного типа. Институты не должны испытывать затруднений, ни материальных, ни духовных. Институт намерен приобрести в Подмосковье подсобное фермерское хозяйство, а в столице — иметь свою фабрику. Только девочки, выросшие в атмосфере гуманного воспитания, могут дать жизнь полноценному поколению свободных людей.

Для создания Института благородных девиц, кроме выделенной художником валюты, нужны миллионы рублей. Проект уже заинтересовал многие организации. Создан даже Всероссийский совет учредителей Института благородных девиц, куда входят Российский национальный банк, Кредитпромбанк и Трансэкспобанк, а также фонд «Перестройка» Вашингтон—Москва», Союз афганцев, «Литературно-издательское агентство — Р. Элинина».

Имена всех, кто окажет посильную помощь в создании института, будут занесены в специальную книгу пожертвований. Ведь благородство начинается с благодарности.

Как ни странно, но забота о дочерях погибших воинов пока абсолютно не заинтересовала Министерство обороны.

Вот что ответили Сморчевскому-Бутерброду из Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота — этой ставленницы ЦК КПСС в войсках. «Учитывая также строго целевую направленность вооруженных сил, — пишет заместитель начальника Главпура Г.Стефановский, — проводимые мероприятия по сокращению расходов на их содержание, решение внутренних острых проблем по обеспечению и социальной защищенности военнослужащих и членов их семей, обустройству войск, прибывающих из групп войск, и другим важным вопросам обороноспособности страны, открытие девического института в системе МО СССР в настоящее время не представляется возможным».

Нет-нет, вы еще раз прочитайте эту словесную абракадабру, чтобы лучше понять нравственно-интеллектуальный уровень отдельных генералов, которые по заданию партии отвечают за боевой дух всех наших войск. Что значит не представляется возможным? Ведь совет учредителей не просит у министерства обороны для создания института ни копейки. Институт предполагается построить на добровольные пожертвования организаций и частных лиц. Но министерство обороны не желает даже морально поддерживать этот благородный гражданский проект.

Мертвым, конечно, не больно. Больно и стыдно должно быть живым. Коммунистическая пропаганда обвиняет демократов в неуважении к армии. Дескать, пишут о защитниках родины без должной почтительности. Но как в таком случае можно квалифицировать ответ из Главпура? Неужели наши комиссары так и не поняли, что нет более высокой награды для рискующего жизнью солдата, чем уверенность в благодарной помощи его родным? Большего надругательства над памятью погибших воинов представить трудно.

Или я не прав, скажите, ветераны всех войн?

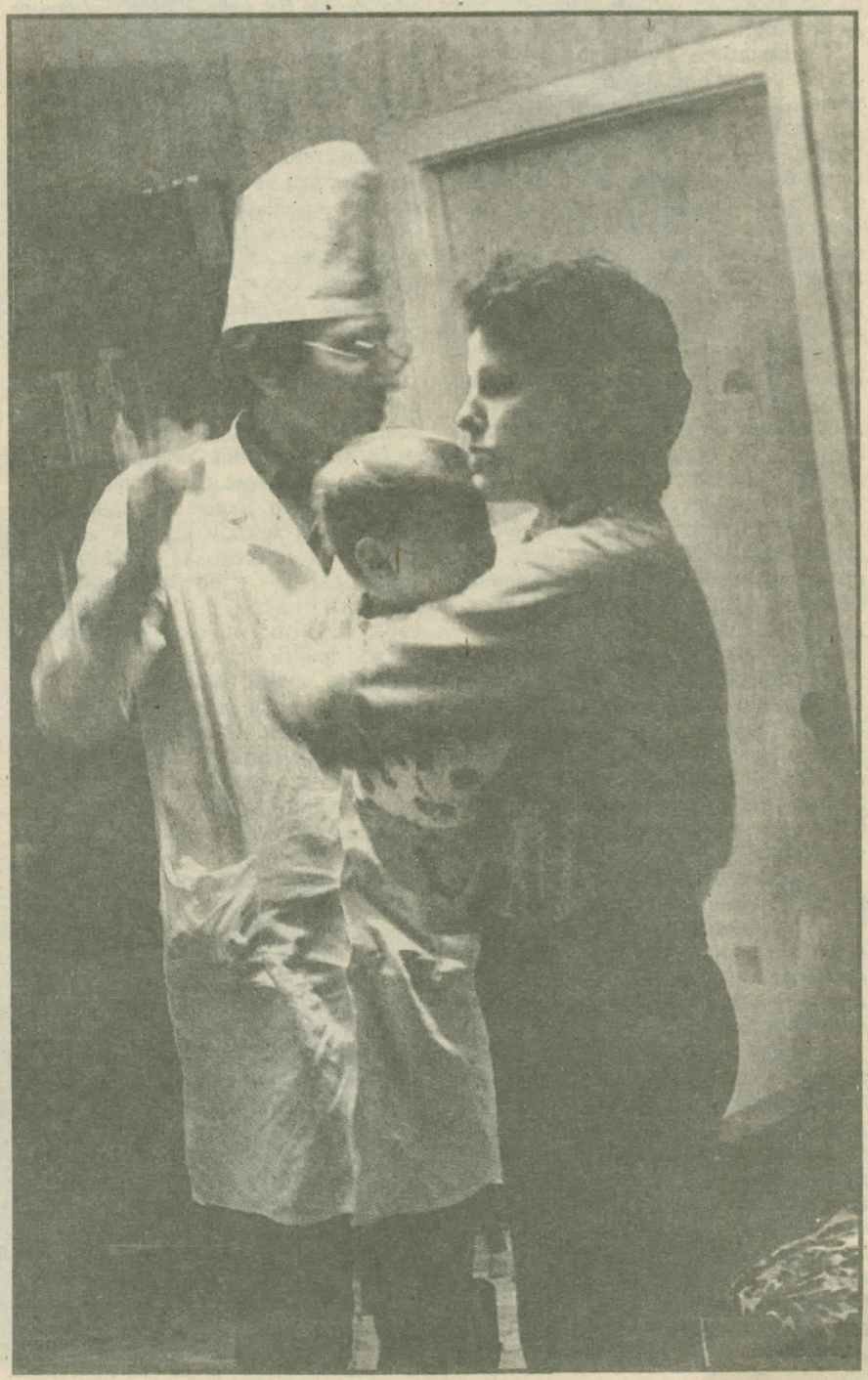
Ю.БЫЧКОВ

Сообщаем расчетный счет Всероссийского совета учредителей Института благородных девиц в «Трансэкономбанке»: 700138, корреспондентский счет 161829 МФО 201791 МГУ Госбанка СССР.

Андрей БАСОВ

ЗАМЕТКИ ЧАСТНОГО ВРАЧА

Мы еще долго не научимся платить за хорошее лечение и хорошо лечить за плату. Пока не начнем все сначала.



В сущности медицина при социализме всегда оставалась платной. При этом, как и в других областях социалистического быта, все возможные моральные и материальные издержки потребителя, связанные с необходимостью платить, возрастали многократно. А вот преимущества непосредственной оплаты сводились фактически на нет.

Платим мы за лечение по-разному. Наиболее распространена, еще со времен русского земства — натуральная благодарность за медицинские услуги. Цветы, коньяк, духи и хрусталь — в эпоху застоя. Продукты первой необходимости в период перестройки. Часто подношения эти делались из естественного чувства благодарности и сочувствия докторской нищете. Нередко — из страха потерять хоть какую-то связь с людьми, от которых зависит собственная жизнь и здоровье близких.

Платили и деньгами. Легально — в той довольно хилой сфере здравоохранения, что оставалась платной официально, — протезирование, стоматология, косметология. Но чаще за исполнение врачами их непосредственных обязанностей.

Нормальная частная медицина, в которой пациент и врач регулировали бы свои отношения при помощи денег, оставалась слабой и неразвитой. Отчасти из-за врачей, которые просто не видели нужды выходить на рынок с предложением своих профессиональных навыков и умений с двойной ответственностью — перед государством, которое, ничем не помогая, за такую деятельность могло покарать, и перед пациентом, который в этом случае мог потребовать и отчета. В неменьшей степени из-за особенностей психологии рядового советского человека, который просто представить себе не мог, с какой это стати он должен платить за то, что может получить и так. Причем, если говорить не о пенсионерах и малоимущих, дело тут было и остается вовсе не в отсутствии средств.

Социализм — это прежде всего некий всеобщий гедонистический образ жизни. Важно не просто испытывать от жизни удовольствие, важно при этом особо не напрягаться. Принцип социализма — максимум удовольствия при минимуме затрат. Удовольствие, получаемое при сверхнапряжении сил и способностей по социалистической философии, если не аморально, то малопривлекательно. В частности, в области сохране-

ния собственного здоровья — зачем этим заниматься сейчас, когда еще все в порядке, и к тому же за плату, когда я пока и так, слава богу, здоров. У нас, даже если вы пересчитаете все деньги, которые идут на медицину из госбюджета, и выдадите их гражданам на руки, чтобы они платили за свое здоровье квалифицированным врачам, — эти деньги немедленно уйдут на Рижский рынок за тряпки или за телевизоры и мебель с черного хода госторговли.

И в нынешнем здравоохранении работают люди, исповедующие точно такую же философию. Зачем влезать в частную практику, давать хорошее лечение за хорошую плату, когда и на госслужбе можно чувствовать себя неплохо. К человеку, решившемуся на частную практику, в государственном здравоохранении отношение, как у колхозников к фермеру, — либо урвать у него побольше, либо поджечь.

Сектор рынка, в котором есть спрос на платные услуги высокопрофессиональных врачей, до недавнего времени оставался довольно стабильным. То есть была такая группа людей с достаточно развитой культурой и интеллектом, способных ощущать дискомфорт в государственном здравоохранении по, например, морально-этическим соображениям. Причем связано это было, повторяю, не с переизбытком средств, но с отношением к своему здоровью. С редким у нас пониманием того, что за здоровье можно и нужно платить, ибо, вкладывая средства в поддержание своего здоровья и работоспособности, ты увеличиваешь свои доходы. Платишь не за лечение, а за те удовольствия, которые получишь, будучи здоровым.

С недавнего времени в этом секторе рынка наметился спад как спроса, так и предложения. Уезжают и пациенты, и врачи. Чудом сохранившийся прообраз нормальных отношений между врачом и пациентом рассыпается на глазах.

Не стану утверждать, что я ставил перед собой задачу спасти и упрочить здоровую основу для системы нормального здравоохранения в одном отдельно взятом районе и медучреждении, когда с учетом опыта многолетней частной практики врача-психиатра создавал лечебно-оздоровительный центр при 20-й поликлинике Свердловского района Москвы. Тут больше было от желания дать почувствовать врачам, как можно работать в совершенно иных условиях и на иных принципах. Однако возможности реформирования государственной системы здравоохранения меня тоже интересовали.

Направления для работы центра мы избрали престижные и традиционно платные — гинекология, массаж, наркология и психиатрия. Сработал ажиотажный спрос — хватай сегодня что дают, завтра деньги — вода, и пациенты к нам пошли. Первое, с чем мы столкнулись, — неумение работать за хорошую плату наших врачей.

90 процентов пациентов толком не знают, зачем пришли и чего хотят — то ли похудеть, то ли психиатра, то ли удовольствия. Клиента необходимо убедить, что без заботы о своем здоровье и помощи наших врачей ему вообще не жить, только тогда для него будет польза. У нас на это оказался способен только один сотрудник.

Лучшая реклама для платного заведения — умение работать так, как не работают в госсекторе. Высококвалифицированная помощь — само собой. Но пациент должен прежде всего почувствовать себя с помощью нашего обращения человеком, личностью, в отличие от районной больницы, где его словно бы специально унижают на каждом шагу. А наш хирург — профессионал и виртуоз в своем деле — в операционную входил не в бахилах, а в ботинках и вел себя так, что пациенту в голову не могло прийти порекомендовать этого врача своим знакомым.

В сущности, со всем этим можно было справиться. Ошибкой было само решение привить к государственной системе дело, работающее на совершенно иных принципах. А в результате поликлиника, персонал которой получал немалую выгоду от работы центра, отказалась заниматься условиями нашей работы и оставила наедине с инспекторами СЭС, в райздраве нас замучили вопросами — почему вы платите врачам поликлиники, работающим у вас по договору, столько, а своим врачам столько и зачем вам столько денег? В конце концов все оборвалось по причине в нормальном обществе вообще дикой — из-за личных отношений главврача поликлиники и заведующей райздравом. Это при том, что депутатская комиссия района нас всячески приветствовала, обещала поддержку и проводила выездное заседание в поликлинике.

Советское государственное здравоохранение нуждается в радикальном реформировании. Однако то, что предлагается в последнее время — страховая медицина, — ситуацию не изменит, так как оставит без изменения ее принципы, из которых первый — безответственность.

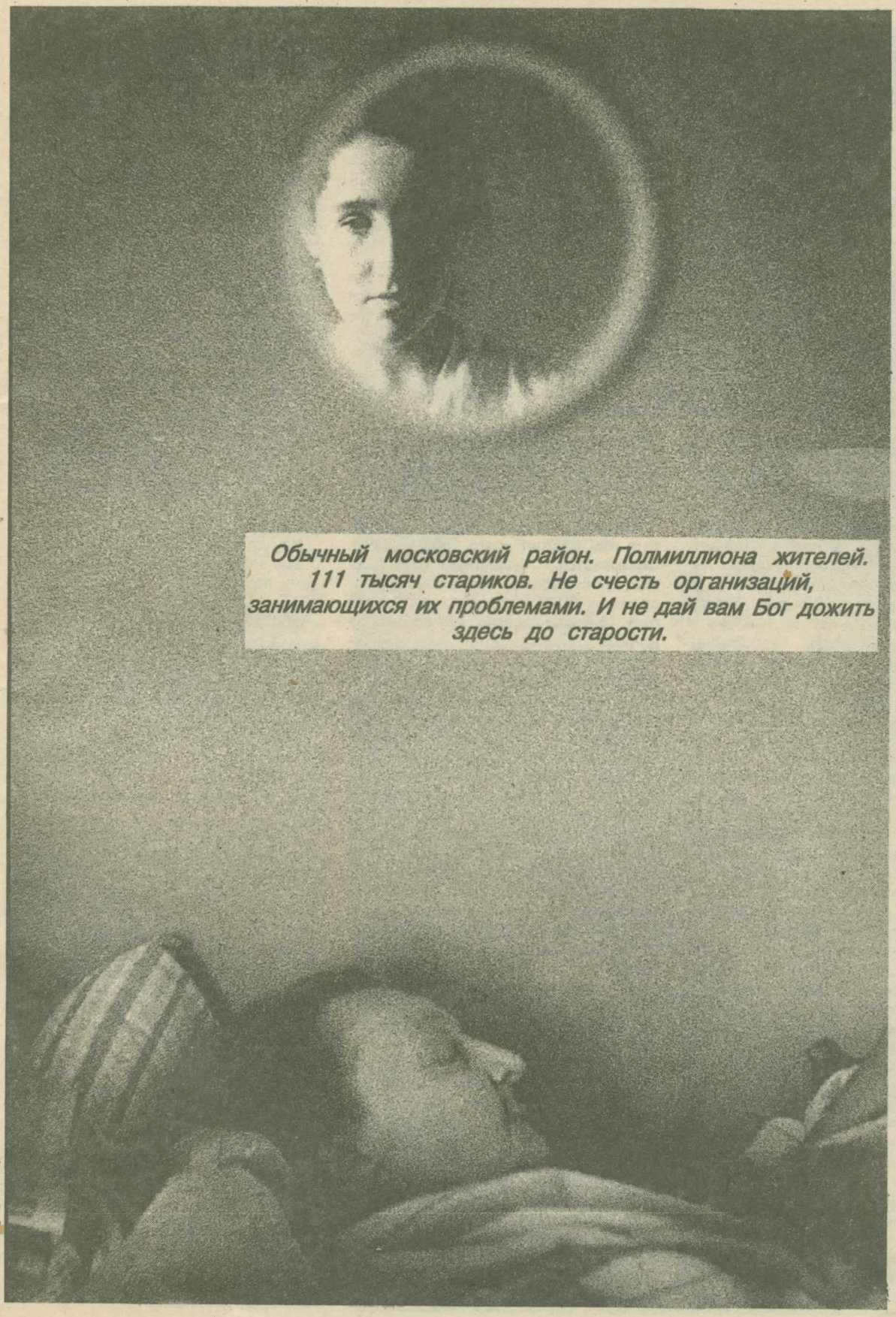
Что предлагается? Предприятия в принудительном порядке платят за медицинское обслуживание своих работников. Примерно 260 рублей в год. Государство оплачивает лечение неработающих и пенсионеров. Называется — «страховая медицина», хотя никакой страховки вашему здоровью тут нет, ибо, как всегда, не с кого спросить за результат.

Как будто каждое медучреждение получает статус юридического лица, свой счет и может быть вполне дееспособно и самостоятельно. Но деньги-то оно получает из централизованного фонда, куда стекаются средства предприятий. А распределяются эти средства все теми же райи горздравами. Конкретное предприятие с конкретного медучреждения за здоровье своих работников спросить не может, так как прямых договоров на медобслуживание оно не заключает. И нет никаких гарантий, что все опять не упрется в личные отношения главврача и заведующей райздравом.

Единственный выход — предоставление медучреждениям подлинной самостоятельности, предполагающей полную же и ответственность. Разумеется, при этом поликлиника или больница остаются в собственности государства. Руководителем медучреждения становится тот, кто отвечает требованиям госкомиссии, обязуется выполнить госзаказ по обслуживанию населения и имеет свой проект организации платных услуг на вполне определенную сумму, часть которой он перечисляет в госбюджет. Контракт с таким руководителем расторгается, если он не обеспечивает госзаказ или не дает обещанную прибыль. Во всем остальном он полностью свободен. Никаких тарифов, ставок, фиксированных зарплат. Контракты и договоры сверх госзаказа — с кем посчитает нужным. То противоестественное, что существует в системе оплаты в советском бесплатном здравоохранении, постепенно уходит. То естественное, что в ней присутствует, — развивается. И никаких попыток привить новые принципы работы к старой системе.

Вот это и называется — начать сначала. Иначе мы никогда не научимся платить за хорошее лечение и хорошо лечить за плату.

НЕ ДАЙ БОГ ДОЖИТЬ ДО СТАРОСТИ



Обычный московский район. Полмиллиона жителей. 111 тысяч стариков. Не счесть организаций, занимающихся их проблемами. И не дай вам Бог дожить здесь до старости.

Фото Э. Кудрявицкого

Я давно поняла, что хочу умереть нестарой, и лучше не от болезни, и еще лучше — на работе. И быстро. Потому что последние годы, за бесцельность которых, несомненно, будет «мучительно больно», хочется прожить, будучи хлопотливой, привлекательной и хоть в каком-то качестве нужной обществу. Не дай Бог, подкрадется болезнь и отнимет силы: без сил ты обществу не особо-то и нужен. А если считаешь, что нужен, то этого не докажешь — у тебя нет сил: ты не можешь пробивать лбом стены и стучать кулаком по столу, ведя словесную битву с каким-нибудь бюрократом. Тебя не видно и не слышно, и ты благополучно забыт.

Я не хочу умирать старой. Старость у нас — это очень редко седые букли и мудрые сентенции потомкам за чашкой некрепкого кофе. Старость — это тарелка супчика на два дня и сбор пустых бутылок, и «бабка-дура», и заискивающе-подозрительный взгляд, это вонь в грязной квартирке, это дикие боли — а врач не придет, это доказательства собственной инвалидности, чтобы дали группу (а с ней — нищенские нехитрые блага), это смерть в одиночестве и жизнь в одиночестве. Старость безобразна.

Перово — классический «спальный» район Москвы, со всеми вытекающими последствиями: далеко от центра, плохо с продуктами. В столице он третий по величине, здесь полмиллиона жителей и из них 111 тысяч стариков. Многие из них доживают в так называемых «кошкиных домах», этих произведений архитектуры в районе где-то пятьдесят. «Кошкины дома» очень вместительные: с виду — обычная пятиэтажка, но внутри на каждом этаже натыкано не четыре, не шесть, а десять мизерных квартирок. Это дома для одиноких.

Вообще-то на первый взгляд перовские старики должны быть самыми безбедными и счастливыми на свете, поскольку ими занимается и собес, и Красный Крест, и известные своей решительностью перовские депутаты, и комиссия по милосердию при райисполкоме под руководством товарища Давыденко. Есть даже районное общество инвалидов. И тем не менее огромное количество стариков голодает, болеет и умирает, так и не испытав на себе отеческой заботы организаций. Это происходит по обычным у нас причинам.

Общество инвалидов внимания всем уделить не может: инвалиды в районе живут в каждой третьей квартире. Красный Крест со своими обязанностями тоже не справляется — такой он малочисленный и бедный. Он настолько бедный, что в то благостное время, когда на нас посыпались посылки с гуманитарной помощью, решил присвоить себе некоторую их часть. Разразился страшный скандал, но перовский Красный Крест «отмазался», показав документы о том, что помощь предназначается именно его бедным работникам.

Вечно озабоченные результатами выборов депутаты тоже разносили посылки, но уж очень при этом держались в рамках тех округов, где баллотировались. Выглядело это не совсем красиво: вот сидят у подъезда три старые вдовы (две из них живут в соседнем доме, который — вот незадача! — принадлежит другому округу). Подходит народный депутат и вручает пакет с едой одной из них. Остальные смотрят. Гоголевская немая сцена...

Наконец, перовский собес. На учете в нем состоит всего 1005 человек. Оказывается, существует Положение Министерства социального обеспечения РСФСР, принятое аж в 1986 году. И в нем сказано, что собесы не должны обслуживать онкологических, венерических, туберкулезных и психически больных. Первым делом о человеке, который становится на учет в собес, наводят справки в соответствующих диспансерах. Принимая Положение, министерство было движимо трогательной заботой о работниках собесов, которые могут подхватить нехорошую болезнь, туберкулез или рак (который, впрочем, ни бытовым, ни даже половым путем не передается) или подвергнуться нападению со стороны психически неуравновешенного инвалида (как будто на учете в психдиспансере состоят исключительно буйные и маньяки).

Но перовским старикам все-таки немного и ненадолго, но повезло. Года два назад появилась милосердная группа «Родник». Ну как появилась: инвалид второй группы без права трудоустройства Изольда Германовна Васильева стала ходить к своим больным соседям, приносила поесть, скандалила в поликлинике, чтобы присылали врача. Вообще она педагог и поэтому стала «вербовать» в «Родник» школьников. Нельзя сказать, что родители с радостью узнали о «тимуровстве» своих чад, поэтому дети держали его в тайне. Не знаю, может, привлекал именно ореол таинственности, но школьники прекрасно ухаживали за старичками. Потом подключились менее больные и немощные старички.

«Родник» не был официальной организацией. Сначала он существовал на очень незначительные добровольные пожертвования. Потом сотрудничал с МЖК «Ресурс» при Перовском РК комсомола — появилась возможность выбивать в магазинах продуктовые заказы, оформлять подписку (оказывается, наши пенсионеры неравнодушны к газете «Московский комсомолец»), покупать одежду. Но как только решили легализовать «Родник», довести его до официального уровня — все тут же замерло. Изольда Германовна слегла, дети окончили школу и вышли в «большую жизнь», полную собственных забот и треволнений.

Сейчас у «Родника» двухтысячные долги. Все идет к тому, что рано или поздно он иссякнет. Угораздило же его появиться в стране парадоксов. Парадоксы у нас на каждом шагу.

Не устаешь удивляться нашей системе заботы о слабых и больных. Почему пачки печенья и конфет из посылок с гуманитарной помощью в изобилии предлагались на Рижском рынке по наглым ценам? А миллионы людей этой помощи и в глаза не видели, хотя при нормальном распределении посылок хватило бы на всех — не только на сирот и пенсионеров.

Знаете ли вы, что в магазинах «Ветеран» взимают пресловутый «президентский» налог, который вроде бы идет на якобы их же социальную защиту!

Знаете ли вы, что «Скорая помощь» не может госпитализировать онкологического больного с приступами боли: больницам не нужна высокая смертность. Поэтому умные больные инсценируют сердечный приступ, а добрые врачи ставят заведомо неправильный предварительный диагноз, за что пока имеют только «разборки», а скоро будут лишаться части зарплаты. Так «раковый» получает койко-место, а с ним — вожделенное обезболивающее. А потом портит статистику.

Старые, немощные и больные у нас никому не нужны.

Жизнерадостная поговорка «Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным» — очень злая поговорка.

У нас не приживается милосердие, по крайней мере в своей официальной разновидности — с гербовыми печатями и расчетным счетом. Перовское кооперативное кафе «Им-

пульс» решило как-то бесплатно кормить престарелых из соседних домов. Это были хорошие обеды — с мясом и пирожными. В одно прекрасное воскресенье «Импульс» не открыл двери толпящимся старикам: дескать, хватит. Дело перестало быть прибыльным.

У нас привыкли переиначивать неплохие идеи: вот, с одной стороны, милосердие приветствуется и поддерживается на государственном уровне, но при этом открываются небывалые возможности урвать. Например, если какая-то организация (то же кооперативное кафе) пишет в своем уставе «милосердную» графу, ей сразу уменьшают налог, ей гораздо легче достать сырье и материалы, к тому же можно к месту и не к месту козырять своей благотворительностью. Но ведь если бы каждая организация Перовского района формально, хотя бы косвенно занимающаяся благотворительностью, действительно ею занималась, то перовских старичков просто изнуряли бы милосердием и заботой.

Официальное милосердие давно стало у нас не только модным до пошлости, но и прибыльным — очень прибыльным — и очень нечистоплотным делом. Настоящее милосердие давно уступило место своему суррогату...

...Однажды на пороге собственной квартиры был найден голый умирающий старик. Доктор «Скорой помощи» отвез его в районную больницу с диагнозом «состояние после голодного обморока», хотя у старичка была глубокая форма истощения. Его звали Семен Васильевич Полукариков.

Дома у него нашли множество медалей, которые райсовет с пафосом обещал отправить в музей, но не отправил. Родственница, которая регулярно навещала Полукарикова и забирала его пенсию, бесследно пропала. Как выяснилось, в его квартире давно уже были отключены газ, электричество и вода.

Полукариков тихо скончался в больнице.

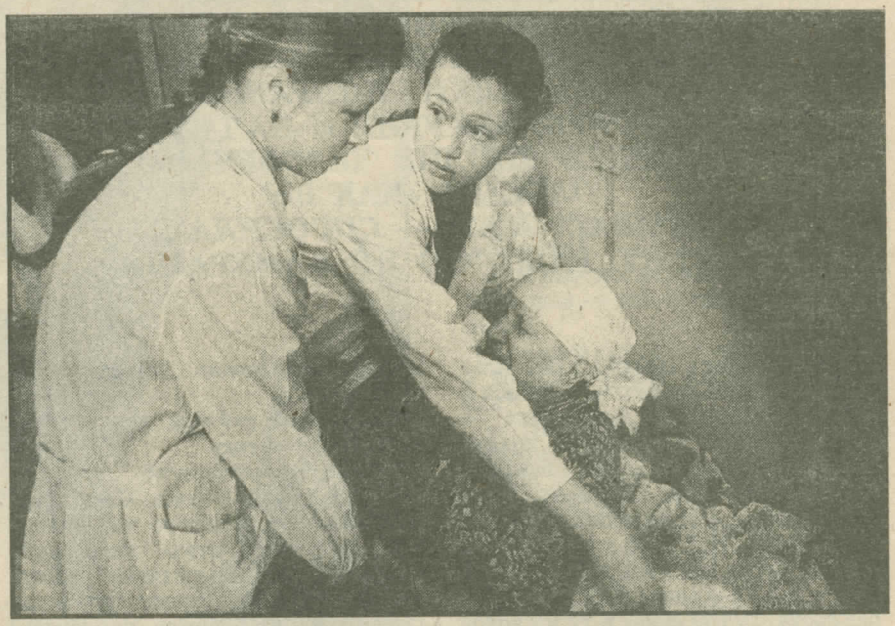
Он умер от голода.

Три месяца его не могли похоронить — этим не стал заниматься ни райсовет, ни родственники, а у «Родника» тогда не было ни копейки.

Теперь Полукариков лежит в захоронении невостребованных прахов, под табличкой с номером.

А вам не хочется умереть нестарыми, полными сил и прямо на рабочем месте?

Елена АВЕРИНА



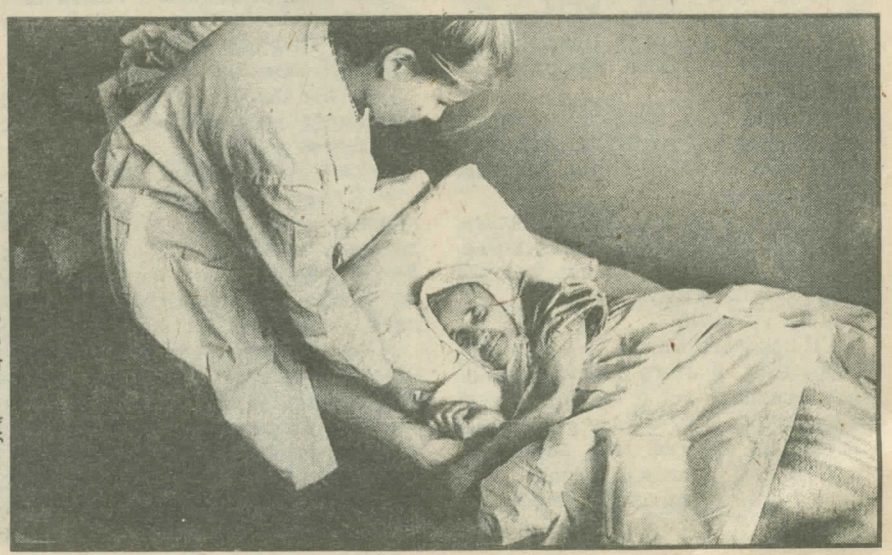


Фото Э.Кудрявицкого

Елена САЛИНА

КАМЕРНЫЙ ДУЭТ С ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

«У НАС НЕТ СЕКСОТОВ. ЕСТЬ ЛЮДИ, ДОБРОВОЛЬНО И БЕСКОРЫСТНО ПОМОГАЮЩИЕ МИЛИЦИИ», — СМАХИВАЯ СЛЕЗУ УМИЛЕНИЯ, ТВЕРДИЛИ МНЕ МИЛИЦЕЙСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ ТАК ДОЛГО, ЧТО Я ГОТОВА БЫЛА ИМ ПОВЕРИТЬ. ПРИЗРАК МАТЕРИАЛИЗОВАЛСЯ В ТЕСНОЙ КОМНАТЕ МОСКОВСКОЙ КОММУНАЛКИ. ПОПРАВИЛ ГАЛСТУК, ЗАКУРИЛ И НАЧАЛ ГОВОРИТЬ ВПОЛНЕ ЧЕЛОВЕЧЬИМ ГОЛОСОМ. «КАК ВЫ НАЗЫВАЕТЕСЬ?» — СПРОСИЛА Я. «АГЕНТ. РАБОТАЮ ПО КАМЕРАМ».

— Родился не в Москве, в нормальной семье. Еще со школы связался с ребятами постарше. Специфика — исключительно карманные кражи. Родители ничего не могли поделать. В результате через детприемник попал в бессрочную колонию, до перевоспитания. Шел 52-й год, мне было 11 лет. Через год мать забрала меня оттуда, а в 54-м снова ДВК — и опять без срока. Потом снова в ту же колонию, но уже по статье. Два года мне дали. Зачем воровал? Пожалуй, из спортивного интереса. Старшие меня втянули.

Еще один срок. Когда в очередной раз освободился, родители переехали уже в Москву. Меня к ним, конечно, не прописали.

В 63-м я женился, дочь родилась. Временно прописали в Подмосковье. А я опять за старое. Теперь уже для денег. Опять сажусь.

— Вы упорный!

— И признают меня в 71-м году особо опасным. В итоге восемь судимостей, тридцать лет и четыре месяца за решеткой. В 87-м году вышла амнистия, по которой мой последний срок (8 лет) подлежал скидке. Мне сняли треть. Я написал в Верховный Совет СССР просьбу о помиловании. И меня помиловали. Четвертый год на свободе.

Агентурной работой начал заниматься в 64-м году.

— Как это случилось?

— Как обычно бывает. Следственный изолятор, какие-то нарушения. Вызывает заместитель начальника или инспектор оперативной части, задает вопросы, присматривается. Потом говорит: «Может, поможешь? Посмотришь, чтоб не резали друг друга». Я согласился.

— Что вам обещали взамен?

— Были какие-то льготы, конечно. Например, внеочередной вызов, как на следствие.

— Это очень важно?

— В камерной системе — да. Посидишь в боксе часа три, от камеры отдохнешь в одиночестве, покуришь. Внеочередное свидание, из-за стекла, по телефону. Дополнительная передача. Не более!

В лагерях я не работал. Там невозможно — это петля. Тем более на особом режиме. Только в одном подразделении, в пермских лагерях помогал, где был порядочный начальник оперотдела. А так оперативная служба может ведь не только получать — может и «отдать» информацию — и нет человека. Во многих лагерях стоят безымянные кресты. Номер уголовного дела — и все.

— Трудно приходилось?

— Я не страдаю манией величия — я люблю эту работу. Мой девиз такой: человека ни к чему не принуждать. Но если он психологически просматривается уголовником, он должен мне в камере все рассказать. Должен! Я его располагаю, выдаю легенду о себе. Есть разные легенды. Часто выдаю себя за вора в законе. Когда вор в законе, люди начинают уважать.

В СИЗО всем дают Уголовный кодекс. В нем есть две статьи: 43-я, которая и предусматривает наказание ниже низшего предела, и 38-я — о чистосердечном признании и явке с повинной. Я все это объясняю. Другой вопрос, что явка с повинной «облегчает душу, но удлиняет срок», как у нас говорят.

Есть еще одна хитрость. Допустим, арестован человек, сидит уже четвертые сутки, а ему еще не дали подписать санкцию прокурора. Я спрашиваю: «У тебя есть санкция? Судим?» Он: «Не судим, все на следствии рассказал». Я говорю: «Так дурачком-то не будь. Значит, где-то есть заявка потерпевшего, по которой органы не знают, кто совершил. Если ты вовремя прокурору признаешься, что на тебе еще висит, где и с кем совершил, покажешь место, отдашь вещдоки, то уйдешь под расписку. Своими ножками в суд ходить будешь».

Он стучит в дверь и просит: дайте бумагу. А я подсказываю, как написать, чтоб правильно все было. Он и пишет все, как есть, в других преступлениях сознается.

— Вам приходилось бить сокамерников?

— Это фикция. Этого не может быть. Каждый день есть вывод на прогулку, на следствие, запись к врачу. Существуют банные дни и другие, когда выводят из камеры. Человек может прийти к начальнику следственного изолятора и сказать: «Меня убивают. Бьет такой-то. Прошу перевести меня из камеры».

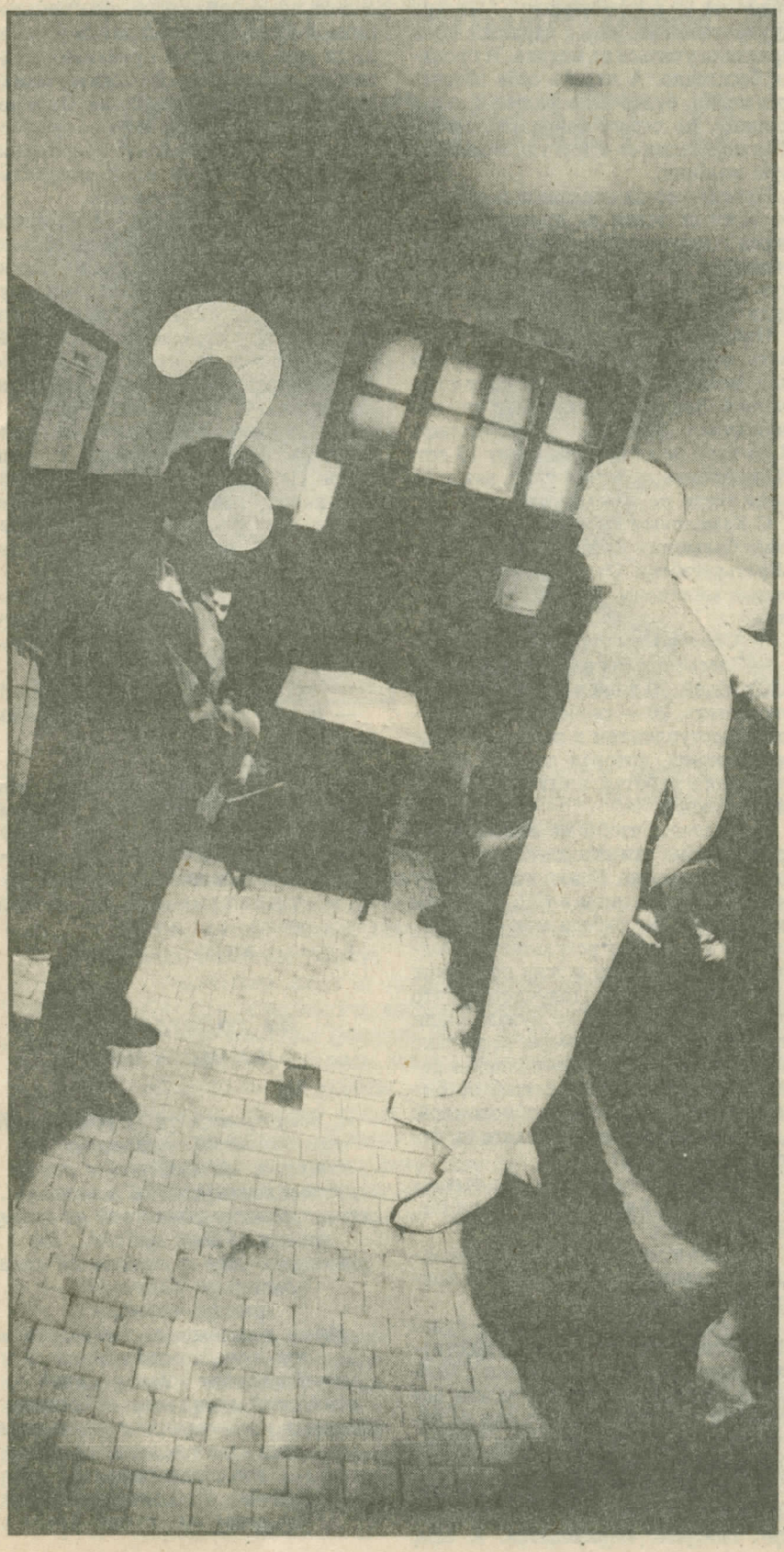


Фото Э. Кудрявицкого

— Вы хотите сказать, что в тюрьме никого не бьют?

— Бьют. А вы знаете, как? Я вам объясню. Существует положение среди уголовников, как правильно вести себя в камере. Кто-то сел за стол, а другой — первая судимость — подошел в это время к параше. Это страшно. Есть другие действия, нарушающие внутренний режим камеры. Но так, чтобы — идет следствие, а он не признается, и вызывают меня, и говорят: любым путем добудь это... Вы понимаете, там же масса. И в этой массе сидят такие, как я, посторонние уголовники разных категорий. Оторвут голову.

— Вы не боялись смерти?

— Нет, этого не боялся. Пройден такой этап жизни, встречался чуть ли не с людоедами. Я сам далеко не ягненок, но никогда при разговоре не применял физической силы. Чистая дипломатия.

Ну если хулиган схамил при мне, тогда другое. По воровской традиции простой смертный не может вора ударить.

— Стоили такого риска маленькие поблажки?

— Я работал не за поблажки. Цель была одна — помилование. Выйти на свободу.

— Какой смысл все время садиться в тюрьму, чтобы ждать помилования?

— По молодости, конечно, другое в голове было. Зима, зона, и нужно пилить лес в сорокаградусный мороз под открытым небом. Сотни людей уезжают с туберкулезом. Теперь представьте себе современного молодого городского человека, который не знает даже, как держать крючок. Я просто себя берег. Хотелось отбывать срок в следственном изоляторе, в тепле, видеться с родителями.

— Но проще — не воровать.

— Это вошло в кровь.

— И вы уверены, что к этому не вернетесь?

— Это исключено, могу вам честно сказать. Я многим обязан оперативнику, с которым сейчас работаю: московской пропиской, комнатой, личным отношением ко мне — он писал ходатайство о помиловании. Если б не он, ушел бы отсюда в две секунды. А почему с ним? Он не соврет. Я ведь многого насмотрелся... Теперь я на свободе и хожу работать в изолятор по вызову. Хотя когда бываю среди людей, прямо смех берет — у всех женщин сумки нараспашку.

— Но вы фактически предаете быв-

ших сотоварищей. Чувство солидарности не просыпается?

— Я вам скажу так: вот попадает мужик — чистый крестьянин, работяга. Украл мешок цемента. Я могу скривить душой и сказать, что его подтолкнули, что это не он. Но что касается убийств, изнасилований, 206-й статьи, наркотиков, сопротивления властям — этих я не упускаю. Потому что даже по воровской жизни их место в камере у параши.

— Вы считаете себя хорошим психологом?

— Об этом должны говорить материалы дел.

— Любого человека можете разговорить?

— Любого. Правда, встречаются такие нафаршированные, много раз судимые, что ему кого ни покажи, все кажется — подсадной. Такого сразу видно. Я ему: «Земляк, давай о кино поговорим, о театре». Уходит от разговора. Значит, вопросов больше быть не может. А другие спрашивают, как лучше написать. Я объясняю: так, мол, и так, стыдно, мать больная, сидя здесь, сам, без работников органов, решил завязать с преступным миром, потому что советское правосудие гуманно к таким лицам, а если я обманул, пусть меня за это накажут.

— Вы не боитесь встретить потом бывшего сокамерника?

— Нет. Я везде бываю, хожу по улицам, но в метро не езжу. Просто нож воткнут и все — до свидания. Только машиной. Ну а когда суждена встреча на улице...

— Было такое?

— Было. Возле ресторана мне говорят: «Сядь в машину». Сел. Это оказался бывший торговый работник. Он говорит: «Ты знаешь, мы с тобой сидели. Тут такая молва прошла, что ты задействовал пол-изолятора на явки с повинной. Как же ты мог тогда меня уговорить, чтобы я отдал добровольно 35 тысяч? Я спрашиваю: «Что ты хочешь?» Он: «Да знаешь, не хотелось бы верить...», а я сразу понял, кто меня «сдал». Оперативник один, раньше работал в изоляторе. Говорю: «Я сейчас позвоню этому человеку». Звоню: «Здравствуйте. Давайте встретимся по такому-то поводу». Он бросил сразу трубку. Вот такой был один инцидент.

— Надеетесь, что всегда удастся выкрутиться?

— Нет. Не надеюсь. Но просто так меня не возьмешь.

— Можете вспомнить свои самые интересные дела?

— Одного парня подозревали в убийстве родственницы лидера дружественной нам страны. Она приехала учиться на медика. И пропала бесследно. А парень себе обеспечил алиби, будто подвозил ее к медучилищу, по дороге кончился бензин, и он пересадил ее в другую, неизвестную машину.

Приехал тогда следователь по особо важным делам из прокуратуры и через оперативников (ему-то самому общаться со мной нельзя) передал, что, если раскрою это преступление, буду помилован.

Посадили того парня, дважды судимого, в мою камеру. А на четвертый или пятый день написал он явку с повинной. Знал он, в какую машину пересаживал, заранее договорились. Хоть труп не нашли, дали ему 15 лет. И напарника, который убил, взяли. А меня тогда не помиловали...

С Камаловым вместе сидел, с другими большими людьми. Говорил им: «Братья-узбеки. Отдайте вы ваши зарытые миллионы. Вам же лучше будет».

— Сколько вы получаете?

— Здесь потолок заработной платы 250 рублей. 10 дней в месяц я должен отработать, 20 — свободных. По тяжким преступлениям в основном. Еще есть премия, которая зависит не от того, как я работал, а как начальнику захотелось.

— Хватает, чтобы не ездить в общественном транспорте?

— Нормально. Плюс по договору работаю снабженцем в СП. Но вообще-то, если бы работа моя оценивалась по конечному результату, сегодня я имел бы виллу и жил почти как при коммунизме. Получается, что здесь никому ничего не нужно. Один пришел, проспал в камере, несколько слов сказал и написал — половина дезинформации. У меня такого не бывает. У меня только явка с повинной.

— Сколько времени тратите на одну такую «явку»?

— Обычно час-полтора. Но бывает и больше. С Камаловым, например, неделю сидел.

— Вы хотели бы работать на законных основаниях, а не зависеть от конкретных людей?

— Конечно. Что заработал — будьте любезны. Вот смотрите, существуют талоны на вещи, на питание. Ладно, за питание я молчу, это мне без проблем, я достану то, что они не достанут по нормальным ценам. Но телевизоры там, видео...

Я звоню начальнику управления: «Нужно встретиться по важному делу». Говорит: «Приходите». А сам, еще до моего прихода, вызвал начальника отдела и разнес: почему ваши люди мне звонят? Я приезжаю, подхожу к секретарю: «Доложите, пожалуйста, — из министерства». Он меня знать не знает в лицо, хотя по существующему оперативному положению обязан провести со мной контрольные встречи, переговорить.

Излагаю просьбу: так и так, много лет работаю, защищаю честь вашего района. В транспорте мне ездить нельзя, хотел бы приобрести машину. Восьмую или девятую модель. Он полковнику: надо помочь. Хорошо. Я на второй день звоню, а мне: «О чем ты говоришь? Нам самим ничего не досталось». И ничего нет. Ладно.

Говорю: «Мы у вас получаем зарплату, нас несколько человек на весь район. Ну почему нам не дать один талон, которым вы пользуетесь, на тот же телевизор? Мы потянем — кто вытащит». Так же с талонами на питание.

И сидят наши руководители с большими звездами сутками. Как ни зайду — смотрят видео или нажимают игровые компьютеры.

— Как вас назвать в публикации?

— Вот об этом я не думал. Любым именем.

— Вы счастливы?

— Нет. Нужно кого-то после себя оставить. Родного человека. С женой развелся еще в 65-м, когда сидел. Дочь не видел с самого маленького возраста. У женщины, с которой живу, моих детей уже не будет, ей тоже сорок девять, как и мне.

А так — жизнь устраивает.

Из ходатайства о помиловании

«...помог раскрыть 11 убийств, 35 преступлений, связанных со взятками, 48 хищений в особо крупных размерах... С помощью... изъято денег и ценностей на сумму свыше 15 млн. рублей... За последние два с половиной года раскрыто более 300 преступлений...»

Наше знакомство состоялось в тот день, когда газеты опубликовали «Закон СССР о советской милиции», в котором впервые упоминается о «негласных оперативно-розыскных мероприятиях».

Прощаясь, я поздравила его с днем рождения.

ГЛЕБ МАКСИМИЛИАНОВИЧ КРЖИЖАНОВСКИЙ РАССКАЗЫВАЕТ О ЛЕНИНЕ

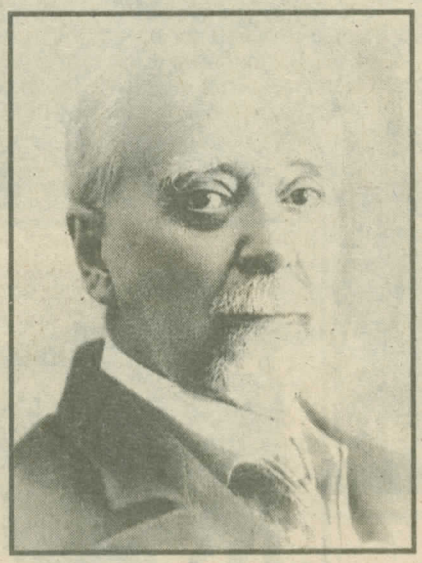


Фото В. Филонова

Когда молчат очевидцы — рождаются легенды. Эту фразу часто любил повторять мой отец, Лев Николаевич Подвойский, сын профессионального революционера Николая Подвойского.

Последние годы своей жизни отец как-то особенно остро, как и многие честные люди его поколения, переживал вакханалию брежневщины. Он мечтал, уйдя на пенсию, написать большую книгу воспоминаний под названием «Тридцатые годы». Материал, который я предлагаю, — фрагмент из этой недописанной книги.

Несколько слов о предлагаемом материале. Это запись устных рассказов Г.М.Кржижановского, которые сделал мой отец в конце 40-х годов. Часть из них, пройдя жесткую цензуру ИМЛ, была опубликована в журнале «Семья и школа» , но многие остались нерасшифрованными. Несколько лет назад к нам обратились из газеты «Известия» с просьбой дать неизвестные материалы о Ленине. Именно тогда я расшифровал записи отца, которые ранее не публиковались. Однако материал в «Известиях» так и не появился. Как потом объяснил мне сотрудник газеты, кто-то из членов редколлегии сказал, что записи — это сборник анекдотов о Ленине. Что ж, пусть читатель сам рассудит, что лучше: когда молчат или когда говорят очевидцы.

Глеб ПОДВОЙСКИЙ

Во все он вкладывал весь свой мощный темперамент. Все делал страстно. Страстность у него была огромная. Он жаловался мне:

— Черт знает что, стенографистки не могут записать правильно мою речь. Мне приходится править их чепуху. Я посажу двух стенографисток и выведу их на чистую воду.

Через несколько дней смущенно сказал:

— Обе записали совершенно одинаково. Неужели я смог наговорить столько чепухи?

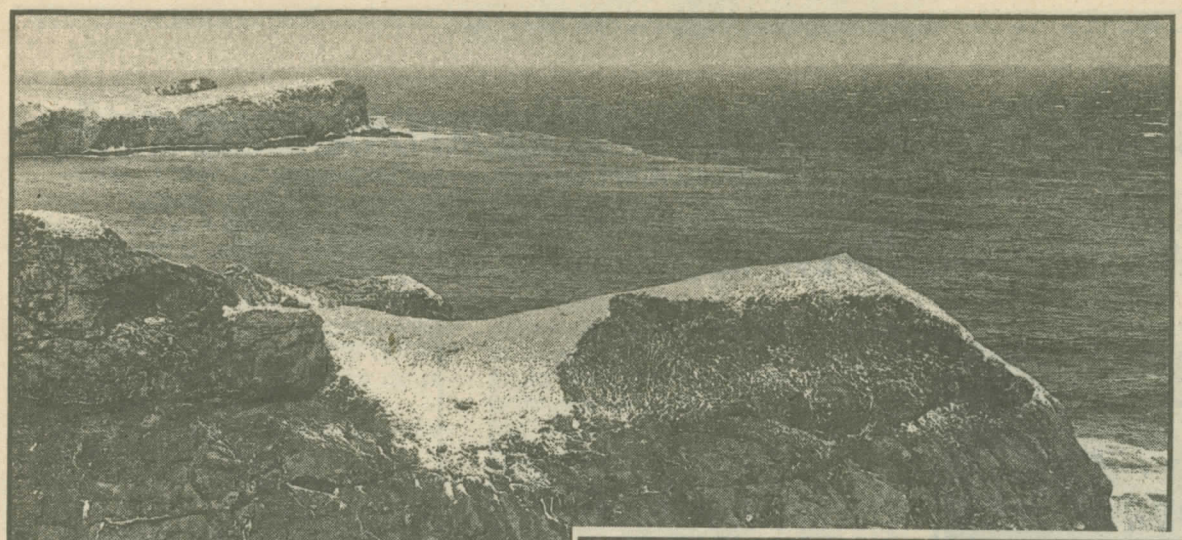
— Владимир Ильич, — сказал я. — Ничего не сделаешь, тут виновата ваша страстность.

— А какое впечатление у слушателей? — спросил Владимир Ильич.

— Великолепное, — признался я.

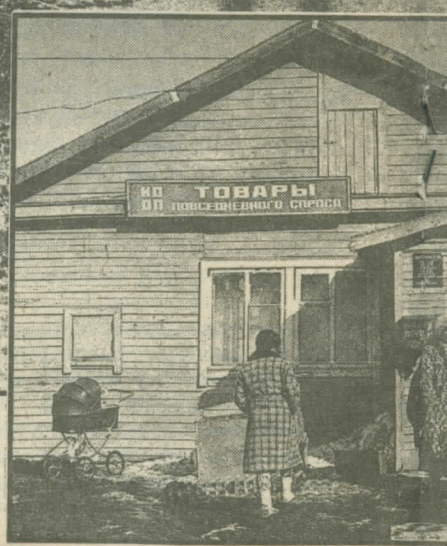
Владимир Ильич успокоился.

* * *



КУРИ

ЧТО И КОМУ



ЛЫ:

ЗДЕСЬ ОТДАВАТЬ?

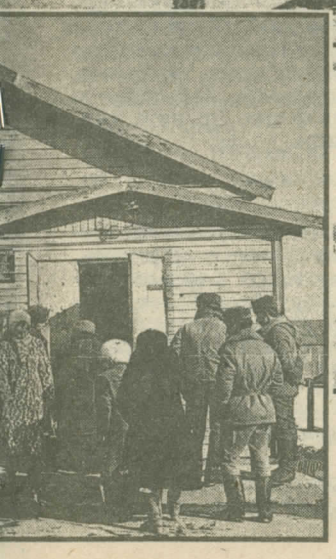


фото В.ИВАНОВА

Владимир Ильич обаятельнейший человек. Особено красивы у него глаза. Они, как бриллианты. Позы Ленина перенял Щукин, а голос замечательно уловил Штраух. Но общего облика нет. Лучше других удалось записать о Ленине-человеке Горькому.

* * *

Владимир Ильич любил все человеческое. Он был простяк. Но при нем просто нельзя было сказать и сделать пошлость. Раз мы сделали пирушку, в самоваре сварили глинтвейн. Владимир Ильич плясал с Зинаидой Павловной Невзоровой.

* * *

Много раз Владимир Ильич упрекал меня в мягкости.

— Когда у вас появится настоящая злость? Заведите себе цепную собаку.

* * *

В Горках сторож срубил большое дерево. Владимир Ильич приказал посадить его на три дня под арест.

* * *

Иногда разозлишься на Владимира Ильича, потом все же прочувствуешь его правоту и разозлишься на самого себя.

* * *

Во время голода я посетовал:

— Владимир Ильич, в городе ничего нельзя купить. Все магазины закрыты.

— А что вы предлагаете, Глеб Максимилианович? Рабочие хотят закрыть магазины. А вы что предлагаете? Что? — заглядывая на меня, спрашивал Владимир Ильич.

* * *

В ссылке была красивая женщина. Владимир Ильич говорил:

— Она страшная женщина. Она меня волнует. Страшная женщина.

* * *

Владимира Ильича нельзя канонизировать, он был удивительным человеком, любил и выпить, и пошутить, и поозоровать. Но вокруг него всегда была такая атмосфера... Совершенно не могло придти в голову рассказать анекдот.

* * *

В Сибири Глеб Максимилианович как-то признался Владимиру Ильичу:

— У меня душевный кризис.

— Ничего, это хорошо. У каждого человека бывает кризис. У меня кризис был в пятнадцать лет. Я был очень религиозен, но в пятнадцать лет снял крест.

* * *

Владимир Ильич был очень насмешлив, иногда добродушен, иногда зол. Он часто «поддевал»:

— Владимир Ильич, этот человек хороший, — говорил я.

— А скажите, Глеб Максимилианович, что такое хороший человек, а? — перебивал Владимир Ильич, хитро прищуриваясь.

* * *

Владимир Ильич был очень послушным пациентом. Пунктуально выполнял предписания врачей. Верил в докторов. Глеб Максимилианович предлагал свои средства.

— Нет, я уж у доктора спрошу.

Он уважал труд.

* * *

Перед Генуэзской конференцией, когда мир был полон идеей о новой мировой войне, я сказал Владимиру Ильичу, что этому надо противопоставить планы мировых работ.

Мы бедны морскими путями, сказал я, но мы сможем их сделать. Для этого надо провести мощную электрифицированную сверхмагистраль. Такие перевозки будут так же дешевы, как морской транспорт, и много быстрее его.

— А вы можете рассчитать? — спросил Владимир Ильич.

— Могу.

— Считай, — благословил меня Владимир Ильич.

Мы в Госплане сделали соответствующие расчеты магистрали Лондон-Пекин.

— Тащите их к Чичерину. Пусть он предъявит наше предложение на конференции.

* * *

Владимир Ильич терпеть не мог простодушия, советуя Глебу Максимилиановичу завести цепную собаку от всяких случайных людей. Он часто цитировал Некрасова: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». Владимир Ильич любил Некрасова, знал его и часто цитировал.

* * *

Владимир Ильич, выступая на трибуне, часто закладывал руки за жилет и сгибал ноги в коленях. Был он в эти моменты похож на задиристого, но удивительно милого петуха. Таким он выступал на 9 съезде. «Победа наша войдет в историю, как величайшая победа. Теперь нам надо выучиться торрргговать...»

* * *

Владимир Ильич бережно ценил мнение народа и прислушивался к мнению самых широких масс.

— Глеб Максимилианович, знаете, что самое страшное в планировании? Не знаете. Вы тоже грешите тут.

— Чем, Владимир Ильич? — спросил я.

— Бюрократизмом. Это очень вредная вещь. Высчитали, спланировали и передали народу. Дескать, ваше дело выполнять. А вы посоветовались с народом, внесли его поправки?

Владимир Ильич требовал часто запрашивать мнение народа. Рассылал анкеты и вопросники по уездам и волостям. Получая отчеты, сам сидел и читал их. «Зачем вы сами сидите над этим?» — «Что надо самому, Глеб Максимилианович, другие пропустят, не обратят внимания на что-нибудь важное».

* * *

Владимир Ильич не считал зазорным учиться у врагов. Глеб Максимилианович в его присутствии ругал Михайловского, ругал словами Владимира Ильича. Владимир Ильич слушал, посмеиваясь.

— А знаешь, Глебася, нам многому надо учиться у Михайловского. Какой у него чистый русский язык. Надо, надо учиться у него публицистике.

* * *

Владимир Ильич удивительно умел даже свои мысли делать предложениями других. Иногда на заседаниях он, подготовив какое-нибудь решение, путем умелого ведения собрания, записок ставил вопрос на голосование. Кто «за»? Все поднимают руки. Кто «против»? Щуря полные лукавства глаза, Ильич неожиданно поднимает руку и мило улыбается. «Мол, что поделаешь, большинство решило, предложение принято вопреки его, Ленина, воле».

* * *

В период «Союза борьбы» Владимир Ильич был дружен с Мартовым. Мартов много говорил. Когда он приходил к Владимиру Ильичу, тот заранее завязывал голову полотенцем.

Перед вторым съездом Владимир Ильич написал Глебу Максимилиановичу письмо о том, что Мартов теперь не тот и надо забыть о дружбе. Владимир Ильич всегда был принципиален.

* * *

ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ

ПУБЛИКУЕМЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ — НЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ. ОНИ ВЗЯТЫ ИЗ СБОРНИКА «ЛЕНИН В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ И ВОСТОЧНОЙ ЛЕГЕНДЕ», ВЫПУЩЕННОГО В 1930 ГОДУ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» И СОСТАВЛЕННОГО ИСТОРИКОМ ПАРТИИ И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ А.В.ПЯСКОВСКИМ. ВСЕ МАТЕРИАЛЫ, СОБРАННЫЕ В ЭТОЙ КНИГЕ, ЗАПИСАНЫ НЕ ПОЗДНЕЕ 1928 ГОДА, И ВПОСЛЕДСТВИИ ОНА НИКОГДА НЕ ПЕРЕИЗДАВАЛАСЬ.

СКАЗКИ ПУБЛИКУЮТСЯ С НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ И СОКРАЩЕНИЯМИ.

ЛЕНИН НА КАМЕННОМ СТОЛБЕ

Сибирская сказка

Ведь вы, поди, знаете, что середь Москвы, значит, большущий-пребольшущий столб стоит каменный, почитай чуть не до неба. Ну, так вот, если забраться на этот столб, то с него видать не токмо Расею всю, но и земли все чужие. Много людей всяких — может, тыщи али милиены ученых, интеллигентов — забраться пробовали на столб этот. Куда тут. Руки коротки. Потому — смекалки не хватило у них, и котелок не так варит, да и неправильные люди были эти. Этак, может быть, сто продолжалось годов и больше.

И вот, значит, вдруг неведомо откуда объявился Ленин. Что за человек это, мало кто тогда знал. Только один раз, поосенясь, когда трава в поле засохла, он, значит, Ленин-то, с товарищами и явился к столбу. А у столба народу — море.

— Ну, — товарищам говорит своим он, — знать, настал мой черед: надо лезть и искать правду...

И, понимаешь, пошел-пошел чесать по столбу-то, как белка. А с народом не поймешь, что и деется. Которые кричат: «Молодец, ура, щаслива-а!» А которые: «Голову сломишь, чтоб те! Больше, знать, захотел других и чтоб омманывать людей!» А которые же завистники были, те из леворвиков стреляли даже. Руки коротки! Ленин выше и выше все...

Ну, с тех пор и находится на этом столбе Ленин-то. Шибко тяжело ему приходится. Днем глядит и по ночам глядит в стороны во все и распоряжается по-хозяйски. Чуть что, скажем, министр какой, царь земли чужой али комиссар наш, али другой кто — Ленин сейчас же:

— Шалишь, брат, стоп, давай назад, не туда, паря, гнешь, пошел прямо, придерживай полевей...

Потому — ему, Ленину-то, с вышины видно все, как на ладонке, и следит сторожко за всем и направляет жисть на дорогу праведную.

Вот за это, а может статься и за то, что Ленин мучается и страдает за народ, за мир честной, значит, ему-то и послал благодать Бог-то.

Когда, примерно, на Расею навалились богатеи и миллионщики из землей чужих, чтоб сбить, значит, Ленина с пути праведного, вдруг гром страшный ударил и над Москвой-матушкой небо огневое все разверзнулось, и голос громовой:

— Не робей, товарищ Ленин, ты всех врагов и супостатов покоришь под ноги себе! Иди дорогой своей и веди мир честной за собой к жизни счастливой, праведной, уготованной! А за правду твою, за страдания и мучения твои за мир честной не возьмет тя ни пуля, ни нож, ни огонь, ни вода, и будешь жить ты во веки веков до скончания мира. Аминь.

Ну, с тех пор вот и доспелась благодать-то с Лениным: кажинный месяц делается он раз молодым и раз старым. Примерно, когда на небе месяц смоложавит, серпом висит, Ленин — вьюноша, парень кровь с молоком, а как только полнеть начнет месяц и делается круглым, как краюха хлеба, Ленин стареет, становится дедушкой... Вот, значит, так дела-то.

КАК НАКАЗАЛ ЛЕНИН ОБИДЧИКА КРЕСТЬЯНСКОГО

Владимирская сказка

Был у Ленина товарищ-друг, что ни на есть первейший — разверстки комиссар. И вот сказали Ленину, что друг-то его этот обижает мужиков да живет несправедливо, добро народное не бережет.

Призвал его Ленин и говорит:

— Друг ты мой, верно это?

Тот молчит, голову опустил. А Ленин ему:

— Мужика теснить ты права не имеешь. Потому мужик — большая сила в государстве, от него и хлеб идет. Значит, как друга своего, я наказать тебя должен примерно.

Поцеловал тут Ленин друга-то, попрощался с ним, отвернулся и велел расстрелять его. Вот он, Ленин-то какой... Справедливость любил.

СКОРО ПРОСНЕТСЯ ИЛЬИЧ

Вятская сказка

Вот сидит один раз Ленин у себя в комнатке после обеда и разные книжки и газеты почитывает. Только в какую газету ни заглянет, какую книжку ни раскроет, все про себя чтение находит: дескать, что нам перед Антантой страшиться, что перед Америкой бояться, когда у нас есть Владимир Ильич Ленин. Чудно стало Ленину. Встал он со стула венского, походил по комнатке и говорит сам себе:

— Ладно, так и сделаю.

А после того посылает своего посыльного к главному советскому доктору. Приходит доктор, а Ленин ему и говорит:

— Можешь сделать так, чтобы я умер, только не совсем, а так, для виду?

Фото Ю. Рязанова

— Могу, Владимир Ильич, только зачем все это?

— А так, — говорит, — хочу испытать, как без меня дела пойдут. Чтой-то все на меня сваливают, во всяком деле мной загораживаются.

— Что ж, — отвечает доктор, — это можно. Положим тебя не в могилу, а в такую комнату просторную, а для прилику стеклом накроем, чтобы пальцем никто не тыкал, а то затычут.

— Только вот что, доктор, чтобы это было в пребольшом промежду нас секрете. Ты будешь знать, я, да еще Надежде Константиновне скажем.

И скоро объявили всему народу, что Ленин умер. Народ заохал, застонал, коммунисты тоже не выдержали — в слезы. Все думают, сердцем трепыхаются: что теперь делать будем? Того и гляди, англичане с французами присунутся. А самый старший — Калинин — уговаривает:

— Что же поделаешь, это не в нашей власти... Слезами горю не поможешь. Ну, поплакали малость, ну и ладно, за дело надо браться.

Положили Ленина в амбаришко, мавзолей называется, и стражу у дверей приставили. Проходит день, два... неделя, месяц — надоело Ленину лежать под стеклом. Вот один раз ночью выходит он потихоньку задней дверью из мавзолея и прямо в Кремль, в главный дворец, где всякие заседания комиссарские. В дверях его пропустили, потому в кармане у него пропуск бессрочный лежал, а шапку он надвинул пониже, чтобы не узнали. Приходит туда Ленин, а заседания уже все закончились, и служители полы подметают. Ленин спрашивает:

— Кончилось?

— Кончилось.

— Не знаете, о чем говорили?

— Да о разном... Слышь, англичане с нами хотят подружиться, а там еще какие-то державы. Мы ведь в щелку слушали, краем уха... Не поняли.

— Так, так. А про Ленина не поминали?

— Как же, поминали... Вот, — говорят, — Ленин умер, зато коммунистов-то чуть не в два раза больше стало. Теперь только пикни Антанта.

— А она не пищит?

— Да покуда не слыхать.

— Так, так, — поддакнул Ленин и простился со служителями.

Пришел он в мавзолей, лег под стекло, думает: «А ведь ничего, работают и без меня. Ладно. Проверю еще кое-где... Завтра к рабочим на завод схожу».

На другую ночь отправился Ленин на завод. Там его тоже не задержали, прямо в машинную часть провели. Ночью народу на заводе мало, только-только, чтобы пары не затухали, держат машиниста, смазчика да кочегара, сторожей еще, чтобы шпионы чего не подсудобили. «Хватит и этих, — думает Ленин, — мне ведь не митинги разводить, только порасспросить кой о чем».

— Здравствуйте, товарищи.

— Здравствуй.

— Ну, как?

— Да ничего... Сходственно.

— Беспартийные?

— До смерти Ленина в беспартийных ходили, а теперь в коммунистах. Ленинцы.

Ленину это по сердцу маслом.

— А в работе задержки нет? А товаров много выпускаете?

И начал, и начал вопросами донимать.

— Да, скоро с мирным временем сравняемся.

— Ну, работайте, работайте, в час добрый, а пока прощевайте.

«Тут ладно, — думает Ленин по дороге в мавзолей, — теперь только мужиков проведать, узнать про их житье-бытье».

На третью ночь Ленин встал раньше: ведь дойти до станции, да дорога, да еще, пожалуй, от глухой станции до деревни пешком идти придется. В деревню он поехал в какую похуже, чтобы наглядней было. В одной избушке огонек светился. Пошел туда Ленин.

— Можно отдохнуть у вас?

— Заходи.

Входит Ленин и диву дается. Икон нет. Красные плакаты везде. Портреты. Ленин нарочито спрашивает:

— Вы, что же, некрещеные?

— Мы, товарищ, в гражданах состоим, а в нашем доме читальня, а это вот — уголок Ленина.

«И тут помнят меня», — думает Ленин.

— Ну а как житье-то, мужики?

— Да не так, чтобы уж очень, а все-таки вроде как налаживается. Теперь, слышно, к деревне не задом, а лицом повернулись. Ленин-то давно про смычку говорил своим коммунистам, ну вот теперь, видно, задумали сомкнуться.

Вышел Ленин из избы радостный, в мавзолей лег успокоенный, спит вот уже много дней после своих странствий. Теперь уже, наверное, скоро проснется. Вот радость-то будет. Ни словами не расскажешь, ни чернилами опишешь.

ДИССИДЕНТ, переживший две перестройки

...Они мечтали о гласности, о демократических выборах и в конце концов преступили опасную черту: стали излагать свои взгляды на бумаге и распространять написанное среди друзей и знакомых. В результате — арест и лагеря. Среди «вольтерьянцев» 50-х был и молодой социалист Михаил МОЛОСТВОВ.

А потом — новый виток истории. Казалось, наш опрокинутый мир встает с головы на ноги. Перестройка, гласность, парламентская демократия...

Журналист Николай КОРЕНЮК встретился с народным депутатом РСФСР М.Молоствовым в Российском парламенте. Вчерашний диссидент — член Комиссии по правам человека.

— Михаил Михайлович, не жалеете, что выпала такая непростая судьба?

— Сам ее выбрал. Сбылось одно мое старое пророчество. В пятьдесят седьмом году я окончил Ленинградский университет — с дипломом отличника и репутацией ревизиониста. Уезжая в Омск, где мне предстояло работать на кафедре марксистско-ленинской философии сельхозинститута, сказал на прощание друзьям: «Встретимся в тюрьме или в правительстве».

— А как вы угодили в ревизионисты?

— Само слово «ревизионизм» стало муссироваться после венгерских событий 1956 года, но еще раньше в студенческой аудитории мы пытались оспаривать некоторые официальные оценки — критиковали, например, постановление ЦК партии по Зощенко и Ахматовой, за что нас обвиняли в демагогии и экстремизме.

Став преподавателем, я откровеннно говорил на занятиях то, что думал. Студенты любили задавать вопросы. Помню такой: «Много ли у Хрущева холуев в ЦК?» Да простит Бог мою глупость, но я ответил: «По-моему, Микоян — самостоятельно мыслящий человек». А ведь в стране уже устанавливался культ Хрущева...

Кроме того, тогда я был просто помешан на «Государстве и революции» Ленина. Идеи выборности всех должностных лиц, сменяемости их по требованию избирателей, отмены всяческих привилегий мне страшно нравились.

Однажды мне поручили подготовить статью для «Омской правды» в

связи с какой-то годовщиной этой ленинской работы. Написал, отдал рукопись в редакцию — вдруг вызывают в обком. Оказалось, я допустил «ревизионистское высказывание», заявив, что «за события в Венгрии несет ответственность прежнее руководство страны». Пришлось поднимать подшивку «Правды» и доказывать, что печатный орган ЦК придерживается такого же мнения. Меня на время оставили в покое...

— Но от своих «ревизионистских» взглядов вы не отказались?

— Нет. Вскоре после той злосчастной статьи набросал тезисы «О свободном государстве» и начал писать работу о молодом Гегеле. Следы своей «преступной деятельности» я имел неосторожность оставить в письме к другу, где я, в частности, сообщал: «Сижу за своим письменным столом, слева висит портрет Гегеля, справа — фотография осла. Здесь будет создано произведение, которое потрясет мир». Письмо, естественно, попало Куда Надо — как потом выяснилось, вся моя переписка тщательнейшим образом проверялась. Меня опять вызвали в обком и как-то подчеркнуто вежливо предложили: «Михаил Михайлович, на юге области, в Павлоградском районе, создан философский кружок, в котором заняты местный прокурор и первый секретарь райкома, им нужны консультации по философии. Мы вам дадим машину, и вы дней на пять туда съездите».

— Вы поверили?

— Если Бог хочет кого-нибудь наказать, он лишает его разума. Поверил, поехал. А в это время моего отца остановили на улице, пригласили в милицию и там сказали: «Михаил Владимирович, напротив вашего дома находится банк, его собираются грабить особо опасные преступники. Вы не будете возражать, если мы пришлем к вам на квартиру работников, которые будут вести наблюдение за банком?» Мой законопослушный отец, конечно, не возражал. Они приехали и долго искали между Гегелем и ослом «произведение, которое потрясет мир».

— И как?

— Нашли. Только совсем не то, что им бы хотелось: безобидные рассуждения о структуре государства, выписки из Гегеля. Там не было криминала.

— Чего вы тогда хотели добиться?

— Сначала — все понять и во всем разобраться, но, когда во время первого отпуска наша философская братия собралась в Ленинграде, мы поняли, что нам грозит арест, и, не желая садиться ни за понюшку табаку, решили создать группу, разработать программу и выступить с ней. А там — пусть нас хоть вешают, как Имре Надя.

— То есть внутренне вы были готовы к аресту?

— Однажды в Ленинграде я встретился с однокурсником, который сказал мне: «Миша, прости, я был в университете стукачом. Очень тебя прошу, если есть какие-то бумажки, сожги их. На тебя заведено дело». Я подумал: «Что жечь-то? Ничего ведь еще не сделано». Между тем у меня была работа под названием «Статус-кво», где выдвигались требования гласности, выборности, сменяемости руководства и так далее, — вполне потянуло бы на 58-ю статью... Мы были слишком неопытны. Вскоре меня арестовали — там же, в Ленинграде.

— Как это произошло?

— Помню, попил чайку с бабушкой, вышел прогуляться. У канала Грибоедова вдруг появилось непреодолимое желание выбросить записную книжку с адресами в воду. Что за бред, думаю? Внезапно передо мной выросли два высоких человека в серых костюмах. Я хотел пройти между ними и неожиданно почувствовал, будто на крыльях взлетел. Потом вижу легковой автомобиль, кто-то мне под нос сует красную книжицу. «Предъявите яды и оружие!» — следует команда. Ага, думаю, значит, не меня. Я-то себя к другой команде готовил — «Предъявите ваши мысли — подозрителен ваш лоб!» И лишь когда меня привезли на квартиру к бабушке, где уже шел обыск, я понял, что никакой ошибки нет.

Как только следователь увидел «Статус-кво», у него загорелись глаза, словно он нашел тайник с оружием. Статью положили на пол и сфотографировали. Затем меня отвезли в Большой дом. Кстати, в это же время шел обыск у моих родителей в Омске, у родителей моей жены в Петрозаводске и у в с е х студентов нашего выпуска — представляете?

— Сколько человек входило в вашу группу?

— Четверо. Старшим был бывший фронтовик Леонтий Гаранин — коммунист, но абсолютно честный и надежный человек. У Гаранина хранился один экземпляр «Статус-кво», испещренный многочисленными пометками. Леонтий почти во всем со мной не соглашался, но это не помешало ему заявить при аресте: «Прав был Молоствов, бюрократы вы, а не коммунисты! Тоталитарный у вас строй!» Сейчас Гаранин работает в АН БССР, кандидат философских наук. Кроме него были еще Николай Солохин (ныне журналист) и Евгений Козлов (работник музея, член «Мемориала»).

— Их всех взяли вместе с вами?

— Да. Материала на нас было более чем достаточно — пленки с записями наших разговоров, записки, которыми студенты перебрасывались на лекциях... Но мы старались не падать духом. Виновными себя не признали, и сроки нам дали не очень большие: мне и Гаранину — по пять лет, Козлову — четыре, Солохину — три. Но Верховный суд отменил приговор за мягкостью, вынес частное определение в адрес Ленинградского суда за политическую близорукость, и в 1959 году нам изменили «меру пресечения»: мы с Солохиным получили по десятке, Козлов и Гаранин — чуть меньше. Только превращение пятьдесят восьмой статьи в семидесятую «скостило» мне три года срока.

Предварительное заключение отбывали на Шпалерной. Там была великолепная библиотека. Попалась мне, помню, «История искусств», старинная книжечка с золотым обрезом. На ней стояли две печати. Первая — дореволюционная: «Просьба не делать на книге пометок. В случае обнаружения пометок книга будет изъята и ваши товарищи не смогут ее прочесть». Вторая — советская: «Всякие пометки ногтем, спичкой на полях, на обложке книги влекут наказание в виде карцера и лишения тебя навсегда права пользования библиотекой».

После второго суда меня отправили в Кресты и на Воркуту, Гаранина и Солохина — в Тайшет, Козлова — в темниковские лагеря, так называемый Дубровлаг в Мордовии.

— В лагере вы сидели с уголовниками?

— Нет, там были в основном политические: бывшие полицаи, власовцы, националисты, в частности «лесные братья» из Прибалтики, поляки, сражавшиеся на территории Белоруссии.

— Вас приравняли к ним?

— И слава Богу. Жить в обществе уголовников, делящихся на воров и на сук, не самое приятное занятие. Впрочем, полицаи — публика тоже малосимпатичная. Эти люди привыкли выслуживаться, так что и здесь они ходили в начищенных сапогах, с красными повязками, участвовали в

художественной самодеятельности, в секциях перевоспитания. Администрация всячески стремилась натравить нас друг на друга. Про полицаев говорили, что у них руки в крови, нас же называли мозгокрутами, сволочами, комсомольцами — мол, «партия им все дала, а они с жиру бесятся».

— Много среди вас было «мозгокрутов»?

— В Воркуте мало. Но когда меня перевели в Мордовию, я, к своему удивлению, обнаружил там представителей всех университетов и многих институтов: педагогических, политехнических, технологических... При Сталине в вузы шли не корочки получать, а учиться. Вот мордовский лагерь переполнился отличниками, болтунами-язычниками, по выражению начальства; мы сидели за болтовню, а не за убийство или воровство. Мордовия стала для нас вторым университетом. Тот глюрализм, о котором страна узнала только при Горбачеве, мы уже наблюдали в лагере. Ведь там были все: от черносотенцев и национал-социалистов справа до анархистов слева. Я знал сторонников индийской философии, теософии, поклонников Бердяева, Франка, Булгакова, Струве. Многие находили себя в богоискательстве. Ну а сам я оказался человеком ограниченным и дальше социал-демократии не пошел.

— Вас не мучала мысль, что время потеряно, жизнь уходит...

— Конечно, скучал по жене, по родителям, хотелось увидеть дочку. Некоторые мои товарищи не выдерживали этой тоски: болели, сходили с ума, бросались в запретку, кончали с собой. Но ваш покорный слуга отличался врожденным легкомыслием. Приезжаю в Воркуту, встречают меня молодые люди из Ленинграда — Рафалович и Косарев. Идем, они показывают на северное сияние и говорят: «Смотри, какой ужас!» А я в ответ: «Здорово тут!» Вадик Косарев посмотрел на меня снисходительно и сказал: «Ничего. Начнешь кайлом вечную мерзлоту долбить — почувствуешь, будто могилу себе роешь».

Однако я и на земляных работах не унывал, более того, предпочитал их другим. Как человеку не очень умелому правило «бери больше, кидай дальше» мне было усвоить легче всего. Кроме того, это давало возможность не нарываться на конфликты с начальством и в то же время не стать шестеркой. Я даже научился выполнять норму и как-то приспособился к тамошней обстановке.

— О чем вы тогда мечтали?

— Надеялись, что после смены правительства Косыгин приступит к реформам. Как мы ликовали, когда узнали о снятии Хрущева!..

Надзиратель тогда сказал мне: «Чего радуешься? Кого бы там ни поставили, ты все равно сидеть будешь».

— Он оказался прав?

— Естественно. Более того, падение Хрущева означало, как потом выяснилось, конец «оттепели» и начало реабилитации сталинизма. Процесс над Даниэлем и Синявским, травля «Нового мира», танки в Праге — все это полностью развеяло наши иллюзии. Но к тому времени я уже был на свободе. Не имея права жить в городе, поехал к жене в деревню под Петрозаводском, устроился там на работу.

— Идею написать «произведение, которое потрясет мир», оставили?

— Идею — да, творчество — нет. Тогда, на мое счастье, появился самиздат, сделавшийся для меня отдушиной и успокоением. Начался новый этап вольномыслия, диссидентство. Моя лагерная братия — это, как я уже говорил, в основном студенты, нас и звали часто «студентами». Диссидентами же, как правило, становились люди нашего поколения, не севшие в пятьдесят шестом — пятьдесят восьмом годах и успевшие достичь определенного успеха в жизни, — кандидаты, доктора, известные писатели и публицисты. Мне удалось влиться в их среду.

— А как же Ленин, «Государство и революция»?

— Уже в лагере я понимал, что Ленин — это не только сказанное им, но и сделанное. И совершенно сознательно перешел с позиций еврокоммунизма на социал-демократические позиции — к Плеханову, который задолго до установления сталинской тирании говорил о диктаторской сущности большевизма и предсказывал возвращение к азиатскому способу производства.

— Чем вы занимались после лагерей?

— Писал статьи, которые публиковал под псевдонимом «Болховской» в эмигрантских журналах «Время и мы», «Страна и мир», «СССР — внутренние противоречия», «Трибуна». Летом приезжали друзья, а зиму я проводил в одиночестве, издавал собственный журнал «Социалист». Предисловие писал от имени Болховского, псевдонимы для других статей подбирал по названию лагпунктов: Потьман, Леплеев, Зубовполянский, Саранская и т.д.

— Готовили себе новый срок?

— Бог миловал. И хотя у меня несколько раз производили обыски, я всегда выходил сухим из воды.

— Может, вас спасли ваши социалистические убеждения?

— Скажу вам честно, тогда сажали либо верующих, либо социалистов. Сегодня многие, например Буковский, не хотят вспоминать, кем они были на момент ареста. Но я-то знаю, что все, кто потом стали анархистами, монархистами и так далее, садились марксистами-ленинцами. Не надо забывать о степени окостенения общественной мысли при сталинизме. Политизация проходила в рамках официального марксизма: вначале отрицался Сталин, потом — Ленин, но псевдомарксистская основа все равно сохранялась.

— Часто приходится слышать прогнозы о том, что современные демократы рано или поздно скатятся к диктатуре. Что вы думаете на этот счет?

— Вполне возможно. Вот почему, будучи социалистом-демократом, я против социал-демократического государства. Еще Гегель видел в истории прогресс свободы. И я убежден, что будущее России, как и будущее всей планеты, может быть обеспечено не взрывом насилия, а развитием общественных производительных сил при непрерывном совершенствовании политических структур, дающих все больший простор человеческой свободе.

Судя по всему, установить опытным путем, существует ли тенденция к «одиктатуриванию демократов», не удастся. Похоже, что очередная перестройка подходит к концу, а может, уже и закончилась — бойней в Литве и Латвии. В те тревожные январские дни, когда все мы наблюдали за трагическим развитием событий, из Вильнюса сообщили: целые сутки 13 января Михаил Молоствов проработал на радиостанции, расположенной в здании Верховного Совета Литвы. При помощи этого маломощного передатчика он обращался к солдатам и офицерам Советской Армии, хозяйничавшим в городе. И в том, что к вечеру того дня было достигнуто перемирие, безусловно, есть и его заслуга.

(ИМА-пресс)

КАК УПРАЗДНЯЛИ

Последние пять-шесть лет показали, что наши замечательные женсоветы во главе с Комитетом советских женщин — это мертвые, отжившие свой век структуры, а иногда — просто реакционные. Перед ними не ставили ту единственную задачу, ради которой их и стоило бы создавать, — борьбу за равноправие женщин. Они призваны вещать об этом равноправии, будто бы уже достигнутом, приводя в пример сидящих в Верховных Советах немых «свадебных генералов» в жабо.

Альтернатива этим организациям — феминистские объединения — только появляется: в конце марта состоялся I Независимый женский форум. И проблема их создания не в том, что феминизм надо где-то «заимствовать» и пересаживать на русскую почву. Все это пройдено. Феминизм надо просто вспомнить и вычеркнуть из списка явлений, отсутствовавших в России.

В статье Александры Михайловны Коллонтай — «главного специалиста по женскому вопросу» в послереволюционной России — «Советская женщина — полноправная гражданка своей страны» читаем: «Известно, что в России никогда не было так называемого женского движения и что русская женщина не прошла через феминизм и борьбу суфражисток. Она никогда не отделяла борьбу за свое равноправие от основной задачи — освобождения своей страны от гнета царизма...» Какой неосторожностью со стороны Коллонтай было делать подобные заявления! Ведь достаточно открыть ее же книгу «Социальные основы женского вопроса», вышедшую в Петербурге в 1908 году, чтобы прочитать, например, такое: «Феминистское движение в России принимает все более и более буржуазную окраску». Или: «Однако, дальше требования политического равноправия наши феминистки не идут». Столкнувшись уже сто раз с переписыванием истории, с фантастической ложью, в сто первый раз поразишься, как и в первый.

В 1972 году «Политиздат» переиздал эти позднейшие откровения: вышла книга А.М.Коллонтай «Избранные статьи и речи». Одно скверно: очень уж невиртуозен оказался «Политиздат» и дал к текстам наиподробнейшие сноски и пояснения, например: «Союз равноправия женщин» — феминистская организация, возникшая в начале XX века». Существовали, оказывается, и феминистские издания: «Женское дело», «Женский вестник», «Союз женщин»...

Подшивки этих журналов дают представление об «охвате» и характере деятельности русских женских организаций: «Русского Взаимоблаготворительного общества», «Российского Общества защиты женщин», «Союза равноправности женщин», «Женской прогрессивной партии», «Союза попечения о молодых работницах»... Своей целью они ставили борьбу за политическое и экономическое равноправие женщин, за право на профессию, на образование, за изменение гражданского законодательства. Интереснейшие вещи открываются: дамы, разумеется, эмансипе, из православной России давали фору своим коллегам из католических стран и пропускали вперед лишь протестанток — англичанок и американок. Впрочем, и начинали наши соотечественницы, не будучи совершенно бесправными: гражданское законодательство Российского государства не так теснило женщину, как, например, во Франции. Достигнув совершеннолетия, русская женщина могла самостоятельно совершать гражданские акты, быть свидетельницей, быть опекуншей даже посторонних лиц. Закон признавал раздельность имущества супругов. И речи не было об опеке мужа над женой, узаконенной во Франции (по сложившемуся стереотипу — стране успехов женской эмансипации), где женщина со дня заключения брачного договора становилась совершенно недееспособной.

Русская женщина не сталкивалась ни с чем подобным, но это не уменьшало радикализма требований наших феминисток. Они учились в заграничных университетах, отстаивали свои избирательные права, участвовали в конгрессах Международного совета женщин, устраивали курсы и общежития для работниц, издавали журналы и даже не предполагали, что дело их не имеет будущего, что оно будет названо напрасным, что сделанное ими и они сами будет забыто крепко, надолго.

Русский феминизм оформился как движение еще в конце XIX века, но лишь в 1905 году стал политической силой, безусловно, менее влиятельной, чем любая «мужская» демократия, но фантастически упорной. «Союз равноправности женщин» — интеллектуальный таран и самая леворадикальная организация в отечественном женском движении — в своей

РУССКИЙ ФЕМИНИЗМ

программе намечал: «Всеобщее, равное, прямое и тайное, без различия пола, национальности и вероисповедания избирательное право, а также — созыв Учредительного собрания». Настырные дамы — вечная оппозиция всех режимов, позволяющих оппозиции существовать, — развернули свою пропаганду и агитацию. Феминизм, бывший до того делом пионерок, стал движением общеженским.

Перелистаем подшивки газет за 1905 год. Жительницы Петербурга посылают совещанию земских деятелей в Москве «резолюцию по поводу политического равноправия». Женщины польской национальности требуют для себя активного избирательного права. Жительницы Саратова организуют митинг и подают губернскому собранию заявление о необходимости «даровать женщинам активное и пассивное избирательное право». Женские митинги проходят в Петербурге, Москве, Ялте, Саратове, Одессе. Кульминацией событий становится подача петиций женских обществ в Первую, а потом во Вторую и Третью Государственные Думы. Любопытный факт: когда «равноправки» обращались лично к депутатам всех думских фракций и партий за содействием решению «женского вопроса», они не получили обещания поддержки лишь от одной партии — рабочей. Даже магометанская партия нашла устранение неравноправности полов необходимым. А депутат от социал-демократов Алексинский назвал муссирование этого вопроса неактуальным и несвоевременным, пояснив, что действительно разрешимым он станет после победы общепролетарского дела.

Непреодолимое отвращение внушала эсдекам тактика феминисток, добивающихся реформ в рамках существующих государственных структур. Была и другая причина неприязни: они стремились объединить

Фото В. Филонова

«всех» женщин, независимо от сословной принадлежности. Требования феминисток господа социал-демократы оценивали с высот «классового подхода». Реформа земского самоуправления, в законопроекте которой оговорено равенство полов? Получили от Третьей Думы, из рук октябристов! Борьба за право на образование? Так работница в Берн не поедет; пустое право. Право на профессию? Так у работницы и так есть право работать на фабрике, а привлечение «буржуазных женщин» к «буржуазным профессиям» только уменьшает число недовольных, укрепляет буржуазию. Равные права на наследство? Так работнице никто ничего не завещает.

Главная претензия, предъявляемая феминисткам рабочей партией, заключалась вот в чем: кажущееся безусловным благом является таковым не для всего населения, а значит, и не благо это вовсе и не достижение. Тот факт, что не все население, и даже далеко не большая его часть, в восторге от идей диктатуры пролетариата, критиков не смущал. Одна из лидеров женского движения, М.И. Покровская, писала в статье «Феминизм»: «Рабочий вопрос у нас в России касается миллионов 5—6, а женский — шестидесяти... но мы видим, как много внимания русская интеллигенция посвятила решению рабочего вопроса и как мало — женского. Рабочий вопрос, по ее мнению, должен теперь же разрешиться, а женский пусть ждет улучшения общего положения».

В 1908 году, задуманная как сокрушительный удар, вышла книга Коллонтай «Социальные основы женского вопроса» — критика феминизма «как последнего отзвука борьбы третьего сословия за свою эмансипацию» (интересно бы узнать у автора, что такое «третье сословие» в начале XX века?). С главной задачей — доказать, что существующим уравнением в правах с мужчинами все женщины обязаны исключительно пролетаркам, — Коллонтай не справилась, рецензенты назвали этот труд «апологией буржуазок». Но у книги есть одно большое достоинство: она объясняет, почему же феминизм так не нравился большевикам: феминистские организации были рассчитаны на постоянное расширение своей «почвы», «среднеклассные» по сути, они были способны растворить в своих недрах бомбу с пущенным часовым механизмом; они стремились к учету тенденций и мнений и не боялись увидеть идеологически нечистых в своих рядах.

Одна из известных феминисток, Кальманович, не понимая сторонников размежевания и расчленения общества, писала: «Допустив даже, что женское движение имеет своей задачей только политическое равноправие, что мешает нам и социал-демократам идти к этой ближайшей цели вместе? Это обращение Коллонтай называет «кадетским» и парирует: полно, матушки, в поборниц общечеловеческих прав рядиться. «Было бы бесполезно доказывать всем буржуазным женщинам зависимость победы общего женского дела от общепролетарской победы, но... обращаясь к тем из них, кто способен отрешиться от узких задач «политики момента» (то есть от задачи достижения политического равноправия женщин. — Е.Б.), мы настойчиво рекомендуем не звать в свои ряды сестер-пролетарок!»

Независимое женское движение в России было обречено. В 1917 году журнал «Союз женщин» вышел в последний раз. Феминизм не расстреливали: не было нужды. Его бескровно «отменили» — за отсутствием цели. По мысли устроителей нового государства, экономическое, политическое и прочее равенство полов наступило автоматически после его декретирования. Так что можно было приступать к утверждению нового идеала семьи.

Ознакомившись с книгами Коллонтай и ее публичными лекциями (говорят, имели большой успех), изданными в 20-х годах, можно составить представление об этом идеале.

Новые отношения между полами. «Что значит содержать «нетрудоспособного супруга», если паек выдается на каждого супруга в отдельности? Это значит поделиться своим пайком, на это пойдут немногие». «В основу брачного общения ляжет здоровый инстинкт воспроизводства».

Новая женщина. «Новая женщина — это прежде всего самостоятельная трудовая единица... Женщина раскрепощается от тех моральных свойств, которые характеризовали женщину прошлого».

Новые дети. «Посмотрите сами на наших малышей, которые в первые годы революции попали в ясли и детские дома. В них крепки коллективистические навыки, они, прежде всего, люди «группового склада мысли... Чувство собственности у них не развивается, глохнет...»

Андрей Платонов в 1920 году в дискуссионной статье «Будущий Октябрь» написал, что коммунистическое общество — общество по преимуществу мужское, пояснив: «Равноправие мужчин и женщин — это благородный жест социалиста, а не истина — и истиной никогда не будет. Пора пересмотреть этот вопрос и решить его окончательно». Чтобы неравенство полов утвердилось, оказалось вовсе не нужно пересматривать этот вопрос. Достаточно о нем просто замолчать.

Так сделали — и чудесные получили результаты. Женщины — если верить умиленной левой и правой прессе, — все, включая «выдающихся и замечательных», верят в свое призвание «самостоятельной трудовой единицы» и счастливы, если функционировать могут. Написание чего-нибудь взрывного, например, «Крейцеровой сонаты», стране не грозит. Страна читает «Домострой».

А возрождающийся сегодня феминизм, как и все возрождающееся на этой спаленной земле. Каким-то он будет?

Елена БЕРДНИКОВА

ПОЛУНОЧНЫЙ АВТОБУС

Фото В.Шишова

Была глухая ночь, когда я бродила по Ваганьковскому кладбищу.

Дул резкий ветер. Сугробы, деревья и памятники отбрасывали длинные тени. За мою руку цеплялась девушка из города Крымска, которая хотела поскорее отсюда уйти, потому что боялась покойников. Никто, кроме нее, кажется, не чувствовал, что находится на кладбище: в темноте замелькали огоньки сигарет, молодая пара, повизгивая, каталась по обледеневшим дорожкам.

Десять минут назад наш автобус остановился у ворот кладбища.

Экскурсовод постучал по железной решетке. Она загудела в морозном воздухе, как колокол.

В свете луны блестел крест на часовенке. Экскурсовод бродил вдоль ограды, стучась и ругаясь. Наконец, послышались шаги, лязгнул замок, и невидимый в темноте сторож нас впустил.

— Направо! Не теряйтесь, очень вас прошу! Перед вами памятник Владимиру Высоцкому, охрипшей совести России...

— Правда, что Высоцкого убили? — спрашивает старушка.

Экскурсовод вооружен карманным фонариком. Теперь у нас на очереди могила Есенина. Луч фонарика выхватывает из темноты надпись на постаменте, запорошенные снегом гвоздики.

— На лоб направьте,— просит кто-то.

— А правда, что Есенина убили?

— Да, есть такая версия. Это еще одно преступление сталинского НКВД...

Через пять минут в том же энергичном темпе идем обратно. Автобус. Здесь светло и нет пронизывающего ветра. «Каждый посмотрел на своего соседа! На кладбище никто не остался? Поехали...»

Кооперативные экскурсии существуют при всех московских вокзалах. Поскольку вокзальная жизнь не замирает ни на секунду, автобусы тоже курсируют по городу круглосуточно. Тот, кто не хочет провести всю ночь, скорчившись в кресле в зале ожидания, может заплатить шесть рублей и два с половиной часа ездить по спящей столице.

«Выезжаем на улицу Горького. Направо — московская достопримечательность — ресторан «Макдоналдс»... Мы на Арбате. Слово «Арбат» происходит от арабского «пригород». Арбат — знаменитое в Москве место, здесь можно купить все... Гостиница «Метрополь», одна из пер-

вых в стране построек в стиле «модерн». Нас с вами, с нашими деревянными рублями, здесь, мне кажется, не поймут».

Вернувшись под вокзальную крышу, мы расходимся в разные стороны. С площади доносится знакомый голос: «Приглашаем совершить экскурсию по городу Москве!» Бывшие экскурсанты будут сидеть в зале ожидания, пока не порозовеет небо, продавщицы кооперативных ларьков не повесят на витрины лифчики, бусы и портреты Майкла Джексона и не начнется новый день.

Но человек с микрофоном у автобуса — не только вокзальная достопримечательность. За десять минут пути от Петровки до Александровского сада он встретился мне трижды. «Уважаемые москвичи и гости столицы, — убеждал он у ЦУМа, — не тратьте зря ваше время, не разглядывайте пустые полки! Садитесь в наш автобус, и через десять минут вы окажетесь у универмага «Москва»! (Какие полки ждут гостей столицы там, не уточнялось.) Возле ГУМа он предложил мне полюбоваться Москвой с высоты Ленинских гор, а возле памятника Свердлову — посетить могилы Пахомовой, Миронова, Даля... Его можно встретить у ВДНХ, на Красной площади, в аэропортах, у «Детского мира». В прошлом году «автобусных» кооперативов в Москве существовало 86. Сейчас, говорят, меньше — конкуренция. Чем же занимается Московское городское экскурсионное бюро, глядя как резвятся все эти «Мозаики», «Гефесты», «Гименеи», «Экспресс-авто»?

Занимается оно тем же самым. На площади трех вокзалов мужичок в ушанке кричит: «Не проходите мимо... удобные кресла... поставить... свечку... возложить цветы...» Думаете, кооператор? Ничего подобного — из городского бюро экскурсий — уважаемой государственной организации. Одинаковые автобусы, маршруты, стиль работы. Одинаковая «команда» — водитель, экскурсовод и организатор — человек с микрофоном, который собирает деньги и следит, чтобы никто не заблудился на кладбище или в монастыре. Он почти всегда слегка пьян (невозможно часами стоять на холоде и кричать в мегафон, предварительно не согревшись). Разговорчив, убедителен, легко идет на контакт — этих качеств требует его профессия. Если он работает в кооперативе, то своих собратьев из Бюро экскурсий презирает: «Они первым делом начали на нас жалобы писать. И экскурсоводы у нас неквалифицированные, и кричим мы в мегафон слишком громко, и лучшие их точки заняли. Сейчас, правда, больше не пишут, им не до этого, они думают, как им выжить». В государственном секторе частников ненавидят: «Это хулиганы. Они вероломно вторглись на территорию, давно занятую нашим профсоюзом. У нас налаженная система: есть методики, экскурсоводы поделены на категории, а они занимаются шкурничеством».

И все-таки оба лагеря друг на друга воздействуют. Городское бюро экскурсий начало все эту деятельность — автобусы по городу разъезжают уже десятилетиями, но раньше их было не так много. Зато кооператоры первыми решили использовать пристрастие туристов к кладбищам, а также догадались возить их в монастыри. Очень скоро тем же самым были вынуждены заниматься и их соперники — решительно каждый клиент предпочитал заплатить не два рубля, а пять, но побывать на Новодевичьем. Одновременно в кооператив уходило много сотрудников экскурсбюро. В конце концов и для тех, и для других повысили арендную плату за автобусы, стоимость билета сделалась везде по 6—7 рублей, количество экскурсантов сократилось и началась конкурентная борьба. Жестокая борьба. Пока я в течение трех минут задавала вопросы одному из людей с мегафоном, экскурсовод в машине буквально стонал: «Макс, работай!» Различие, по крайней мере внешнее, между государственным и частным сектором исчезло.

На самом деле оно, конечно же, есть. Побываем в кооперативе «Экспресс-авто» — одном из самых серьезных предприятий такого рода. Окраина Москвы, маленькая квартира на первом этаже жилого дома. Обшарпанные стены, прямо на полу лежат папки с бумагами, ящики с какими-то документами. Слово «офис» здесь употребить трудно. А теперь зайдем в московское городское бюро экскурсий. Оно расположено в центре города — на Кузнецком мосту. Но и в этом случае, стоит лишь открыть дверь, такой же грязноватый подъезд, низкие потолки, общая неуютность. Однако в «Экспресс-авто», оглядевшись, среди всякого канцелярского хлама, я, между прочим, обнаружила два компьютера. Но дело не только в этом. Бюро экскурсий настроено пессимистически, деятельность свою сокращает, ожидаются, говорят, большие увольнения. «Экспресс-авто» пребывает в еще более мрачном настроении. Жалуется на все, на что сейчас могут жаловаться предприниматели. Но одновременно уже и в Ленинграде собирается экскурсии проводить, и в Закарпатье ездить с группами, да и в Москве свои позиции не сдает.

Пестрый мир сегодняшнего вокзала и развлечения, которые он предлагает, — разговор особый. Но человек с мегафоном вписался туда крепко. И намерен, кажется, остаться надолго.

Е. ГОНЧАРЕНКО

Фото Г. Макарычева

МЫ — НЕ ИЗ ДЖАЗА

Настоящий джаз по природе своей не может быть конъюнктурной музыкой, потому что в основе его — свобода, независимость и импровизация. Джазмену все равно, чьи портреты несут на праздничных демонстрациях, как историки назовут его время — «оттепель», «застой» или «перестройка». Он не может творить на потребу публике, ибо тогда он просто перестает быть истинным творцом.

Алексей Козлов начал играть джаз еще в 60-х, со временем стал известным советским джазовым компози-

тором и музыкантом, написал книгу по истории современной музыки.

— Перефразируя известное выражение, можно сказать, что народ слушает музыку, которой достоин. Немногого же мы заслужили, если судить по хит-парадам молодежных газет...

— Музыка всегда вторична. Она никого не воспитывает, никуда не зовет и не ведет — она лишь отражает то, что происходит в душах людей.

Вот рухнул «железный» занавес, отделявший нас от мировой культуры. Казалось бы, народ должен был с жадностью броситься изучать, выбирать самое лучшее, но не тут-то было — привычка сильнее: обыватель воспринимает самое легкое и дешевое. Трехаккордная музыка, доступные реалии в текстах: проститутки, рэкет, деньги. Эстетика нового нэпа, приблатненная музыка, которая отличается от песен подворотни разве только инструментами. Интересный возврат к 20-м годам, когда культура скатилась до уровня понимания люмпенов, босяков, «взявших власть в свои руки».

Сегодня музыку заказывают нувориши, оккупировавшие рестораны. Буквально все пропитано атмосферой кабака!

В отличие от прилизанно-сладкой западной поп-культуры наша отдает гнильцой, нищетой, злобой и завистью. И в то самое время, когда просто за голову хвататься надо, пытаться что-то сделать хотя бы с помощью телевидения, на экранах — эйфория...

— Экономическая формула — «спрос рождает предложение» к телевидению не совсем подходит: предложение может «скорректировать» спрос, повлиять на вкусы миллионов людей. Грех не воспользоваться такой возможностью...

— Особая «музыкальная политика» — традиция брежневской эпохи. Долгое время на западную масс-культуру был строжайший запрет. Но в начале 80-х наши идеологические боссы поняли, что ее можно использовать в своих целях, а заодно и успокоить жаждущий зрелищ народ. Сначала — Сан-Ремо, затем евродиско... Тогда-то народ и приучился к «жвачке» — музыке неинтересной, второсортной.

Года два назад на ЦТ была передача «Чертово колесо», в которой я выступал с небольшими «лекциями» по истории современного джаза, рок- и поп-музыки. Я намеренно развожу эти три понятия, поскольку сейчас любую ритмичную музыку называют «роком». Рок-культура незаслуженно занижается в сознании советских обывателей. Темные, непросвещенные, они продолжают оболваниваться еще и на таком уровне. «Чертово колесо» со временем «зачахло». Я не раз предлагал свои услуги по подготовке музыкальной просветительной передачи главному редактору музыкальных программ ЦТ Упорину. Но он четко дал мне понять, что такого рода передачи наших зрителей не заинтересуют: люди и так утомлены, их надо развлекать, но не более того.

— В неумении пользоваться свободой можно упрекнуть не только обывателя, но и самих музыкантов. Ведь с тех пор, как все запреты были сняты, «оковы рухнули», в нашей музыкальной жизни не произошло ничего выдающегося. Может быть, сильна привычка творить в «подполье», вопреки, назло?

— Диктатура все и всех расставляет по своим местам. «Золотой век» нашего рока и джаза прошел в «подполье». Поэтому не странно, что с приходом относительной свободы наступил период творческого застоя, когда парадом командует коммерческий «поп». Честно говоря, я думал, что пройдет он довольно скоро и появятся настоящие музыканты, которые создадут нечто новое, талантливое, доброе по своей воле, а не вопреки запретам. Это должно быть истинное, здоровое искусство.

Но, как ни странно, именно такие музыканты сейчас в «андерграунде». У меня есть солидная коллекция кассет с записями разных групп, которые сидят по клубам, по квартирам и играют никому не нужную светлую музыку. «Лунный Пьеро», «Сезон дождей», «Оле Лукойе» — вряд ли эти названия групп скажут вам о чем-то. Они есть, но их почти никто не знает и знать не хочет. По телевидению и радио их не услышишь, пластинок они тоже не записывают.

В джазе тоже появляются талантливые музыканты, но нет новых идей, нет открытий.

— Популярный тридцать лет назад, джаз стал сегодня почти элитарной музыкой, и по количеству поклонников, и по доступности...

— Фестивали и концерты проходят теперь чаще всего в провинции. Прошлогодний столичный фестиваль «звезд» продемонстрировал, насколько неинтересен джаз сегодня нашему человеку: народ не заполнял даже небольшой зал театра эстрады. А ведь такому составу участников — Фреди Хабард, Бени Голсон, Сан Ра — позавидовал бы любой европейский фестиваль.

В Москве хороший джаз теперь услышишь разве только в валютных ресторанах, где собирается иностранная публика, способная оценить искусство советских джазменов. Так что нашему интеллигенту, который «не при валюте нынче» отдохнуть и расслабиться под любимые мелодии негде — в «рублевые» рестораны ходить небезопасно. Музыканты из таких заведений часто рассказывают о темпераментных «отдыхающих», которые калечат инструменты, требуя «Не сыпь мне...» То ли дело в «Национале». Так что джаз как начинался в ресторанах, так туда и вернулся. Правда, не совсем туда...

У нас, в Москве, был когда-то свой клуб на Герцена, но теперь будет обычный ресторан. В Ленинграде, похоже, джаз еще жив, благодаря джаз-клубу, созданному Давидом Голощекиным.

— Быть может, причина такого «охлаждения» к джазу в том, что у нас эта музыка была слишком связана с политикой?

— У нас джаз был политизирован с самого начала. Джазмены преследовались, обвинялись во всех смертных грехах. Музыкант Колбасьев, например, был расстрелян как афганский шпион. Он знал фарси, ездил на Восток изучать языки, вел литературный и джазовый кружки в Ленинграде. С ним просто расправились.

Но дело здесь не столько в «происках» идеологов, сколько в этнической психологии народа.

— Вам кажется, что в нашей стране джаз «не пришелся ко двору»? Но ведь американцев и русских часто сравнивают, находя в характерах схожие черты — открытость, темперамент?

— Джаз — привилегия немногих людей. Нужно обладать особой психологической конструкцией, поскольку джаз — это не только музыка, но и образ жизни. Нелюбовь к повторяющимся звукам и ситуациям, свобода мысли и творчества. У джазменов совершенно особое «слышание» музыки. С классическими, консерваторскими музыкантами мы, как птички и рыбки — обитаем абсолютно в разных средах.

В Гнесинском институте теперь обучают джазу: высокая техника игры, скорость. А я говорил студентам, что, если они сами не испытывают кайфа от игры, никакая техника не поможет.

Джазмены — люди с сильным энергетическим полем. Для них передать свои токи посредством музыки — жизненная необходимость. Звук — лишь поверхностный уровень общения музыканта со слушателями. Джазмен «звучит» на другом уровне. Как не каждый, даже очень талантливый, музыкант может играть джаз, так не каждый слушатель настроен на прием его колоссальной энергии.

— Джаз — это сиюминутное искусство. Импровизацию невозможно повторить в точности. И завтра уже не сыграешь, как сегодня. Никогда не возникало желания «остановить мгновенье»?

— Если и появлялось такое чувство, то ненадолго, хотя и не знаешь, будет завтра сыграно лучше или хуже. Важно, что по-другому. В этом смысле джазменов можно назвать приверженцами дзен-буддистской философии, в корне отличной от христианской.

Психология европейца, в том числе и советского человека, настроена на оценку деятельности по продукту: прожил человек жизнь, оставил после себя картины, написал книги, построил храм, сберег деньги для детей. Про такого скажут — он не зря прожил жизнь. Дзен-буддистский подход к жизни вообще не включает в себя понятие «следа». «Пройти, не оставив следов» — заповедь дзен-буддистов. Не важно, что человек сделал, важно, что ощутил, какие эмоции, чувства пережил.

— Несколько лет назад поклонники «Арсенала» были удивлены вашей новой программой, музыкально-пластическими экспериментами в стиле брейка...

— Это было еще 9—10 лет назад, когда о брейке у нас в стране никто не слышал. Мы изображали бюрократов, людей-автоматов. А тогдашний министр культуры России хотел «расформировать» группу потому, что поступили доносы и жалобы от «трудящихся», что мы-де изображаем фашистов.

Сегодня «Арсенала», можно сказать, нет, так как не может быть музыкантов без гастролей, без записей.

Я занимаюсь теперь совершенно другой музыкой, пишу для элиты, причем не нашей, а американской. Она называется «нью эйдж» или «нью уорлд». В ней смешаны элементы классики, фолька и джаза. В «нью эйдже» нет никаких отрицательных эмоций, никакого внутреннего протеста, никаких проблем. Это красивая музыка, без повышенной сексуальной энергетики, свойственной блюзу. Сложная по структуре, она все же легка для восприятия, поскольку несет положительный заряд, ощущение легкости и свободы.

— Думаю, что ваши новые пристрастия в музыке немало удивят тех, кому вы знакомы как творец и знаток авангардной музыки.

— Я достаточно в своей жизни занимался «проблемной музыкой», всеми видами авангарда. Но сейчас мне кажется, что это уже не нужно и довольно старомодно. Постпанковский джаз и «рок»... Да, наверное, это было когда-то нужно, чтобы показать всю ублюдочность нашей действительности. Сегодня нужна другая музыка — светлая и красивая. А те, кто продолжает юродствовать, просто месят старый навоз.

В каждом человеке звучит божественная музыка. И теперь самое время появиться истинной культуре, способной воскресить божественное начало в человеке.

— Как мне кажется, обстановка за нашими окнами не очень-то располагает к сочинению «звездной» музыки? Не приятнее ли было бы выглядывать из окна на какой-нибудь «авеню» или «штрассе»?

— Я не могу уехать, потому что не могу отказать себе в роскоши зарабатывать деньги на жизнь любимым делом. То, что это на самом деле роскошь, скажут вам люди, живущие сейчас и в Европе, и в США. Никто из уехавших музыкантов практически не играет, разве только для жены или в дешевом эмигрантском ресторанчике, который содержит более удачливый соотечественник. Я бы мог и там писать музыку, но не продал бы ее. Это целая система, которая еще жестче, чем наша идеология. И потом, кого может потрясти русский джазмен в Америке? Американцы привыкли к тому, чтобы их потрясали. Джаз там практически монополизирован чернокожими музыкантами, белым трудно составить им конкуренцию. «Вписаться» в жизнь чужой страны очень сложно.

Среди русской интеллигенции в Нью-Йорке считается просто неприличным появляться в русском квартале на Брайтон-Бич. Многие обитатели этого района не считают нужным даже выучить язык той страны, в которой живут. Они общаются только друг с другом, обсуждают те же проблемы, что и здесь, поют те же песни. То, что я так ненавижу здесь в людях, там выступает с еще большей силой. Голову-то не переделаешь! «Совок» останется «совком» и на Брайтон-Бич. А нужен ли на Брайтон-Бич джаз? Не больше, чем в ресторане «Москва». Публика та же!

Беседовала
Эльмира МИХАЙЛОВА

Дневник И.

МОДНЫМ ПО БЕЛОМУ

«Предчувствие»

Театр моды Славы Зайцева

По белому заднику золотом выведено: «Slava Zaitsev» и — вольный росчерк факсимиле. Полуовал сцены, подсвеченный помост меж рядами. Придя в театр, придуманный Великим Моголом моды, заслуженным деятелем искусства кройки и шитья Вячеславом Зайцевым, я пребывал в несколько саркастическом настроении. Зависти к тем, кому по средствам у него одеваться, я не испытываю, но вот люди, приходящие посмотреть, что в следующем сезоне будут носить сограждане «со средствами»... Их как-то жаль.

Простите меня, люди добрые, опростоволосился. Когда б вы знали, из какого сора творит Зайцев высокую моду! Из габардина фабрики им.П.Алексеева, уже тридцать лет не менявшего расцветок. Из ткани, идущей на армейские шинели. Когда берешь в работу такие материалы, ирония и ерничество диктуются инстинктом самосохранения: если не смеяться, то впору повеситься. Но в моделях Зайцева нет ни одной иронической складки. Он берет не нарочито «совковое», а лучшее из общедоступного. Имеем то, что имеем, попробуем что-нибудь сделать себе на радость. И никаких соц-артов. Ему мало показать, как платье «сидит», нужно увидеть, как оно живет. Поэтому он изобретает сценки, сюжеты, предлагаемые обстоятельства. Сам же скачет по сцене, что-то рассказывает, требует аплодисментов, притоптывает в такт музыке. Он простодушно восхищен собственными коллекциями, влюблен во всех манекенщиц, бесконечно благодарен пришедшим. Это трогательно. Это хорошо.

А что касается белого задника — занавесить его чем-то невообразимым куда проще. Белое нужно мыть, постоянно и тщательно. Белое должно быть безукоризненно чистым.

Александр СОКОЛЯНСКИЙ

ТО, ЧТО ОТЦЫ НЕ ДОСТРОИЛИ, МЫ ДОПОЕМ

«Когда святые маршируют»

«Ленфильм» (студия «Голос»), реж. В.Воробьев

Этот фильм, пожалуй, более всего тяготеет к жанру некогда любимой народом телепередачи «От всей души». С той только разницей, что в роли простых советских людей в нем выступают пионеры рок-н-ролла в нашей стране, вспоминающие на юбилейном вечере перипетии своей беспокойной юности, а в роли мистической злодейки судьбы, коварно разлучающей обычно неразлучных советских людей, — вполне определенные силы КГБ, которым, впрочем, придан балетно-воландовский характер. Фильм, возможно, и заинтересует зрителей-«шестидесятников», профессионально ностальгирующих по поводу своей незадавшейся жизни, но думаю, что их не порадует финал, заставляющий за ритмами рок-н-рола услышать старые добрые марши Дунаевского. Я имею в виду эпизод, в котором сын одного из затравленных КГБ и преданных товарищами музыкантов выходит с ними (товарищами) на сцену, чтобы продолжить на саксофоне дело, начатое отцом. Всем остальным зрителям советую в целях экономии времени просмотр фильма «Когда святые маршируют» заменить воспоминаниями о фильме К.Шахназарова «Город Зеро», в котором за несколько лет до картины Воробьева первые «шестидесятнические» рок-вопросы нашли убедительные, на мой взгляд, рок-ответы.

Вячеслав ШМЫРОВ

МИСТЕРИЯ СМУТНЫХ ВРЕМЕН

«Ночная мистерия в замке Ранда» («Шлюк и Яу»)
ЦАТСА, реж. Ю. Копылов

В коротком списке русских режиссеров, обращавшихся к этой пьесе Гауптмана, Ю.Копылов следует почти сразу за Вс.Мейерхольдом, поставившим ее в 1905 году. И тогда, и сегодня — «смутное время», потому внимание к произведению о попытке и невозможности бегства человека от своей беспросветной жизни вполне объяснимо. Правда, за это время построили здание Театра Советской Армии, в котором каждый постановщик пытается побороть подавляющее и актера, и зрителя пространство. Создатели этого спектакля недооценили коварство тоталитарной архитектуры: зрелище иногда выглядит сиротливым, а попытки взбодрить его — чересчур осторожными и небезупречными.

Бродяга-пропойца Яу прямо из придорожной канавы по прихоти богатого вельможи попадает в замок, где все убеждают его, что он — дворянин и важная особа. Поначалу испугавшись, Яу быстро осваивается, входит во вкус и, осмелев, начинает помыкать истинными хозяевами замка. Забава им надоедает, и несостоявшийся барон — некий вариант Шарикова — оказывается в исходном положении. Забыть «сон» трудно, путь один — в ближайший кабак. Меланхолическая песенка убеждает зрителя, что с иллюзиями надо расставаться «философски» — без сожаления, продолжая жить, как жили... Увы, очень печальный вывод. И просто пугающе сегодняшний.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

ПОЧТИ «БИЛЛБОРД»

«Мир музыки», № 1
Издательство «Музыка», «Биллборд»

К журналам, выпускаемым совместно с западными фирмами, мы еще не привыкли. Тем более, когда партнером выступает авторитетнейший «Биллборд». Так что «Миру

музыки» обеспечен успех. К тому же, в отличие от аляповатого «Музыкального Олимпа» или цветастой «Рокады», он издан очень неплохо.

Содержание же оставляет двойственное впечатление. Есть замечательные публикации — например, статья Майка Хеннесси о «Битлз», сопровожденная уникальной фотографией, или материал о скрипаче Найджеле Кеннеди. А вот заметки о Чайковском и Клайберне смотрятся несколько странно, их место в журнале явно не продумано. Есть и технические накладки — выпуск номера так запоздал, что хит-парады начала прошлого года смотрятся уже ностальгически. Но есть вещи и более досадные. Если в музыкальном журнале написать, что столица СССР — Саратов, будет смешно, не более. Но дважды назвать здесь бывшего бас-гитариста «Аквариума» Сашу Титова Юрием, а французскую певицу Жюльетт Греко — Джульеттой (оттого, что у нее был роман с Майлсом Дэвисом?) — недопустимо. Такие ошибки могут дискредитировать журнал раз и навсегда. Надеюсь, что этого не случится и «Мир музыки» станет источником точной и своевременной информации. Как «Биллборд».

А.Г.

ЛЕС РУБЯТ, СПИЧКИ ЛЕТЯТ

«Стенограмма»
Театр-студия «На досках», реж. С.Кургинян

Развенчание тоталитаризма, длящееся около трех часов, состоит в воодушевленном проговаривании стенограммы XV партконференции 1926 года. Автор назвал свое сочинение «пророчеством в 5-ти снах». Моему недремлющему рассудку оказалось не под силу постигнуть суть сего пророчества. В памяти остались танец Диспропорции-в-экономике и обилие спичек, рассыпаемых где ни попадя...

Как в детской страшилке, по черной-черной сцене бродят черные-черные люди. Кто-то запевает: «С правом решающего голоса...» Ему вторят: «С правом совещательного голоса...» Главная же партия — это энергичный речитатив алфавитного списка делегатов. Одушевленные Френчи, Галифе и Сапоги организуют действо, по мнению студийцев, имеющее непосредственное отношение к театру масок. Видимо, поэтому Троцкого изображает актриса с лисьим хвостом вокруг прелестной шейки.

Программка с эпиграфом из Бердяева и сопроводительным текстом, заканчивающимся уже дежурным «аминем», запутывает все окончательно. Можно согласиться с Кургиняном, только когда он доверительно сообщает: «Мы не театр, мы чуть-чуть другая вещь...»

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ

СВЕТЛА ПЕЧАЛЬ МОЯ,СВЕТЛА...

«Облако — рай»

Студия «12-А» при участии киностудии «Мосфильм», реж. Н.Досталь

Господи, как же хорошо на душе: на экране — ни рэкетиров, ни интердевочек, ни прочих атрибутов «перестроечного кина». Там — все тихо. Там — малюсенький провинциальный городок или поселок городского типа. Там — благословенные 70-е (туфли на платформе, брюки-клеш, водка в магазинах), хотя несколько назойливо мелькает в кадре календарь 1991 года. Там — не герои. Там — люди. Обыкновенные, «маленькие». Там — жизнь, в которой будни все — семья, работа, друзья, соседи. Это жизнь, потому что другой не дадено и не знают. Но другой — очень хочется, хотя и непонятно какой...

И вот — добрый губошлеп Колька, которому хорошо и которому хочется общения, ну просто потому, что солнце и воскресенье. Вот и ляпнул он, что уезжает, мол, чтобы начать новую жизнь. И все искренне обрадовались за него — хоть Колька-то проживет теперь по-другому. И устроили ему теплые проводы, а себе — маленький праздник. И чемодан ему нашли, и мебель продали, и комнату другому жильцу сдали, и «на посошок» выпили, и в автобус посадили, и взгрустнули, как положено. А ему и ехать-то некуда было, а самое главное — не хотелось. Но он уехал. В никуда...

Господи, как же это про нас, про сегодня и, боюсь, про завтра, когда будет принят долгожданный Закон о въезде и выезде. И как «светла печаль моя, светла». И после фильма, и по поводу его прокатной судьбы, и по уехавшему Кольке, и по поводу всех отъезжающих и провожающих. Печаль, но светла. За это и спасибо авторам и актерам.

Петр СМИРНОВ

P.S.: видео

Ведет Андрей Гаврилов

«Дурное влияние»
США, реж. К.Хэнсон

Об этом фильме уже писали в нашей прессе, но по совершенно надуманному поводу: Роб Лоу, исполнивший одну из главных ролей, был замешан в громком сексуальном скандале. Поэтому отечественные журналисты сочли, что он воссоздал на экране случай из жизни. Придется разочаровать любителей ненавидимой Президентом эротики — ничего «такого» в фильме нет. По стандартам современной советской кинопродукции он кажется чуть ли не целомудренным. Хотя при этом, конечно, не детский. Несмотря на прекрасную игру Лоу и Джеймса Спейдера, картина получилась не очень сильная, а вот вопросы она ставит серьезные.

У НАС ЭТО НЕВОЗМОЖНО

«Обвиняемые»
США, реж. Дж. Каплан

Фильм основан на реальной истории, произошедшей в США несколько лет назад. Групповое многочасовое изнасилование в баре на глазах посменивающихся посетителей потрясло Америку. Роль этой девушки блистательно сыграла Джоди Фостер, совершенно затмив свою партнершу Келли Макгиллис. Очень грустно, но при просмотре фильма ловишь себя на том, что многие юридические определения и понятия, связанные — в данном случае — с сексуальными преступлениями, у нас просто-напросто отсутствуют. Не только присяжные (которых у нас нет), но, думаю, и большинство юристов не сразу бы поняли все тонкости судебного процесса.

Дневник И.

Из коллекции И. Перкаса

Борис ФИЛИППОВ

МОСКВА МОЕГО ОТРОЧЕСТВА

Москва моих ранних гимназических лет... 1915 и 1916 годы. Я — ученик первого и второго классов Московской пятой гимназии. Собственное ее здание — ампирная постройка на углу Поварской, если память не изменяет, — занято под военный лазарет. Мы занимаемся в уплотненном — на время войны — помещении Медведниковской гимназии, и драки между аборигенами — «медведками» и нами, пришельцами — «пятаками», ожесточенно свирепы.

Я не принадлежу к тем, кто задним числом, по принципу «в прошлом все зори прекрасны», воспевает свои гимназические годы. Кроме двух-трех даровитых преподавателей, да и то в старших классах, память моя рисует мне далеко не отрадные картины. Правда, я и учился-то — во всяком случае, до пятого класса — препаршиво; в классах же первом и втором упорно шел по успехам вторым или сорок первым, то есть предпоследним. Всегда рассеянный, никак не умевший сосредоточить внимание, я, сквозь полудремоту, слушал — и не слышал — бубнящего диктант учителя, нарочито сбивающего утрированно разговорным произношением слов несчастных первоклассников:

— Как хараша лисная молина... Впалне сазрела... Па трапинки прабирается высокий мущина с тростачкой...

А я не столько слушал и писал, сколько следил за жирной мухой, упорно стремящейся сесть на потную лысину диктующего и лениво отгоняемую его заросшей рыжим пухом рукой: сядет или не сядет?

— Ну, Борис, что ты там намарал... И учитель, насмешливо кривя золотозубый рот, читает всему классу: «Как хараша лисная впалне сазрела мущина стростачкай»...

...Жирная двойка с двумя минусами уже торчит в классном журнале рядом с моей фамилией...

Зато когда я приносил домой по какому-либо предмету тройку (о большем моя мать для меня не мечтала!), меня в награду вели на воскресный утренний спектакль: то на традиционную «Синюю птицу» в Художественном, то на «Ревизора» у Корша, то на «Онегина» в опере Зимина.

Театр я обожал с самых ранних лет, но наибольшим наслаждением для меня были самостоятельные — без сопровождения старших — прогулки по Москве, посещения Кремля и Оружейной палаты, покупки тончайших книжонок (ценой от двух копеек до пятака) в лавке толстовского издательства «Посредник». Я взбегал на какой-то очень верхний этаж старенького арбатского домишки, и ласковый старичок встречал меня, как уже старого знакомца:

— А, Медведюшко, ты опять за книжицами... Люблю таких...

Эти шелестящие, как смерзшиеся

листья поздней осени, брошюрки, на сквернейшей, чуть ли не папиросной бумаге, с алыми, желтыми, синими и зелеными бумажными обложками, обязательно с рисунком... Эти высоконравственные и проповеднически постные авторы: Горбунов-Посадов, крестьянин-прозаик Сергей Семенов, которого Лев Толстой именовал даровитейшим, но никак не советовал ему бросать крестьянский труд — труд единственно спасительный... Эти сборники стихов — типа «Песен о матери», в которых корифеями выступали Чюмина и Барыкова, Аполлон Коринфский и Белоусов... Но и, наряду со всей этой макулатурой, народные рассказы Толстого, его же пересказы повестей Гюго и Мопассана... Так началось через всю мою жизнь проходящее книжное собирательство.

Уже задолго до масленичных и вербных гуляний пятаки и гривенники, ежедневно выдававшиеся мне на школьные завтраки, на завтраки отнюдь не тратились, а копились мною для наслаждений на масленичных и вербных базарах. Никакие кондитерские изыски любящей вкусно поесть и сладко попить Москвы не могли сравниться для меня с гастрономическими приманками киосков Масленицы и Вербы. «Наталка с Полтавщины» с маковниками и коржами, горячей украинской колбасой и кнышами; «Дед-Сластена, по прозванью Ворона» с тульскими, вяземскими, мятными пряниками и бубликами; «Хасан и Зюлейка» с гозинаками, финиками, халвой; «Нико из Тифлиса» с чурчхелой и смоквами... Разносчики с жестяными ящиками, прикрытыми тряпьем, из которых за пятак вам вынут с пылу с жару печеный распластанный пирожок с мясом или с капустой, с печенкой или с рыбой, пирожок, увернутый в сразу замасливающуюся тонкую бумажку... Грушевые и ягодные квасы в стеклянных кувшинах, квасы таких ярких ядовитых расцветок, что становится и весело, и больно глазу... И разносящийся по всему базару ванильный дух горячих вафель с кремом, медовый запах сбитня...

А разве можно забыть веселый гам шарманок и треск «тещиных языков», с присвистом вырывающихся из ртов продавцов и покупателей-мальчишек и парней, толчею около каруселей, перекидных колесскачелей, ученых медведей и уличных фокусников и акробатов! И эти балаганы, дощатые и в палатках, с зазывалами, паяцами, дедами раешниками:

Заходи, честной народ:
Здесь феерия идет.
Не валяйте дурака:
За сиянц три пятака!
Эй, ма-сковской коммерсант,
Эй, красавец, хват и франт!
Эй, вы, молодки, красотки
всех околотков,
Поскорей ташшите их,
Ухажеров всех своих,
Всех ташшите в наш тиятр!

Бум-бум-бум — отбивает такт на большом барабане клоун с красной электрической лампочкой, вмонтированной в чудовищный пластиковый алый нос башмаком...

Грубо сколоченный из щелястых досок, кое-как закрытых старой размалеванной холстиной, паноптикум: «Музэй восковых фигур Эль-Дорадо, с живым сурпризом и историческими панорамами». Вход — гривенник. Захожу. Обычнейший ассортимент восковых фигур: голая красавица в разверстом железном футляре, утыканном внутри гвоздями, — «Железная дева испанской инквизиции»; Клеопатра, с пленительной улыбкой прижимающая к груди ядовитую змею; великий инквизитор Торквемада в натуральную величину рядом с Джеком-Потрошителем и Шарлоттой Корде на гильотине; мутные стекла-гляделки, сквозь которые едва различимы «исторические панорамы» — пожар Москвы с Наполеоном в Кремле, извержение Везувия и гибель Помпеи; запыленная гипсовая Венера Милосская, «собственноручно высеченная, — как сообщает надпись, — древнегреческим скульптором Фидием»... Но в конце балагана — загородка с прикнопленной к ней бумажкой: «Живой сурприз: руссалка Ундинья. За рассмотрение 10 коп.» — и рядом оборванец, принимающий гривенники и пускающий за перегородку. Он же — «поясняла»: «Живая руссалка. С Охотского моря. Имя — Ундинья. По-русскому не понимает абсолютно. Только мамакает и папакает. Говорит только по-китайскому. Поймана русскими рыбаками в сентябре прошлого года». И обращаясь к «живому сурпризу», «по-китайскому»: — Ундинья, шибко-шанго, улюлай...

В оцинкованной ванне плескалась обильногрудая голая девка с распущенными мочально-желтыми волосами, с веснущатым миловидным лицом, на котором крохотный курносый носишко был зажат бурачно-багряными толстыми щеками. Про такие лица говорят: нос кричит «караул» — щеки задавили. Нижняя половина тела была не без усилий втиснута в какой-то не слишком опрятный мешок, усыпанный разноцветными блестками, — рыбий хвост, буквально лопавшийся от телесной щедроты Ундиньи. Увидев меня, «живой сурприз» густо покраснел и, тщетно стараясь прикрыть груди широко расставленными пальцами, невпопад замамапапакал: «паппа-мамма-паппа»...

В Ундинье я сразу же признал сбежавшую от нас недели две назад прислугу моей матери Настю, открывавшую двери пациентам: моя мать была зубным врачом. Полнотелая, веселая, живая, Настя носилась по квартире, вся колыхаясь телесами и напевая не без задора свои рязанские «страдания» и частушки:

Сидит заяц под березой,
Нежанатый, холостой.
Маво милаво забрали,
Я осталась сиротой...

Дня через три к матери прибежала зареванная Настька-Ундинья: — Возьмите меня назад, Лидия Андреевна, — соблазнил меня паноптик, черт волохатый, говорил: актеркой будешь, знаешь, какие они рубли отхватывают, и работа чистая. А заместо энтого — спи с им, спи с Гришкой-объяснялой, спи с квартальным, что кричит хозяину энтому, дескать, это не паноптик, а бубличный дом, — да разве с ими одними?!

Взять назад Настьку, уже как-никак прославившуюся в облике Ундиньи, было более чем затруднительно. Но и жалко было девку. На ее счастье, занадобилась санитарка в челюстном госпитале для раненых солдат, возглавляемом профессором Вильга. В госпитале этом, где делали челюсти, мосты и даже носы увечным солдатам, два дня в неделю работала стоматологом моя мать. И вскоре Ундинья-Настя весело бегала среди хмурых увечных, выкликая (когда вблизи не было сурового и строгого профессора) свои частушки:

Ах, и что ж етта за моды:
У болоте бяруть воду.
Я пойду взамуж туда,
Где в колодези вода...

А раненые с вожделением глядели на пышнотелую санитарку, посмеиваясь:

— Хороша девка... Щекастая, что твой арбуз!

1979

Алла БОССАРТ

ГАММЕЛЬН-БЛЮЗ

БЕСПРЕДМЕТНЫЙ СПОР С ПЯТОЙ ВОЛНОЙ ЭМИГРАЦИИ

«...Куда могли подеваться
шестая волна, седьмая волна,
восьмая волна».

(Новелла МАТВЕЕВА)

...И когда последняя крыса скрылась под водой, он вернулся в город за обещанной наградой. Но бургомистр и знать захлопнули перед ним двери ратуши и закричали в стрельчатые окна: «Нету, нету денег! Не до тебя!» А наутро, проснувшись в странной тишине, гаммельнцы стали звать своих детей, — но маленькие следы вели прочь из неблагодарного города и терялись в дальних лугах, откуда уже не долетал ни свист дудочки-манка, ни смех. Горько оплакал город и Гаммельн свое сиротство и раскаялся в обмане, но дети ушли за крысоловом и не вернулись, и не стало будущего. Вот какое наказание.

...МЫ НЕ УСПЕЛИ поговорить с тобой, старина, хоть я и гостила у тебя в Бронксе почти три недели. В Москве ты был такой свободный и беззаботный парень, и никогда, сколько я помню, тебе не приходилось выбирать между ста рублями и ста друзьями — и то и другое у тебя было: не больше, но и не меньше.

Зато свобода, твердишь ты, психуя от безденежья. Свобода выбора.

У меня не было вопроса на твой ответ, когда мы сидели липкой, душной, как в Душанбе, тяжелой нью-йоркской ночью в вашем мебельном завале, и два вентилятора еле шевелили парные слои воздуха, а в телевизоре суетилась какая-то лажа, и ты, черный от недосыпа и свирепой усталости, мог только курить, даже пить не мог, только курить, и заклинал, глядя в радужный смерч, в воронку экрана: «Я ни о чем не жалею. Я не совершил никакой ошибки. Я сделал все правильно. Я свободный человек. Я свободен».

НЕОЖИДАННЫЕ всходы дает вузовский курс научного коммунизма. «Хочешь жить в Америке, — внушали мне, — будь готова на любую работу. На лю-бу-ю! В Америке всякий труд почетен». Я не то что бы уж совсем не хочу жить в Америке. Но вот эти вот популистские идеи претили мне с детства. Свобода, если кого-то интересует мнение троечника, в числе прочего — это когда идешь на работу как бы на праздник...

Мы виделись мало. С утра ты шел на очередной «апойнтмент» работодателем, с врачом, в офис «Найаны», оформлять веер бумаг для вызова дочери или для страховки, потом ты ехал на курсы, а по дороге пытался учить английский, а после курсов, которые в принципе должны подготовить тебя к приличной работе, шел в свою прачечную, где шалел до десяти вечера, а оттуда полтора часа пилил в сабвее домой или к своей «герл-френд», а с утра все сначала — и так шесть дней в неделю, кроме воскресенья, когда отсыпался или пытался организовать мебельную свалку своего жилища в интерьер. Ты прожил в Нью-Йорке полгода, ты проехал огромный и невероятный город, город-мир вдоль и поперек — но под землей, по темным, потным, грязным кишкам сабвея, почти отвыкнув от солнечного света, который так ослепителен на Бродвее и Пятой авеню, но ты, московский веселый гуляка, приучился здесь смотреть под ноги и не видишь, и не знаешь, внутри какого кристалла передвигаешься, а твое замечательное носатое, так удобно скроенное для хохота лицо стянула изнутри угрюмая усталость — выражение привычно смотрящего под ноги пешехода. «Ни хрена ты не поняла в нашей жизни, Алиса», — сказал ты на прощание. Если бы так. Хуже другое: друг друга мы понимать перестали. Мы мучаем друг друга сложными истерическими разговорами о родине и об исторической безнадежности России, а ведь все, в сущности, просто.

...НАПРОТИВ моего окна на крыше двенадцатиэтажного дома

топтался человек. Он расхаживал, махал руками, приседал, думая, что его никто не видит. Он подходил к самому краю, как к рампе, и топал ногами. Вряд ли он топал и махал молча. Должно быть, он кричал, и, скорее всего, матом. Но мата я не слышала, как и голоса в целом, голоса, несомненно, живого и полнокровного, сдобренного матом и злобой строителя. Если бы я слышала голос, я могла бы с большей точностью убедиться, чего он хочет, этот мятежный жилец. Если бы до меня долетала структура и фонетическая окраска матерных блоков, я бы могла с большой степенью достоверности опознать, не мой ли это друг, техник-смотритель Марк Антонов, реет на крыше. Марк Антонов получил на днях вызов из Бостона, и душа его рвалась напополам, как старый кумач: с одной стороны, между друзьями, окосевшими от равных возможностей большого бизнеса, а с другой стороны — между дочерью Агатой от первого и последнего брака. В Америке-то Марку-то Антонову как раз было совершенно нечего делать, поскольку он под влиянием токсических веществ деградировал как личность и равными возможностями просто не мог бы воспользоваться, не мог, и все. Не уловил бы, где возможность, а где — так, пинта виски на халяву. Он бы перепутал, понимаете? А с другой стороны, у Марка Антонова именно здесь, в отчизне, именно в рамках родного дэза возможностей было навалом, причем именно равных. Он мог сидеть у себя в кабинете, а мог гулять по крыше с полным на то правом и даже обязанностью. Он, изгнанный женою Магдой, мог спать с белогрудой Беллой Кац, а после ее отбытия на историческую родину — с кем угодно, вплоть до социолога Люси (ударение на последнем слоге: Люсй; Люси из ИСИ), что он и делал всякий раз после того, как Люси ужас до чего настырно расспрашивала его в числе других потребителей о переживаниях абстиненции. «Не вылазишь из сортира», — сообщил Марк Антонов и предложил Люси самокруточку. Так что у него были все основания зябко ежиться у карниза, опасливо пробуя ногой воздух, и кричать напоследок матом все, что он думает об этой жизни, над которой, по его словам, произведен некий грубый и бездумный акт. Таким, как Марк, благодати не обрести. Им будет плохо здесь, потому что здесь плохо. А там им будет плохо, потому что плохо осталось здесь. Да и там вообще-то не лучше. Ведь мы говорим о душе, о ее странствиях и страстях, а совсем не об очередях за водкой и не о профсоюзных путевках.

Я НАПИСАЛА это три года назад — повесть о тебе, обо всех нас, когда мы жили-были в Москве и «так любили друг друга». И все там было правда и правильно, потому что мы очень хорошо знали один другого и жили в зоне одной цивилизации и не было смысла притворяться. Я так точно и давно все про тебя знала, старина, что еще тогда, когда все мы, и ты тоже, только трепались об отъезде и не верили, что это — ЭТО — постигнет нас самих, — еще (или уже) тогда я тянула носом луковый запах твоей эмиграции.

Америка — страна прекрасная, может быть, самая прекрасная в мире, именно потому, что самая цивилизованная. Я говорю не о технической цивилизации, хотя не то что достичь в обозримое время, боюсь, что даже реально оценить уровень американской технологии мы еще не можем. Но речь не о ней. И, между прочим, не о духовной культуре, которая в Штатах довольно своеобразна: европейское искусство, европейская литература, русская в том числе, выключены из поля зрения среднего американца (университетская публика, художественная интеллигенция, конечно, не в счет). Однако я говорю не о духовной и не о материальной, а о нравственной цивилизации, которая выражена, кроме бесконечной заботы о стариках, детях, инвалидах и вообще человеках, а кроме всего прочего еще и в крайней степени открытости, в максимальном дружелюбии к чужому, в полном отсутствии ксенофобии. До поездки я часто слышала, что эмигранты в Америке — это люди второго сорта. Как всякое расхожее мнение, это сущая чушь. Чушь по определению, потому что Америка — страна эмигрантов. Странно, что многочисленные гости из так называемого нерушимого Союза не отмечают как раз самую, на мой взгляд, поразительную именно для нас, живущих в кровной вражде, черту американского общества: его абсолютное национальное спокойствие. Даже не уважение, не взаимопонимание, что предполагает как бы некий акцент, некую специальную форму отношений, некую все-таки проблему. А вот именно — спокойствие, какое-то детское безразличие к вопросам крови. Это не исключает, кстати, расовой проблемы, которая осталась, сменив знак: нет страшнее клейма для сегодняшнего белого, чем обвинение в расовой дискриминации; само слово «негр» ушло из обихода.

Однако ровное дружелюбие по отношению к иностранцам отнюдь не снимает национальной рефлексии внутри самой диаспоры. Психологическая сложность возникает уже оттого, что все мы в Америке, привыкшие осознавать себя евреями, грузинами, украинцами, латышами, внезапно становимся «русскими», поскольку для американцев это понятие не этническое, а политическое. Но кроме того, что еврей или армянин, бежав из империи, вдруг почувствовал себя русским, он ведь еще и американцем себя почувствовал тоже. Продолжая сохранять, разумеется, и свое коренное, генетическое самосознание. И вот эта каша постепенно оформилась в довольно утонченную структуру. Богатые евреи с Брайтон-Бич очень довольны своей маленькой Одессой на берегу океана, говорят по-русски и в гробу видали как Россию, так и Америку. Беднейшая эмиграция Бронкса истерически славит Америку, презирает Брайтон и, истребляя в себе Россию, ищет спасения в великой американской мечте. Интеллигенция из Манхэттена, люди с американским стажем, — критичны к Америке, причастны к русской культуре, болеют за Россию, считают себя однозначно русскими и являются полноценнейшими, трезвыми, патриотичными американцами. Они водят дружбу с брайтонскими одесситами и культивируют в своей среде иронию и фрондерство московских и ленинградских кухонь. Два литератора, журналисты с радиостанции «Свобода» Петр Вайль и Александр Генис, на двенадцатом году своей эмиграции написали книгу блистательных очерков о русской классике, отмеченную таким глубоким и самостоятельным пониманием корней и связей русской литературы, что раз и навсегда стыдно

стало за всю произнесенную (и мной в том числе) банальщину о трагическом отрыве русских писателей от языковой среды. Уезжая, каждый из нас увозит с собой как бы мнемокристалл своей собственной России.

Для тебя Россия равна советской власти, за красными волнами воспаления ты не хочешь видеть изъеденного болезнью тела. В пятьдесят лет нельзя начать жизнь сначала, ее можно только продолжить. Пусть даже так, «как это делается» на Брайтон-Бич, — но продолжить. Все, что у тебя, с тобой было и есть, — принять как данность. Наша болезнь — твоя болезнь, ее нельзя вылечить, просто забыв о ней.

Или — можно? Один мой друг, поселившись недавно в Америке, поместил себя в условия «чистого эксперимента» — перестал говорить по-русски, читать советские газеты, книги на русском языке, плюс интересная работа, плюс технический быт и доброкачественная еда, — и он просто-напросто не поверил мне, когда я обрушила на него свои советские былины. Не верил даже тому, что видел полгода назад собственными глазами, — что нет мыла, например. Не верил, что мне по телефону угрожали «выпустить кишки при первой же заварушке». Не верил, что «заварушка» возможна. Он все забыл, понимаете?

ДВА ДНЯ подряд с карандашом в руках ты штудировал мою довольно старую заметку об отъезжающих и еще четыре дня читал мне проповедь о ее политической вредности. На полном серьезе (объясни, старина, почему в свободной Америке ты утратил столь присущее тебе чувство юмора?) ты вознамерился и даже начал писать письма в «Огонек» о том, что нельзя печатать такое безобразие: пропаганду типа «оставайтесь, ребята, еще не вечер». Я очень боюсь, что и на этот раз, не досчитавшись американских восторгов, ты опять обвинишь меня в пропаганде. И я готова объясниться. В том числе и в любви.

За слово «родина» ты меня очень бранил. Не знаю, по-моему, даже в нашем чудовищном советском варианте общая формула «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» — остается в силе. Но к эмиграции у меня уже не общий, а личный счет. Мое пресловутое зареванное лицо уже десять лет маячит на московских проводах. Уехал ты — мой старый, мой любимый друг. Уехала вторая из самых близких подруг, а скоро уедет и первая. Уехал и самый близкий человек. Уезжают друзья, товарищи, соседи, милые, родные люди. Я проклинаю стихию эмиграции: она осиротила меня. Я проклинаю и ненавижу гнилую абсурдную жизнь, которая лишает меня друзей, а их лишает нормальной родины. Я говорю: Россия, бедная, проклятая, проклятая страна, земля, изнасилованная, обесчещенная династией преступников и недоумков, зачем ты гонишь лучших, неужели не видишь, как мало их осталось — умных и работящих? Я говорю: Америка, прекрасная, проклятая страна, куда ты уводишь, как Гаммельнский крысолов, наших очарованных детей, играя своей ослепительной улыбкой?

Ну вот, вкратце. У пропаганды, как ты понимаешь, задачи и мотивы другие. Гораздо более бескорыстные.

Так куда же он, Гаммельнский санитар, в самом деле, уводит вас, детей из крысиного города, в какие маковые поля, что вы забываете, как выглядит московский метрополитен имени В. И. Ленина и русский язык имени Тургенева? (Не все из вас, Петр и Александр, слава Богу, не все.)

НЕБОЛЬШОЙ китаец по прозвищу Джи-Пи, невероятно учтивый и жизнерадостный, преподает математику в университете северного штата. Он приехал из Красного Китая (в отличие от Тайваньского китайца Вана) — что сближает его с моим другом по кличке Сильвер, прибывшим из Красной России. Сближает их также и то, что оба собираются в некотором будущем вернуться на свои кумачовые пепелища. По причине того же цвета оба бедны, как церковные мыши, — дополнительная хохма в том, что живут они именно в церкви, где расположена община студентов-епископалов, к которым красная парочка не имеет никакого отношения. Видимо, в силу всех этих обстоятельств величайший эконом Джи-Пи примчался со своей новостью именно к нам. В своих загадочных китайских кругах он проведал о необыкновенной продаже автомобиля. Чудо продажи заключалось в цене: полтораста долларов. Через полчаса три чувака, перемежая китайский клекот с американским рычанием (и немножко московского слэнга) суетились на задах «Святого Франциска» вокруг потрясающей тачки, которую принесли сюда, как я подозреваю, в рюкзаке.

— Зачем тебе возвращаться, Джи-Пи? — спросил его Сильвер, когда мы втроем с треском катили из города за продуктами в ночной магазин, так называемый «севен-илевен». Пригородные улицы освещались плохо, но темнота была нестрашная, домашняя, и маленькие дома тихо сидели на своих лужайках, все вместе организуя декорацию какой-нибудь Паланги. Здесь был такой покой и воля после Нью-Йорка, такая чистота и прохлада — даже ты бы здесь воскрес и очухался после преисподней Бронкса. Правда, уезжай из Нью-Йорка, старина, это город-колдун, город иной биохимии, почти гиперпространство, в котором ум заходит за разум от множества измерений. Это ведь, собственно, и не город.

НО МЫ ОТВЛЕКЛИСЬ и, кажется, заблудились в ночных пригородах, что так характерно для нас, бестолковых русских, но не характерно для разумного и точного китайца, который успел, выдимо, со всех сторон обдумать свое решение и свой ответ.

— Зачем тебе возвращаться, Джи-Пи? В вашей Чайне сейчас опасно.

— В вашей России тоже опасно. Алла, тебе не страшно в России?

— Сравнил! — Сильверу совсем не страшно глядеть на Россию с изумрудного холма Баскома перед университетской библиотекой («А что вот сам Баском, чем-то он тут прославился», — указал он мне на памятник Линкольну). Сильвер верит в перестройку и гласность.

— Обязательно надо вернуться, гайз. Слишком все здесь крупное и полноценное... Не поймешь, чего стоишь на самом деле. У меня другие масштабы, гайз. К тому же девушки американские мне не нравятся, я их боюсь. Слишком они независимые и... Независи-

мые. Китаянки тоже здесь меняются. Мне нужна маленькая, послушная китайская жена в моем китайском доме, — скромный мудрец Джи-Пи громко расхохотался.

— Мне тоже не нравятся американские девушки, — задумчиво промолвил Сильвер. — А вот бразильские очень нравятся. И французские товарищи замечательные. И мне вообще здесь интересно, как никогда в жизни. Хотя, конечно, скучновато. — Он не очень последовательный парень, мой дружище Сильвер. — И знаешь, Джи-Пи, хотя я и сам прекрасно понимаю, чего стою на самом деле, — именно здесь я могу это доказать. В России моя реальная ценность просто не востребуется. Но я все равно хочу вернуться.

— Да не вернешься ты! — пророчу я. — Покажи мне хоть одного, кто вернулся.

— Любимов вернулся.

Джи-Пи не знает Любимова, но понимает, почему следует вернуться домой. Я тоже понимаю. Но я хочу, чтобы именно он, мой умнейший, успешный, сказочно везучий дружище Сильвер, аспирант американского университета, живущий студенческой, а значит, самой счастливой из американских жизней, объяснил мне: зачем возвращаться?

— Ну глупо же, согласись, старичок, если вы там чего-нибудь добьетесь без меня. Ну ладно. Если уж ты такая серьезная... Ты бы с нашими пацанами спелась, уж такие серьезные, прям беда. Так вот. Мы сейчас катаемся, отдыхаем, загораем, играем в теннис. Нам очень здорово. Через неделю ты отвалишь в свой «Огонек», я начну учиться, искать работу, каникулы кончатся, мы начнем пахать, что не так приятно, но необходимо, потому что это жизнь. Так вот Америка — каникулы в ж и з н и.

Хм... Не исключаю, что через пять-шесть лет профессор Сильвер будет стричь косилкой травку перед своим домом на берегу озера, предположим, Мичиган, а бразильская, русская, хотя не исключено, что и американская жена, читая проспекты Кука... Впрочем, он несгибаемый холостяк (не Кук, конечно, а профессор). И если мы встретимся на его лужайке и я напомню ему наш разговор, он, конечно, рассмеется: «Брось! Неужели я так говорил?»

А ты из Бронкса переедешь в Манхэттен или вообще в Лос-Анджелес, и твоя дочка действительно будет учиться в каком-нибудь там Беркли и морщиться от твоего ужасного английского, и вы, счастливые дети Гаммельнского крысолова, все-все забудете...

Не исключено.

ЗНАМЕНИТЫЙ фотограф Юджин Ф., звезда международного класса, в бытность свою Женькой с Молдаванки, был одним из тех, о ком Аксенов написал не самый удачный свой роман «Скажи изюм». Он был и, впрочем, остался наглым, свободным, самостоятельным, инакомыслящим матерщинником (не Аксенов, а Ф., хотя и Аксенов тоже), за что бывал бит милицией, сажаем в кутузку, а камера бывала разбиваема и пленка засвечиваема. Женя снимал людей в жизни, и ему это не прощалось. В конце концов он, как тысячи вконец озверевших от идиотизма и невозможности работать, уехал на Запад. И вот он тащит на свою дощатую верандочку, уморительно одесского вида, как и весь бостонский двор, — тащит свои альбомы, и винегрет, и кофе (ну, гайз, не американскую бурду, а КОФЕ) и, густо ругаясь, сообщает, что в той, так ее, Америке он оказался таким же, мля... ...ным диссидентом, как и в том, за ноги его, Союзе. «Меня печатает весь мир, гран-при во Франции, в Англии, в Испании, так их и так! А тут, разэтак, меня ни один хрен не знает! Им, мля, реклама нужна, а Женя Ф. им не нужен. Им не нужен ни Женин глаз, ни Женина башка, так и вот так и растак!! Им не интересно, что у них под носом делается: улицы, дети, помойки, пляжи, старики, собаки, шлюхи, пьяницы, художники — все это для них говно. Вот «кровавую Мэри» или тачку какую-нибудь двенадцатицилиндровую — такую ...ню они у меня покупают. Ну, правда, я и это тоже, как ты понимаешь, делаю гениально. Но мое искусство, которым я, едрена мать, живу и дышу, они в гробу видали. Сечешь, детка?»

(Он на год меня моложе, и мы полчаса как знакомы.) Отчасти ошалев, предлагаю:

— Так, может, уезжать не стоило? Может, вернешься?

Юджин-одессит заглядывает мне в лицо:

— Детка, ты всегда такая изнуренная? Поедем, родная, я куплю тебе витаминов. Моя жена десять лет пьет здесь витамины и в результате — самая красивая женщина на восточном побережье.

...ЖУТКИЙ ОБРАЗ маленького уездного города, шербатый, золотушный облик райцентра, более убогий в своих потугах на «культуру», чем облик серой, истлевшей от дождей и нищеты русской деревни, — навязчиво волокся следом за мной по «уездной» Америке. Единство среднего уровня жизни, единство цивилизации мегаполисов, городов, городков и городишек так и остается для советского человека не до конца уясненным. Как это возможно, чтобы в глухомани магазины так же трещали от изобилия (и мясо, заметьте, в холодильных прилавках, а мороженое, заметьте, семнадцати сортов)... Как возможно, чтобы на какой-нибудь дикой заправке посередь леса — и телефон?! То, что кабель нельзя, невозможно протянуть на лишнюю сотню километров, — понятно. Кстати, никакой дикой заправки в нашей стране не бывает. Их и в Москве-то несколько штук. И что водопровод с канализацией в базальтовой породе среднерусской деревни проложить немыслимо — тоже, конечно, понятно. Но когда ты в лесу заходишь в опрятный каменный домик, с горячей водой, жидким мылом и, черт побери, туалетной бумагой, — советская крыша, поверьте, едет куда сильнее, чем в самом дорогом, зеркальном, многоярусном магазине на Пятой авеню.

Да. А еще в этом дивном пейзаже можно отметить в отдалении, окруженное лугом и живописными купами деревьев, красивых современных форм здание с американским флагом на крыше. Рядом с ним — ферма, участок земли, во дворе — бассейн. Это колония для несовершеннолетних преступников.

Нравственную цивилизацию я понимаю так, что при безусловном социальном и материальном неравенстве, без которого нет стимула к движению общества, все — люди. Твари божьи. Никого нельзя исключить, выбросить на обочину, растереть и забыть.

Даже бродяга, люмпен, который не желает работать, — в экономически наполненном обществе получает свой кусок хлеба, просто потому что он человек.

И Юджин это, конечно, понимает. И никто никуда, конечно, не вернется. К тому же важно ведь помнить, что уезжают не люмпены и не бродяги, и даже жулики — редко. А уезжают те, кому работать хочется, уезжают те, чья «реальная ценность не востребуется». Так они же как вкалывают в Америке! И, по нормальным экономическим законам, они, разумеется, богатеют. И устав от нищеты и унижений, зажив, наконец, человеческой жизнью, они ею немножко упиваются. Ну и что? Ты упрекал меня, что в той старой заметке я обидела беженцев, написав об их стремлении жить хорошо. «Не «жить хорошо», — кричал ты, — а «жить», есть разница?» Я по-прежнему утверждаю, что все эмигранты, за исключением тех, чьей жизни угрожает опасность (впрочем, и они тоже), и ты в том числе, движимы желанием жить хорошо. Потому что это желание нормально. Стесняться его, как и пресловутого «вещизма» (это кто желает не ходить голым и не жить в землянке на еловом пне), нас приучили аж в детском садике еще. Стесняться приучили, а желание-то, будучи инстинктивным, присущим человеческой природе, осталось. Вот так, старина, это самое желание, причем не только «ради детей», но и ради себя, — а никакая не «осознанная необходимость»... Признайся, ты понимаешь смысл этих вещих слов? Я силюсь и иногда даже как бы ухватываю, но ускользает. Желание хорошо жить включает, безусловно, свободу. Хотя бы как главный источник хорошей жизни. «Поговорим о душе, о ее странствиях и страстях, а совсем не об очередях за водкой и не о профсоюзных путевках».

МОЯ ЛЮБИМАЯ подруга, маленькая, очень сильная и очень умная женщина, десять лет назад уехала из России, без всякой охоты, в слезах, потому что муж, блестящий физик, больше не мог гнить в брежневском маразме, а мужа она любила. Я помню, как мы обе на проводах ревели на кухне, и Инночка, захлебываясь, твердила: «Ребята, через пять лет я приеду... Как только впустят — я приеду...» Ровно пять лет она погибала. Она сходила с ума, потому что ночами не могла спать, а днем ей как бы наяву снилась Москва. Через пять лет она не приехала. Целых пять лет ей понадобилось для того, чтобы прислушаться к Гаммельнской дудочке. Она выучила язык, студенты ее обожают. Ностальгия стала темой ее диссертации. Стала предметом творчества — вырванным жалом. Это как с любовью: выговориться — и отстраниться. Что равносильно если и не счастью, то излечению. «Инка, ты любишь Америку?» — задаю дурацкий вопрос. Поджав ноги, как у меня на Каляевской, она сидит в кресле, в гостиной своего дома под Бостоном. Таковы объективные обстоятельства, наконец-то адекватные реальной стоимости двух в прошлом нищих субъектов. Стеклянная дверь, лес почти у самого крыльца, комары. В темноте коротко взревел и затих вдали мотор. «Юлька, зараза, опять машину взяла». Юльке шестнадцать. «Америку любишь теперь... или как?» Естественно, ухмыляется: «Или как». Помолчали. «Здесь мой дом. Не в смысле...» — повела рукой. Да, понимаю, что не четыре или сколько там стен. А потом мы чуть не поссорились. Из-за того, что какой-то политолог высказал идею об исчезновении русского языка из мировой культуры. Мода на Советский Союз скоро пройдет, русский язык учить перестанут, а поскольку на нем уж давно ничего не создается ни в науке, ни в философии, ни в литературе, он практически отомрет, оставшись едва ли не племенным наречием в беднейшей стране третьего мира.

— Ты же умная баба! Что за бред ты несешь! — закричала я.

— И мало того, тебя, я вижу, такая перспектива ничуть не огорчает!

— Очень огорчает! — закричала Инночка. — Но ведь он же прав.

Хотя Инка всегда славилась какими-нибудь безумными увлечениями. То мужика с собой притащит, скажет, что он гениальный поэт, а он сожрет все, что есть в доме. То вот русский язык у нее отмирает. Что странно, если учесть ее дружбу с Юджином Ф.

Вот и дружище Сильвер порадовал. Смотри, говорит, насколько английский язык богаче русского. Вот, например, в английском есть слово «арм» и слово «хэнд». А по-русски — рука и рука. А вот для этой части — он повертел ее перед моим носом для наглядности, — слова нет.

— Поздравляю, дорогой. И позволь пожать твою честную кисть. И предплечье.

...СЧЕТ ПОШЕЛ на миллионы. Уже Америка пытается защищаться, озабоченная нашим исходом, и не дает въездные гостевые визы потенциальным невозвращенцам: одиноким, молодежи, незамужним женщинам с детьми. ОВИРы, возможно, следуя каким-нибудь негласным циркулярам, держат документы так называемых ПМЖ — едущих на постоянное место жительства — по многу месяцев. Аэрофлот тоже своеобразно принял участие в борьбе за сохранение советского генотипа: билеты просто... не продают. В Нью-Йорк я летела в салоне... одна. (Компания прогорает? А наплевать на нее. Чай, народная, не моя.)

А у Саши с Люсей, из Нью-Хейвена, прехорошенького американского городка, скромно окружающего другой, надменный готический город — Йельский университет, который ищет и собирает у себя лучшие силы со всего мира, в том числе и Сашу, так вот у Саши с Люсей четверо детей, а папа не разрешает им дома говорить по-английски. Тоже нетривиальный метод — да только они не слушаются.

Я ошиблась: «Марк Антонов» обретет благодать. Среди замечательных, умных, добрых, честных, совестливых ребят, многие из которых мои друзья, я не встретила там ни одного, которому бы «было плохо оттого, что плохо осталось здесь». А собственно, по какому праву я от них этого ждала? По праву общей цивилизации, конечно. Наша общая цивилизация — это цивилизация уныния и борьбы. Уезжая из России, сохраняя или нет память о ней, они больше не желают унывать и бороться. От того и уезжают. Они сочувствуют нам и даже, как известно, помогают, но страдать с нами вместе больше не хотят. И правильно делают, надо следовать законам того дома, где живешь. Даже атеист Сильвер ходит на воскресную службу. И потом,

важнее все-таки наладить взаимопонимание с собственными детьми, чем с нами — голодными и злыми посланцами жадного, голодного и злого Гаммельна.

Мы очень жалели, что не можем поехать в Штаты все вместе, вот бы погудели, гульнули по Нью-Йорку. Но, между прочим, половина нашей удалой компании уже там. А веселья особого что-то не получилось. Не из-за меня ли? Ведь приезжая, м ы н а п о м и н а е м. И пора остановиться. И на все свои ответы задать, наконец, вопрос: а кому и что объявляю и доказываю. И мы, и они знаем что почем, потому что все они точно так же подыхали еще недавно, как и все мы. И ни для кого не новость, что там лучше, чем здесь. Хотя бы потому, что здесь хуже, чем где бы то ни было. И уж конечно, обычная добросовестность не позволяет нам, оставшимся, становиться в третью позицию на кочке своего заболоченного берега и приглашать соседний, крутой и солнечный, к раскаянию и угрызениям. Потому что каждый из нас в конце концов избрал то, что имеет. Осуществив, между прочим, не что иное, как свободу выбора. И если я, вернувшись из ослепительной Америки, затеяла всю эту писанину, то не договориться ли мне с собой: а что мне-то Гекуба? И — не ответить, и ничего не доказать, потому что дудка свистит в уши, и пестро в глазах, и пахнет жареными сосисками, и больше всего это похоже на прощание в подъезде в семнадцать лет, когда закончить целоваться — все равно что прекратить дышать. Всхлипнуть — и на прощание, на самое напоследок, пока гудит лифт — ЦИРК В АМЕРИКЕ!!!

В ГОРОДЕ Милуоки, штат Висконсин, — ежегодный цирковой парад вместо военного, которым моя бедная Красная площадь 70 лет подряд пугает планету. Цирковой парад! Его ждали год и накануне, с вечера, занимали места у бровки тротуара со своими стульями, одеялами, сандвичами и зонтами. Третий день лил дождь, в толпе ели, пили, хохотали и перекрикивались. Издалека катилась музыка. Цирковой парад, пересекая город, приближался.

Может быть, американская жизнь выглядит, да и является, таким удовольствием, что сами американцы обращены к ней своими сияющими лицами. Здесь не надо воспитывать патриотизм. С ним рождаются. Когда проносили впереди процессии флаг, в числе первых вскочил со своей подстилки толстый зритель лет трех и истово прижал лапку к сердцу. Хотя декретный отпуск его маме никто не оплачивал. Сын моих знакомых, попавший в автомобильную аварию, на пятый день после внутриполостной операции отправился в школу. Они немножко спартанцы, конечно. Но эти спартанцы так ценят в жизни удовольствие, «фан», что научились выздоравливать и вылечивать стремглав. «О'кей!» — это философия. «Фан» — непременное условие и, подозреваю, конечная цель всякой американской жизнедеятельности.

Сбоку от процессии пятился, приседал, трусил, целясь во все стороны камеры, парень, до смешного похожий на Юру Роста — в черном варианте. А среди старых кабриолетов, лошадей, амазонок, удавов, слонов, ковбоев, клоунов, пожарных, верблюдов, жонглеров, школьных оркестров с полным удовольствием катили, приветствуя публику, расточая улыбки, об руку с женами сенаторы, губернатор, мэр и генеральный прокурор штата Висконсин в зеленом котелке и зеленых подтяжках.

Мысленно я надеваю зеленый котелок на товарища Сухарева. Сажаю секретаря обкома партии на крышу пожарной машины, запряженной сорока першеронами цугом. Вручаю народному депутату СССР руль и клаксон «студебекера» 1932 года. Затем я последовательно вступаю в масонскую ложу, ложусь, едва прикрывшись шортами, на газон парка культуры имени Горького, хлопаю по плечу милиционера и оставляю на улице все того же Горького незапертую машину с неснятыми «дворниками» и боковым зеркальцем. Проделав (мысленно, конечно) все эти дикие и безумные операции, я задаюсь вопросом, не оттого ли у нас, строителей коммунизма, ничего не получается с нашим строительством, что мы так безудержно серьезны и уважительны к себе? И не потому ли у строителей капитализма получается все, и так здорово, что они никого не пугают и стараются только об одном: как бы доставить себе и другим побольше удовольствия?

ПО ДОРОГЕ в аэропорт среди стандартных щитов с указанием максимальной скорости и расстояний мелькнул точно такой же щит с предписанием: «Начинайте улыбаться!» Вспоминаю короткометражку «Анекдот» — как такую же штуку проделали в метро «Площадь Революции». «Улыбнитесь, товарищи, ну, пожалуйста, ну, что вам, трудно?» — неслось из микрофона. Но товарищи, втянув голову в плечи, спрятав глаза, спускались и поднимались, как на казнь.

— Что, понравилось? — странный старичок в синих очках выглянул из-за плеча черной служащей Аэрофлота. Я его узнала. Это он дул в саксофон на платформе сабвея, работая под слепого, известную с детства мелодию: «Москва, Калуга, Лос-Анжелос объединились в один колхоз...»

— Ну, понравилось, — отвечаю хмуро, предчувствуя недоброе.

— Никто не вернется, — хихикнул старичок. — И ты тоже.

В этот момент, поиграв на компьютере, черная девушка холодно сказала: «Вашего заказа нет».

— Это я, я подстроил! — обрадовался старичок, потирая ручки.

Потом он обиженно заглянул в иллюминатор на высоте две тысячи метров и упрекнул: «Сама говорила — «правильно делают», — а сама...»

— Ну, я... Я — другое дело. У меня отпуск кончился.

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

ЖЕНЩИНА 90-х ГОДОВ — КАК ОНА БУДЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ?

На этот, казалось бы, странный вопрос у специалистов уже готов ответ! Что поделаешь, в наше время есть мода и на лица. И как в любой моде, здесь все движется по спирали. А это значит, что на смену уходящей моде придет следующая, уже знакомая людям старшего поколения. Нравится это или не нравится, но в 90-х годах в моде будут женщины классического, «скандинавского» типа.

Новая восходящая звезда в этом отношении — шведская манекенщица Вендела Кирсебом. Мягкие, чистые линии ее лица делают ее исключительно красивой. В прошлом году 22-летняя Вендела подписала мультимиллионный контракт с фирмой «Элизабет Арден», и специалисты сразу сказали, что именно она станет символом женской красоты в десятилетии, заключающем XX век.

Вендела сегодня — самая «дорогая» манекенщица во всемирно известном агентстве Эйлин Форд. Ее портреты печатались на обложках таких популярных изданий, как журналы «Нью-Йорк», «Селф», «Глейморе», французского издания «Вог». За один день любой съемки ей платят 10 тысяч долларов.

«Зеркало» ***(Израиль)***

РАЗВОД ПО-КОРОЛЕВСКИ

После долгих споров принцессе Анне удалось получить от матери разрешение на развод со своим мужем Марком Филлипсом. Ни для одного англичанина уже не является секретом, что принцессу Анну и некоего капитана Тимоти Лоуренса связывает давняя и крепкая дружба, однако их брак был практически невозможен, так как разрешение на развод могла дать только королева Англии.

Но и это является не единственным препятствием на пути двух влюбленных. По древним канонам, члены королевской семьи не могут вступить в гражданский брак; единственный путь для них — бракосочетание в церкви. А по церковным законам повторное бракосочетание не допускается. Принцесса Анна может вновь предстать перед алтарем только в случае, если ее предыдущий брак будет расторгнут самой церковью. В свою очередь архиепископ Кентерберийский дал понять, что он не желает быть в центре скандала, неизбежного в случае, если подобная просьба будет им удовлетворена.

В истории английской королевской семьи не было ни одного развода, ни одного повторного брака со времен правления Генриха VIII, а точнее, с 1529 года. Завидное постоянство... тоже вежливость королей.

«Оджи» ***(Италия)***

АНГЛИЙСКИЙ В УТРОБЕ

Еще в чреве матери плод может приобщиться к языку Шекспира. Переносной магнитофон, колыбельные на английском языке, по мнению преподавательницы Элен Рой, шотландки по происхождению, — больше ничего и не нужно, чтобы «дать возможность еще не родившимся детям впоследствии прекрасно говорить на английском языке».

У Элен, преподающей в одном из шотландских сел, уже семилетний опыт в области дородового обучения. Ежегодно, говорит она, моим методом обучения пользовались около тридцати будущих мам. Сегодня у их детей превосходное произношение. «Мой метод, — поясняет Элен Рой, — дает результаты в том случае, если он применяется во второй половине беременности ежедневно в течение двух-трех часов. Однако один «урок» не должен превышать 45 минут, поскольку ребенок перестает слушать или начинает беспокойно себя вести. Уже установлено, что в возрасте четырех с половиной месяцев плод слышит. К этому сроку внутреннее ухо и барабанная перепонка — единственные органы, которые у него уже окончательно сформировались. Будущая мама должна включать магнитофон у своего живота лишь в том случае, если она уверена, что ребенок — а она это чувствует — уже проснулся».

«Франс-суар» ***(Франция)***

...ЭЛИКСИР МОЛОДОСТИ

Судя по американской печати, самое заветное желание женщин и мужчин нашей эпохи — любой ценой вновь обрести молодость. И вот 1990 год принес им новое открытие, которое поможет им помолодеть!

Два американских исследователя из штата Нью-Джерси, Джерси Брукс и Ганс Шеффер, изменили молекулу ретинола таким образом, что существенно увеличилась ее способность проникать в кожный покров и разглаживать морщины. Тесты на эффективность, проведенные под руководством профессора Габриэля Летизиа, подтвердили значительное уменьшение морщин у пациентов в возрасте 45—60 лет.

Новая эффективная мазь против морщин уже продается в американских аптеках. Скоро ее продажа начнется в Европе...

«Либерасьон» ***(Франция)***

...ДИНОЗАВР

У чудовища Лох-Несс появился родственник на западе Японии. Один житель Страны восходящего солнца 4 января сумел заснять на пленку загадочное существо более 10 метров длиной, плывущее по озеру Икеда, в префектуре Кагосима. 13 лет назад туристы уже сообщали, что видели в том же озере подобное чудовище, напоминающее динозавра.

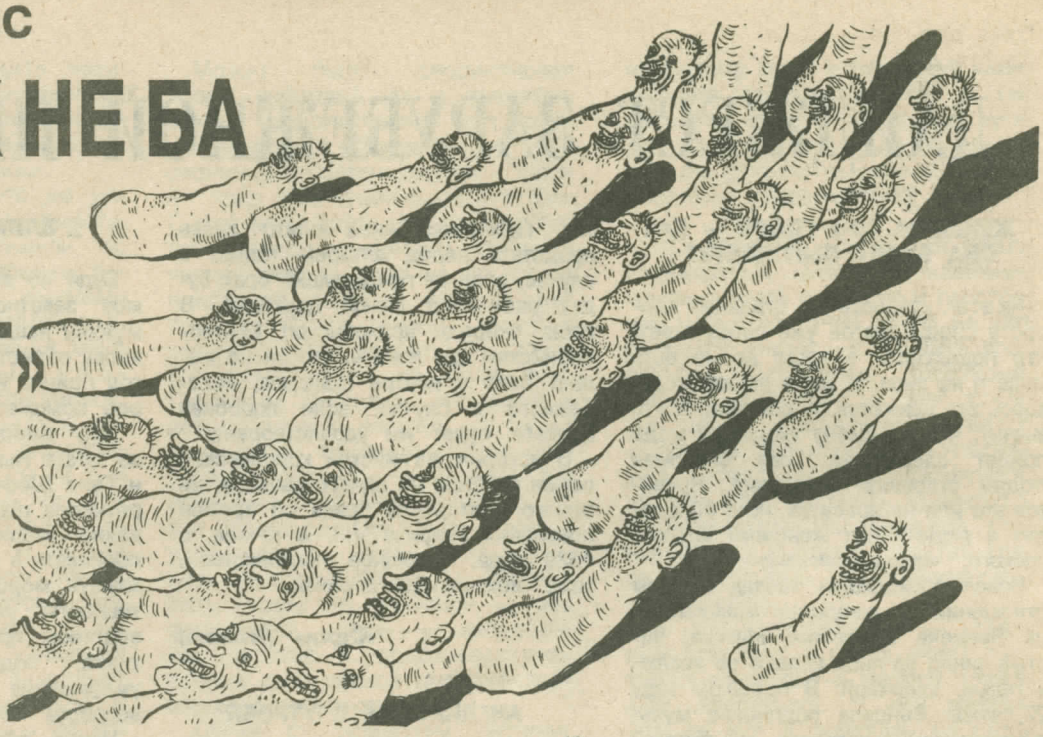
По одному из каналов японского телевидения — НТВ — в субботу был показан этот фильм на несколько минут: телезрители увидели темные пятна, которые, согласно комментарию, представляют собой спину загадочного существа, плывущего в водах озера. По утверждению Идеаки Томиясу, размеры заснятого им существа превышали 10 метров. «Создавалось впечатление, будто бы хозяин озера медленно двигался по поверхности. В этом было что-то мистическое», — сказал он.

Чудовище назвали Исси по аналогии с Несси, его знаменитым родственником из озера Лох-Несс.

«Пепль» ***(Бельгия)***

Даниил ХАРМС

«НУ ТАК НЕ БА И ВСЕ ТУТ»



Иллюстрации художника Леонида Тишкова
для книги Даниила Хармса
«Случаи»

Даниил Хармс (1905—1942) начинал, как и многие, с поэзии, со стихов, но очень скоро стал писать и прозу, и пьесы, и эти три жанра оставались для него постоянными все пятнадцать лет его литературной жизни, из которых еще надлежит вычесть время, прошедшее в тюрьмах и в ссылке.

Почти не печатающийся поэт (всего два опубликованных «взрослых» стихотворения), не издававшийся драматург (на сцене была только однажды поставлена «Елизавета Бам») и никогда, ни разу не публиковавшийся прозаик, он вместе с тем создал во всех этих жанрах свой особый странный мир, который, оставаясь совершенно неизвестным современным ему читателям, открылся на удивленье потомкам.

Чудом сохранились многие его рукописи (несмотря на аресты, обыски и войну) и благодаря его другу Я.С.Друскину дошли до нас. И вот с середины 60-х годов перед нами предстает удивительный Хармс.

Мир его героев, конечно, совсем не похожих на автора, почти всегда нелеп до абсурдности и очень часто жесток, так что кажется, что это говорят и действуют не люди, а говорящие жестокие механизмы. Но нет, это тоже люди, в их человеческом обличье. Но Хармс так же хорошо видит в этих людях возвышенное и низменное. И низменное, пожалуй, гораздо резче — как бы в фокусе.

При этом взгляд его не привычно-осуждающий. А он лишь констатирует, что есть такие индивиды, такие натуры, с такими вот очевидными характерами и поступками. И что с этими индивидами происходят следующие нелепые и невероятные случаи... «Меня интересует только *«чушь»*; только то, что не имеет никакого практического смысла...», — признавался он себе в 1937 году.

«Да, — отвечаем мы Хармсу, читая теперь его прозу, стихи, сцены, — может быть, это и вправду чушь, чепуха, нелепица, не имеющая никакого практического смысла, но странное дело: этот мир столь же реален, сколь и абсурден. И трудно бывает сказать, чего в нем больше: обыденного или выдумки?.. Во всяком случае, этот мир рядом, он знаком нам, узнаваем...» И Хармс, как никто другой, дает нам войти в него и осмотреться.

Конечно, в этом мире много смешного, то есть смешон не самый мир (он временами без преувеличения страшен), а то, каким он предстает нашим глазам.

Хармс всюду един, хотя разнолик и разнообразен. И смешная игра слов, как, скажем, в незаконченных сценах «Петя входит в ресторан...» или «Я сегодня женюсь...», — та же самая хармсовская чушь, чепуха, нелепица.

Читатели Даниила Хармса обычно делятся на две категории: одни принимают его сразу и безоговорочно, другие — влюбляются, вчитываясь, постепенно. Но есть, наверное, и третья категория — те, кто не примут его мир никогда.

Настоящая публикация, составленная из неизвестных до сих пор нашему читателю стихотворений, рассказов и сцен Даниила Хармса, печатаемых по автографам, хранящимся в Публичной Библиотеке имени М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве, — обращена ко всем читателям Хармса: уже полюбившим его и тем, кто его еще только полюбит.

Владимир ГЛОЦЕР

В публикации сохраняется орфография и синтаксис подлинника. «На замечание: "Вы написали с ошибкой". Ответствуй: "Так всегда выглядит в моем написании"» (Из дневниковых записей Даниила Хармса).

Одна девочка сказала: «гвя».
Другая девочка сказала: «хфы».
Третья девочка сказала: «мбрю».
А Ермаков капусту из под забора хряпал хряпал
и хряпал.
Видно вечер уже наступал.
Мотька с гавном наигрался и спать пошёл.
Моросил дождик.
Свиньи горох ели.
Рагозин в женскую баню подглядывал.
Сенька на Маньке верхом сидел.
Манька же дремать начала.
Потемнело небо. Заблистали звезды.
Под полом крысы мышку загрызли.
Спи мой мальчик и не пугайся глупых снов.
Глупые сны от желудка.

[8 января 1937 года.]

Меня называют капуцином. Я за это, кому следует, уши оборву, а пока что не даёт мне покоя слава Жана Жака Руссо. Почему он всё знал? И как детей пеленать и как девиц замуж выдавать! Я бы тоже хотел так всё знать. Да я уже всё знаю, но только в знаниях своих не уверен. О детях я точно знаю, что их не надо вовсе пеленать, их надо уничтожать. Для этого я бы устроил в городе центральную яму и бросал бы туда детей. А чтобы из ямы не шла вонь разложения, её можно, каждую неделю, заливать негашённой известью. В эту же яму я столкнул бы всех немецких овчарок. Теперь о том как выдавать девиц замуж. Это по-моему еще проще. Я бы устроил общественный зал, где бы, скажем, раз в месяц, собиралась вся молодёж. Все, от 17 до 35 лет, должны раздеться голыми и прохаживаться по залу. Если кто кому понравился, то такая пара уходит в уголок и там рассматривает себя уже детально. Я забыл сказать, что у всех на шее должна висеть карточка с имянем, фамилией и адресом. Потом, тому кто пришёлся по вкусу, можно послать письмо и завязать более тесное знакомство. Если же в эти дела вмешается старик или старуха, то я предлагаю зарубать их топором и волочить туда же, куда и детей, в центральную яму.

Я бы написал ещё об имеющихся во мне знаниях, но, к сожалению, должен итти в магазин за махоркой. Идя на улицу, я всегда беру с собой толстую сучковатую палку. Беру я её с собой, чтобы колотить ею детей, которые подворачиваются мне под ноги. Должно быть за это прозвали меня капуцином. Но подождите, сволочи, я вам обдеру ещё уши!

12 октября 1938 года.

1 Действие.

Кока Брянский: Я сегодня женюсь.
Мать: Что?
Кока Бр[янский]: Я сегодня женюсь.
Мать: Что?
Кока Бр[янский]: Я говорю, что я сегодня женюсь.
Мать: что ты говоришь?
Кока: Се-го-во-дня — же-нюсь!
Мать: *же?* что такое *же?*
Кока: Же-нить-ба!
Мать: ба? Как это ба?
Кока: Не ба, а же-нить-ба!
Мать: Как это не ба?
Кока: Ну так не ба и всё тут!
Мать: что?
Кока: Ну не ба. Понимаешь! Не ба!
Мать: Опять ты мне это ба. Я не знаю, зачем ба.
Кока: Тьфу ты! *же* да *ба*! Ну что такое же! Сама то ты не понимаешь, что сказать просто *же* — бессмысленно.
Мать: Что ты говоришь?
Кока: *Же,* говорю, *бессмысленно*!!!
Мать: сле?
Кока: Да что это в конце концов! Как ты умудряешься это услыхать только кусок слова, да ещё самый нелепый: сле? Почему именно сле!
Мать: вот опять сле.

Кока Брянский душит мать.
Входит невеста Маруся

У Колкова заболела рука, и он пошел в амбулаторию. По дороге у него заболела и вторая рука. От боли Колков сел на панель и решил дальше никуда не итти. Прохожие проходили мимо Колкова и не обращали на него внимания. Только собака подошла к Колкову, понюхала его и, подняв заднюю лапу, прыснула Колкову в лицо собачей гадостью. Как бешанный вскочил Колков и со всего маху ударил собаку ногой под живот. С жалобным визгом поползла собака по панели, волоча задние ноги. На Колкова накинулась какая-то дама и, когда Колков попытался оттолкнуть её, дама вцепилась ему в рукав и начала звать милиционера. Колков не мог больными руками освободиться от дамы и только старался плюнуть ей в лицо. Это удалось ему сделать уже раза четыре, и дама, зажмурив свои заплёванные глаза, визжала на всю улицу. Кругом уже собралась толпа. Люди стояли, тупо глядели и порой выражали своё сочувствие Колкову.

— Так её! Так её! — говорил рослый мужик в коричневом пиджаке, ковыряя перед собой в воздухе кривыми пальцами с черными ногтями.

— Тоже ешшо барыня! — говорила толстогубая баба, завязывая под подбородком головной платок.

В это время Колков изловчился и пнул даму коленом под живот. Дама взвизгнула и, отскочив от Колкова, согнулась втрипогибели от страшной боли.

— Здорово он её в передок! — сказал мужик с грязными ногтями.

А Колков, отделавшись от дамы, быстро зашагал прочь. Но вдруг, дойдя до Загородного проспекта, Колков остановился: он забыл зачем он вышел из дома.

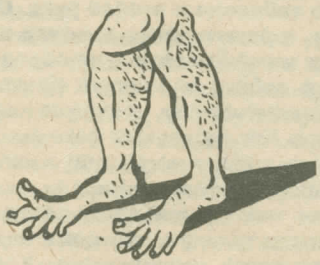
— Господи! Зачем же я вышел из дома? — говорил сам себе Колков с удивлением глядя на прохожих. И прохожие тоже с удивлением глядели на Колкова, а один старичёк прошёл мимо и потом всё время оглядывался, пока не упал и не разбил себе в кровь свою старческую рожу. Это рассмешило Колкова и, громко хохоча, он пошёл по Загородному.

Прогулочка

Мужик и баба играют на свободе,
Стоит оголтелый народ на пароходе,
Глядит в зелёную воду.
В закусочной доктор накапливает силу;
Мужик и баба напарываются на вилу,
И доктор спешит к пароходу.

Стоит пароход, озарённый луною.
Я мимо иду, и Марина со мною,
Погода нам благоприятна.
Мужик и баба громко стонут,
Под пароходом люди тонут,
И доктор уходит обратно.

[1936?]



Рыцари

Был дом, наполненный старухами. Старухи целый день шатались по дому и били мух бумажными фунтиками. Всех старух в этом доме было тридцать шесть. Самая бойкая старуха, по фамилии Юфлева, командовала другими старухами. Непослушных старух она щипала за плечи или подставляла им подножку, и они падали и разбивали свои рожи. Старуха Звякина, наказанная Юфлевой, упала так неудачно, что сломала свои обе челюсти. Пришлось вызвать доктора. Тот пришёл, надел халат и, осмотрев Звякину, сказал, что она слишком стара, чтобы можно было рассчитывать на исправление ей челюстей. Затем доктор попросил дать ему молоток, стамеску, клещи и верёвку. Старухи долго носились по дому и, не зная как выглядят клещи и стамеска, приносили доктору всё, что казалось им похожим на инструменты. Доктор долго ругался, но наконец, получив все требуемые предметы, попросил всех удалиться. Старухи, сгорая от любопытства, удалились с большим неудовольствием. Когда старухи с бранью и ропотом высыпали из комнаты, доктор запер за ними дверь и подошёл к Звякиной. «Ну-с», — сказал доктор и, схватив Звякину, крепко связал её верёвкой. Потом доктор, не обращая внимания на громкие крики и вой Звякиной, приставил к её челюсти стамеску и сильно ударил по стамеске молотком. Звякина завыла хриплым басом. Раздробив стамеской челюсти Звякиной, доктор схватил клещи и, зацепив ими Звякинские челюсти, вырвал их. Звякина выла, кричала и хрипела, обливаясь кровью. А доктор бросил клещи и вырванные звякинские челюсти на пол, снял халат, вытер об него свои руки и, подойдя к двери, открыл их. Старухи с визгом ввалились в комнату и выпученными глазами уставились кто на Звякину, а кто на окровавленные куски, валявшиеся на полу. Доктор протолкался между старухами и ушёл. Старухи кинулись к Звякиной. Звякина затихла и видно начала умирать. Юфлева стояла тут же, смотрела на Звякину и грызла семечки. Старуха Бяшечина сказала: «Вот, Юфлева, когда нибудь и мы с тобой усопнем». Юфлева лягнула Бяшечину, но та вовремя успела отскочить в сторону.

— Пойдемте старухи! — сказала Бяшечина. — Чего нам тут делать? Пусть Юфлева со Звякиной возится, а мы пойдемте мух бить.

И старухи двинулись из комнаты.

Юфлева продолжая лузгать семечки стояла посередине комнаты и смотрела на Звякину. Звякина затихла и лежала неподвижно. Может быть она умерла.

Однако на этом автор заканчивает повествование, так как не может отыскать своей чернильницы.

21 июня 1940 года.

Сладострастный лесоруб

Когда вдали сверкнули пилы,
И прозвенели топоры —
Мне все подруги стали милы,
И я влюблен в них с той поры.

Подруги, милые подруги,
Приятно трогать вас ругой.
Вы так нежны! Вы так упруги!
Одна прекраснее другой!

Приятно трогать ваши груди,
Скользить губами вдоль ноги...
О помогите люди, люди!
О Боже, Боже помоги!

24 августа 1938 года.

Поздравительное шествие

К семидесятилетию Наташи.

Артомонов закрыл глаза, а Хрычов и Молотков стояли над Артомоновым и ждали.

— Ну же! Ну же! — торопил Хрычов.

А Молотков не утерпел и дёрнул стул, на котором сидел Артомонов, за задние ножки, и Артомонов свалился на пол.

— Ах так! — закричал Артомонов, поднимаясь на ноги. — Кто это меня со стула сбросил?

— Вы уж нас извините, — сказал Молотков, — мы ведь долго ждали, а вы всё молчите и молчите. Уж это меня чорт попутал. Очень уж нам нетерпелось.

— Нетерпелось! — передразнил Артомонов. — А мне пожилому человеку по полу валяться? Эх, вы! Стыдно!

Артомонов стряхнул с себя соринки, приставшие к нему с пола, и, сев опять на стул, закрыл глаза.

— Да что же это? А? Что же это? — заговорил вдруг Хрычов, глядя то на Молоткова, то на Артомонова.

Молотков постоял некоторое время в раздумье, а потом нагнулся и дернул задние ножки Артомоновского стула. Артомонов съехал со стула на пол.

— Это издевательство! — закричал Артомонов. — Это уже второй раз меня на пол скидывают! Это опять ты, Молотков?

— Да уж не знаю как и сказать, товарищ Артомонов. Просто опять какое то помутнение в мозгу было. Вы уж нас извините, тов. Артомонов! Мы ведь это только от нетерпения! — сказал Молотков и чихнул.

— Пожалеете об этом, — сказал Артомонов, поднимаясь с пола. — Пожалеете, сукины дети!

Артомонов сел на стул.

— Я тебе этого не спущу, — сказал Артомонов и погрозил кому-то пальцем.

Артомонов долго грозил кому то пальцем, а потом спрятал руку за борт жилета и закрыл глаза.

Хрычов сразу заволновался:

— Ой! Что же это? Опять? Опять он! Ой!

Молотков отодвинул Хрычова в сторону и носком сапога выбил стул из-под Артомонова. Артомонов грузно рухнул на пол.

— Трижды! — сказал Артомонов шопотом. — Хорошо-с!..

В это время дверь открылась и в комнату вошел я.

— Стоп! — сказал я. — Прекратите это безобразие! Сегодня Наталии Ивановне исполнилось семьдесят лет.

Артомонов, сидя на полу, повернул ко мне своё глупое лицо, и указав пальцем на Молоткова, сказал:

— Он меня трижды со стула на пол скинул...

— Цык! — крикнул я. — Встать!

Артомонов встал.

— Взяться за руки! — скомандовал я.

Артомонов, Хрычов и Молотков взялись за руки.

— А теперь за-а мной!

И вот, постукивая каблуками, мы двинулись по направлению к Детскому Селу.

2 августа 1938 года.

Петя входит в ресторан и присаживается к столику. Официант приносит карточку и кладёт её перед Петей. Петя выбирает «бёф-буи» и говорит официанту:

Петя: Дайте мне, если можно, бёф-буи.
Официант: Чего изволите?
Петя: Если можно беф-буи.
Официант: Как вы сказали?
Петя *(краснея)*: Я говорю мне бёф-буи.
Офиц[иант] *(выпрямляясь)*: Что прикажите?
Петя *(испуганно)*: Дайте мне бёф...

(Официант выпрямляется, Петя вздрагивает и замолкает.

Некоторое время — молчание.)

Официант: Что прикажите подать?
Петя: Я бы хотел, если можно...
Официант: Чего изволите?
Петя: Беф-буи, беф-буи.
Официант: Как?
Петя: Бёф...
Официант: Бёф?
Петя *(радостно)*: Буи!
Официант *(с удивлением)*: Буи?
Петя *(кивая головой)*: Беф-буи, беф-буи.
Официант *(задумчиво)*: Беф-буи?
Петя: Если можно.

(Официант стоит задумавшись некоторое время, потом уходит. Петя придвигает стул к столу и собирается ждать. Через некоторое время появляется второй официант, подходит к Пете и кладёт перед ним карточку. Петя с удивлением смотрит на официанта.)

Метро

В Москве построили метро. Вот что сказал по этому поводу известный писатель Н.Н.Никитин:

— Садись и поезжай!

Публикация и подготовка к печати Владимира ГЛОЦЕРА.

СУДЬБА ГИМНАЗИСТКИ, ИЛИ ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ОТКРЫТКИ

Моя жена — наседка,
мой сын, увы, эсер,
моя сестра — кадетка,
мой дворник — старовер.

Эти редчайшие открытки 1917 года по-своему сохраняют ироничную интонацию политического куплета Саши Черного и вполне отражают пестроту умонастроений российского общества в период от Февраля до Октября.

Их инфантильный персонаж, этакая смесь парижского гамена и подросшего румяного путти, рядится в маскарадные политические костюмчики. На нем то почти рабочая кепка социал-демократа, то обывательская шляпа «умеренного», то картуз «трудовика», а то — профессорская шляпа кадета или блестящий цилиндр капиталиста. Ноги же обуты то в лапотки недавнего крестьянина, просвещающегося «Фабричной газетой», то в лаковые штиблеты буржуя. То он размахивает игрушечным пистолетом, то бомбой, хватает то черное, то красное знамя.

Единственный групповой рисунок — большевик и меньшевик. Кепка на глаза и шарф до подбородка у того, кто побольше, и бант под воротником у того, кто поменьше. Ничем другим себя эти двое вроде бы не выдают: бомбой не угрожают, знаменем не размахивают. Только переглядываются, больший да меньший братцы, вот и все.

Кепка на глаза, шарф до подбородка... Что-то знакомое. Да чем это не сам Владимир Ильич, в сопровождении финского телохранителя пробирающийся через наводненный юнкерами город в Смольный, чтобы взять власть в бесхозной империи? И фамилия, помнится, была у него тогда самая незначительная: Иванов. Все эти открытки отправлены одному адресату: город Пернов (Пярну), улица Александровская, дом 5, Ларионовой Майе Тимофеевне. Старшая сестра Вера, посылая их из Петрограда, хочет развлечь младшую — тринадцатилетнюю гимназистку. Их переписка на «открытых письмах» продолжается с декабря 1917-го по январь 1918-го. Вера передает приветы как раз в той открытке, где анархист с бомбой и черным знаменем, сообщает, что новый 1918 год встретила очень весело.

В открытке с курчавым бундовцем, размахивающим пистолетом и прижимающим к себе мячик (деликатный намек на земной шар?), Вера пишет Майе: «Милая, смотри не забунтуй там с мамой так, как этот мальчик, а то плохо будет». А плохо все равно будет — и всем, и скоро. В открытке, где большевик и меньшевик косятся друг на друга, она шутливо спрашивает: «Как провела праздник, весело? Ты, наверное, тоже теперь большевичка?» Тогда еще забавные изображения большевиков отправляли друг другу по почте открытым письмом. И оно доходило до адресата. И вопрос еще казался смешным.

Неделей раньше в открытке с читающим газету «трудовиком» старшая сестра

наставляет младшую: «Трудись, чтобы на старость лет хлеб был бы». И просит: «Собирай все экземпляры «Нивы» и хорошо храни их». Милая, еще счастливая жизнь в двух шагах от Октября. Какая тишина уклада при затихающем раскате эха выстрела «Авроры»!

Скоро Майя Ларионова выйдет замуж за Льва Христиановича Фридрихсона, члена партии большевиков с 1908 года. В 20-е годы он работает в советских торгпредствах в Германии и Дании, в 1937 году несколько месяцев занимает пост заместителя наркома иностранных дел СССР. А затем его судьбу решает Военная коллегия Верховного суда СССР. В свидетельстве о смерти значится дата 27 сентября 1941 года.

А что же Майя Тимофеевна, которую сестра наставляла трудиться, чтобы иметь кусок хлеба в старости? После ареста мужа за ней приходили дважды. Каждый раз, схватив сына, она вскакивала, прижимая его к себе, на подоконник квартиры на шестом этаже Дома на набережной. Кричала, что бросится с мальчиком из окна. А огласки в НКВД не хотели и не любили. В бюро справок сведений о муже не сообщали никаких, передачи не принимали. Но однажды вдруг позвонили и попросили принести теплые вещи. Она оставила сына у сестры и побежала на Лубянку, как на свидание к мужу. Своего сына она увидела только спустя девять лет с того дня.

Вот «Книжка отличника», выданная Фридрихсон М.Т. в Темниковском исправительно-трудовом лагере НКВД. В графе «род работы» — настильщица. Присутствует запись, что владелица книжки «являлась постоянной двухсотницей». Видимо, выполняла лагерную норму на двести процентов. В ноябре 1940 года за перевыполнение октябрьского плана приказом по лагерю «отличнице» разрешено отправить два внеочередных письма. В апреле 1941 года за участие в конкурсе тоже разрешено письмо. Эти письма шли в Москву, на Гоголевский бульвар, где сестра воспитывала ее сына.

На последней странице лагерной книжки напечатаны «Права отличников». Самый первый их пункт сулит перспективу досрочного освобождения. В книжке М.Т.Фридрихсон 12 благодарностей. Но срок заключения она отбыла сполна, как и было предписано постановлением Особого совещания при НКВД СССР: с 13 января 1938 года по 12 января 1946 года.

Внизу справки об освобождении написано от руки: «От работы в лагере освобождена и въезд разрешен на станцию Петушки Владимирской области». С этой станции некогда счастливая перновская гимназистка ездит в Москву повидать сына. Конечно, нелегально. После 1956 года она уедет в город, где когда-то родилась. Выросший сын останется в Москве с ее сестрой — своей приемной матерью. Летом 1961 года он утонет, купаясь, в Серебряном бору. Мать переживет его на пятнадцать лет. Открытки — из ее архива. Подшивок «Нивы» в нем почему-то не сохранилось.

Ирина АНИСТРАТОВА

Открытки из личного архива А.В.Фридрихсона, М.Т.Фридрихсон.

Анархистъ.

Капиталистъ.

Трудовикъ.

Соціалъ-революціонеръ.

21-3-198

ИНДЕКС 73746

Большевикъ и меньшевикъ.